

8С (Арм)
Г83

Григорьев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ТУМАНИАН

МОЛОДАЯ ТВАРИ

Annotation

Ованес Туманян вошел в историю армянской литературы как великий народный национальный поэт. Он был и остается самым популярным, любимейшим поэтом Армении. Жизненная правда, естественности и искренность чувства, простота и ясность языка характеризуют народную музу Туманяна. Как вдумчивый художник-реалист он умел подмечать существенные, типические стороны действительности.

Издание посвящено жизни и творчеству поэта.

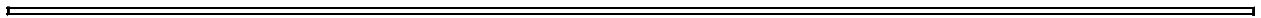
- -
  -
  -
  - [I](#)
  - [II](#)
  - [III](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)
  - [VI](#)
  - [VII](#)
  - [VIII](#)
  - [IX](#)
  - [X](#)
  - [XI](#)
  - [XII](#)
  - [XIII](#)
  - [XIV](#)
  - [XV](#)
  - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА](#)
  - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
- [comments](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

К. Н. Григорьян

ОВАНЕС ТУМАНЯН

Издательство ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Переработанное и дополненное издание

М., «Молодая гвардия», 1953

of Mysore

Туманян вошел в историю армянской литературы как великий народный национальный поэт. В его творчестве нашла верное и глубокое отражение безрадостная жизнь трудовых масс старой дореволюционной Армении, неустанное и упорное стремление угнетенного народа к свободе и счастью.

Вглядываясь в глубину веков, обозревая более чем двухтысячелетнюю историю своей родины, Туманян мечтал о долгожданном часе, когда

Утро вспыхнет зарей
В армянских горах.
Зеленых горах...

В его мудрой мужественной поэзии, выражаясь языком его стихов, «радостью грядущих славных дней звенели струны вдохновенно...»

Туманян был и остается самым популярным, любимейшим поэтом Армении. Глубокой народностью и реализмом своего творчества, светлой верою в грядущее, страстной пропагандой мира и дружбы между народами крупнейший представитель армянской поэзии Ованес Туманян созвучен нашей эпохе, близок и дорог всему советскому народу. Он верил, что в сердцах широчайших народных масс «достаточно сильно чувство солидарности и братства».

Свободу Армении он связывал с освободительной борьбой русского народа. «Происходящие события не являются случайными, — писал Туманян после Октябрьской социалистической революции, — это верная дорога истории. Наше будущее, как я всегда говорил, — связано с Россией, а чем более свободна Россия, тем лучше и для нас и для всего мира». Победу социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества, поэт горячо приветствовал как зарю новой жизни. В завоеваниях Великого Октября Туманян видел осуществление вековых чаяний армянского народа. «Идет власть, — говорил он в 1921 году, — которая должна навсегда покончить с кровью и разорением, создать вечный мир для народов. О такой власти в течение многих веков мечтало трудящееся человечество...

Присмотритесь внимательно к знаменам различных государств и вы увидите на них почти всегда зверей и хищных птиц... Тысячелетиями мечтали народы о мирном труде и мирной жизни, но на знаменах своих государств они видели лишь львов и волков, а у знаменосцев —

окровавленные руки. На знамени же советской власти человечество видит символ труда — серп и молот. Эта власть ведет народы не на войну и убийства, она несет им мирную и спокойную жизнь, основанную на честном труде».

Белинский сравнивал поэзию Пушкина с морем, которое приняло в себя многие малые и большие реки русской литературы «как свое законное достояние». Слова Белинского о Пушкине в известной степени применимы и к Туманяну, в поэзии которого слились в один широкий поток «малые и большие реки» армянской литературы. Творчество Туманяна впитало в себя все лучшее, что было сделано его предшественниками. В идейном и художественном развитии Туманяна большую роль сыграла также передовая русская литература.

Жизненная правда, естественность и искренность чувства, простота и ясность языка характеризуют народную музу Туманяна. Как вдумчивый художник-реалист он умел подмечать существенные, типические стороны действительности.

Жизнь старой армянской деревни, с ее характерными чертами, оттенками и своеобразием, в произведениях Туманяна нашла яркое поэтическое воспроизведение. В этом смысле его творчество представляет подлинную художественную энциклопедию народной жизни. Его поэмы, легенды, сказки, рассказы и стихотворения проникнуты идеями демократизма, искренним и горячим сочувствием к труженикам, к простым людям из народа. Туманян горел ненавистью к царям, тиранам, угнетателям и притеснителям трудовых масс. Любовь к отечеству и любовь к народу были нераздельны в его общественном сознании.

Поэзия Туманяна и в наши дни сохраняет свое значение: она помогает воспитывать в сердцах советских людей благородные стремления, высокое гражданское чувство, любовь к своей социалистической отчизне.

Армения — родина Ованеса Туманяна — расположена на самой границе Европы и Азии. Она лежит на перекрестке великих исторических дорог и не раз становилась яблоком раздора между соседними державами, ареной жесточайших битв^[1].

Тяжелой была судьба Армении. Она прошла долгий тернистый путь. Много крови и слез видела древняя земля. В передовой статье, посвященной пятнадцатой годовщине Советской Армении, в 1935 году, «Правда» писала: «Армения... Кто не знает трагического, кошмарного прошлого этого народа! Находившаяся на рубеже двух миров, двух стран света — Европы и Азии, бывшая некогда одной из могущественных стран древнего Востока, Армения была ареной бесконечных битв и нашествий. Одних завоевателей сменяли другие. Смерчем и ураганом проносились над страной гунны, персы, римляне, арабы, византийцы, сельджуки, монголы, османы. Едва народ успевал опомниться от одной опустошительной грозы, как надвигалась новая. И снова разрушались села и города, разрушалась культура, гибли трудящиеся армяне.

К концу XIV века Армения была окончательно разделена между различными борющимися на территории Средней Азии государствами. В истории армянского народа наступили самые мрачные времена».

Северо-восточная часть армянской территории стала добычей Персии, а юго-западная — перешла к Турции. Произвол, насилие и деспотизм завоевателей довели страну до полной разрухи и опустошения. В течение многих веков правители Турции и Персии проводили политику истребления армянского народа. Население армянских областей вынуждено было покидать свою родину и в чужих краях искать лучшей доли.

Скитальческая жизнь становится одной из характернейших черт исторического существования народа. Думы хариба или пандухта, то есть человека, живущего на чужбине, его тоска по родине стали темой популярной народной песни — «Крунк» («Журавль»), Армения, разоренная врагами, превратилась «в отчизну скорби».

Но и в тисках турецкого и персидского ига армянский народ не прекращал борьбы за свое существование. В конце XVII века особенно усилилось и возросло национально-освободительное движение, а в первой четверти XVIII века обездоленные крестьянские массы во главе с армянским полководцем Давид-беком выступили против персидского гнета.

Истерзанная насилиями иноземных завоевателей, Армения обратила взор к соседнему великому государству — России, надеясь найти у нее защиту и помощь, от нее ожидая спасения.

Еще во времена Петра I возник вопрос о помощи Армении со стороны России. Петр был намерен оказать армянскому народу «милость и протекцию».

После окончания войны со шведами Петр I начал поход в Закавказье, который, хотя и не привел к освобождению Армении от турецко-персидского ига, но воодушевил армян, вызвал к жизни новые силы, укрепил веру в скорую победу.

Манифестом от 18 января 1801 года Грузия была соединена с Россией, которая с этого времени прочно утвердила свое влияние в Закавказье. Постепенно были присоединены и азербайджанские области.

В 1804 году в состав Российской империи вошло Гянджинское ханство, а уже в 1805 году перешли на сторону России Шушинское, Ширванское, Нухинское, Бакинское и Кубинское ханства. Новые территории были закреплены за Россией по так называемому Гюлистанскому договору, заключенному с Персией 12 октября 1813 года.

Летом 1826 года вновь началась война с Персией. После разгрома многочисленной армии противника под Шамхором русские войска под командованием генерала В. Г. Мадатова^[2] заняли город Гянджу (Елизаветполь)^[1].

Многие армяне с огромным воодушевлением вступали в русскую армию, создавали в помощь ей свои национальные подразделения^[3]. Армяне-воины, сражаясь в рядах русской армии, прежде всего защищали кровные интересы своего народа, потому что в русской армии они по справедливости видели свою освободительницу. Вот почему, когда оружие русских «зазвучало у вершин Арарата», армянский народ с великой радостью встречал и приветствовал вступление русских в пределы Армении.

Нетрудно понять восхищение и радость армянского населения, освобожденного русскими войсками от тяжелого многовекового ига. «... Рассказывают, — писал очевидец событий этих лет, — что еще издавна умирающие отцы завещали детям радостным звоном колоколов дать им в могиле весть, когда взойдет для армян солнце счастья, когда русские освободят их от тягостного ига и соберут бедствующих, рассеянных сынов Армении». И Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум» отмечает, как различно реагировали армяне и турки на вступление русских войск в

Арзрум: «Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас, армяне шумно толпились в тесных улицах».

Армянский народ приветствовал русскую армию как свою освободительницу. Так воспринимал события этих лет и армянский писатель Хачатур Абовян^[4]. В восторженных строках романа «Раны Армении» он писал: «Да будет благословен тот час, когда благодетельная нога русского вступила в светлую страну армянскую и изгнала проклятое, злое дыхание кызилбашей^[2] из нашей земли. Пока в устах наших есть дыхание, нам должно денно и ночью памятовать о днях, нами пережитых...»

После победы над Персией к России, по Туркманчайскому договору 1828 года, перешли ханства Эриванское и Нахичеванское, а также Ордубатская область. В результате войны с Турцией, последовавшей после персидской войны, по Адрианопольскому договору, подписанному 1 сентября 1829 года, Россия приобрела Ахалцыхский пашалык. В освобожденных русскими войсками областях находилось многочисленное армянское население. Однако страна была разорена и опустошена. После войны в Россию переселилось более полумиллиона армян.

Освобождение русскими войсками Восточной Армении от турецко-персидского ига в жизни армянского народа явилось фактом исключительного значения. В результате событий конца 1820-х годов была обеспечена прежде всего безопасность народа и создались условия для приобщения армянского народа к величайшим достижениям русской культуры.

Судьба армянского населения, оставшегося в Турции, сложилась весьма трагически: значительная его часть была истреблена, часть же разбредась по всему свету. В Персии армяне владели полуголодное, нищенское существование. История показала справедливость замечания Энгельса, высказанного в письме к Марксу, о том, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку».

В дни Арзрумского похода русской армии Армению посетили А. С. Грибоедов, Д. В. Давыдов и А. С. Пушкин. Они восхищались древней страной, ее суровыми ландшафтами, ее мужественным и многотерпеливым народом.

А. С. Грибоедов первый из русских писателей посетил Армению в феврале 1819 года, когда страна еще находилась под персидским владычеством. Три дня гостил он в «армянской столице», отведал «янтарный гроздный сок, нектар Эривани и пурпурное кахетинское». При

въезде в Эривань Грибоедов увидел лишь толпу жителей «армянской столицы», когда страж «в высокой шапке, в желтом чекмене, в синем кафтане, с висячими на спине рукавами, длинным шестом своим указывал путь и бил без милосердия всякого, кто ему под руку попадался».

Спустя семь лет Грибоедов снова приехал в Армению, но теперь при иных обстоятельствах, в дни русско-персидской войны. Он двигался со штабом русской армии. При въезде Грибоедова в Эривань у моста через Зангу русского писателя приветствовало местное население.

Грибоедов побывал в том горном краю, где спустя несколько десятилетий родился Ованес Туманян. Он бродил по Лорийскому ущелью, спустился в овраг «каменистый и крутобregий», где река Дэвбет протекает «с шумом, с ревом и с пеной». Он восхищался красотой природы и архитектурой древних мостов.

В записках Грибоедова, как и в путевом дневнике 1818–1819 года, впечатления от природы заняли господствующее место. Эти впечатления, несмотря на свою краткость и лаконичность, не лишены самостоятельного интереса.

«С пригорки вид на обширную и прелестную долину Аракса».

«Арабат безоблачный возвышается до синевы во всей красе».

«Прелестное селение Аштарах, — мост в три яруса на трех арках, под ним река Абарень дробится о Камни...»

«Поэтический вечер в галлерее Эчмиадзинской;^[3] В окна светит луна; архиерей как тень бродит...»

«Яркая зелень у подошвы вечных снегов Арабата».

«Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные».

«Прекрасная деревня над Араксом... Тучи и дождь, потом луна всходит...»

Большой поэт чувствуетея и в этих кратких записях, черновых набросках, сделанных в пути. В них запечатлена сама Армения, древняя горная страна, ее неповторимые ландшафты.

Грибоедов любовался видом на Безобдальский перевал, он раскинул шатер над водами и слушал «приятное журчание» родников. По боковой тропинке он поднялся «до самого верха, где ветер порывистый». Это было в начале июня 1827 года, а через год с лишним он снова оказался на Безобдале в дни русско-турецкой войны. На этот раз «на самой крутизне Безобдала» была «сильнейшая гроза», которая задержала путников на всю ночь и они «промокли до костей». Не прошло и года, как Пушкин, проезжая через Безобдальский перевал, у крепости Гергеры встретился с

телом убитого Грибоедова.

Вместе с Грибоедовым приехал на Кавказ Денис Давыдов. Когда началась война с Персией, поэт-партизан был в отставке, в чине генерал-майора. Но вновь зашумели «знамена бранной чести», и не утерпело беспокойное сердце поэта-воина. Простившись с семьей, он спешит на Кавказ.

Впечатления от Армении оставили след и в его поэтическом творчестве. Он посвятил несколько строк описанию природы древней страны:

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагяз, нахмуясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом...

По пути в Арзрум посетил Армению и величайший русский поэт А. С. Пушкин. В его путевом дневнике мелькают отдельные лица, описываются дорожные встречи. Он увидел Араке, «быстро текущий в каменистых берегах своих», бедное армянское селение, которое оставило издали впечатление «груды камней», «нескольких женщин в пестрых лохмотьях», сидящих «на плоской кровле подземной сакли», они угостили Пушкина сыром и молоком. На берегах Аракса «селения были пусты. Окрестная сторона печальна».

В путевых записках Пушкина богатство и красота древнего края нашли высокое поэтическое воспроизведение. «Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстилались злачные, зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении... Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на востоке в пословицу...»

Вслед за общей картиной незнакомой страны в записках Пушкина даны зарисовки армянского нагорья, своеобразие и контрасты его природы. Утром Пушкин любовался ясным небом и зелеными полями, а к вечеру над

громадами гор сгущались черные тучи. «Дождь стал накрапывать и шел все крупнее и чаще... ночь была темная..» Пушкин побывал и на высотах Согоан-лу. Там уже другой пейзаж. «Природа около нас была угрюма. Воздух был холоден, горы покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах...»

Наутро вновь светило солнце. Пушкин любовался сияющими в утренних лучах горными вершинами.

Такой предстала природа Армении перед глазами поэта, то цветущая, радостная, вся сияющая, то суровая, печальная, угрюмая.

Возвращаясь на родину, приветствуя широкие поля России и Тихий Дон, Пушкин еще раз вспомнил далекую Армению:

... Как прославленного брата
Реки знают Тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.
Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю...

Армения — горная страна. Многочисленные цепи малых и больших возвышенностей тянутся по армянской земле. Вершины Арарата и Алагяза покрыты вечными снегами. Между гор разноцветными коврами лежат поля и нивы. В долинах и на склонах гор чернеют деревни. Над каменистыми дорогами нависли громады темных скал. В окрестностях городов и сел раскинулись фруктовые сады. По краям дороги зеленеют стройные ряды серебристых тополей...

Географическое положение, суровые природные условия, неблагоустроенные, узкие, каменистые дороги способствовали сохранению в Армении натурального хозяйства и патриархального уклада жизни. Горы, глубокие ущелья затрудняли сообщение между разбросанными населенными пунктами, в особенности зимою, когда свирепствовали метели. Под снегом тогда бесследно исчезали дороги, и надолго закрывались все пути сообщения с внешним миром^[5].

Основную массу народа в Армении составляло крестьянство. Деревня жила замкнутой жизнью. Здесь сохранились пережитки феодально-патриархальных отношений, долго оставался нетронутым старинный быт.

Крестьянское население строго придерживалось дедовских обычаев — адатов, покоящихся во многом на суевериях и предрассудках, иногда бесчеловечных и несправедливых, в особенности по отношению к женщине.

Детство Туманяна прошло в этой патриархальной среде. И наряду с яркими картинами народных праздников и мирных бесед у вечернего очага, наряду с неповторимыми пейзажами родной стороны в память ему врезались сцены горя народного: бесправие, нищета при беспросветном тяжелом труде, отсталость и дикие, «освящённые стариной», обычаи, заставляющие добрых в сущности людей совершать необычные по своей жестокости поступки.

Все это нашло впоследствии отражение в творчестве Туманяна, горячо любившего свой народ и помогавшего ему своими произведениями найти дорогу к светлому будущему.

II

Туманян не без чувства гордости и с нескрываемым восхищением говорил о своих предках, неустрашимых храбрецах древнего Лори. Обращаясь к образам прошлого, к древним лорийцам, он видел в них отважных сынов народа, которые горели благородной любовью к отчизне, самоотверженно защищали родную землю.

Знакомство с героическим прошлым родного края оставило значительный след в поэтическом сознании Туманяна. Он любил возвращаться к рассказам

О древних обитателях Лорийского ущелья, об их храбрости и подвигах. При этом в своем повествовании он указывал на древние камни и скалы, как на живых свидетелей героического прошлого. Он говорил собеседнику: «Вон, видишь, большой камень, около него было...», или «вот здесь на берегу, когда лорийцы купались в реке, напали лезгины». Все это чрезвычайно важно для понимания роли древней культуры края, воспитавшей в Туманяне чувство живой связи с историческим прошлым, развившей в нем способность, отталкиваясь от реальных ощущений, силою воображения создавать верную и красочную картину событий далеких времен.

Глубоко интересовало Туманяна и сравнительно более близкое прошлое, свидетельствующее о воинственном характере лорийцев. Один из ранних прозаических опытов армянского поэта — рассказ «Из жизни храбрецов» посвящен истории родного края. В нем автор возвращался к событиям 20-х годов прошлого столетия, к знаменательному периоду жизни армянского народа, когда русские войска освобождали древнюю страну от многовекового ига поработителей. Туманян повествует о том времени, когда население целого ряда областей, преследуемое полчищами Гасан-хана, вынуждено было скрываться в ущелье, о том, как один из прославленных лорийцев Оваким Юзбаша со своим отрядом подбадривал народ, организуя активное сопротивление врагу. Отец Овакима, старик Меграб, изображен Туманяном как патриарх Лорийских ущелий, который «вовсе и не думал о том, что ему уже более ста лет». Подвиги сына и его друзей давали ему новую силу и энергию, приносили радость, и вновь трепетало сердце в его старческой груди. Туманян называет Меграба старым орлом, «гордо восседавшим на высоком утесе», который, посмеиваясь над врагами, рассказывал о блистательных подвигах своих

предков. «Для подлого врага, — говорит старик, — у нас наготове меч и винтовка, для честных людей — хлеб да соль».

Прадед Туманяна по отцу славился своим смелым, воинственным характером. Писатель Хачатур Абовян в романе «Раны Армении», вспоминая старинных удалцов — игитов Лорийских ущелий и рассказывая об их мужественной борьбе против поработителей армянской земли, воссоздает эпический

былинный образ прадеда Ованеса Туманяна, одно имя которого «заставляло трепетать камни». Он обладал большой физической силой: «двое мужчин не могли обхватить его, пять человек не могли скрутить одну его руку. Нога его всю жизнь ступала по цветам, по зеленым лужайкам, у горных ручьев. В лесу впервые открыл он глаза в своей колыбели...» Прадед писателя стоял во главе многолюдной семьи. Несмотря на свой возраст, он работал наравне с молодыми людьми, а в веселые минуты лихо заламывал папаху и плясал, когда все плясали. Вечерами, под кровом шатра, собрав вокруг себя членов своей семьи, он рассказывал о старине, об отваге лорийцев, о лезгинах и турках...

Дед Туманяна был также человек незаурядной физической силы, отлично владел оружием и считался лихим наездником. Он был добр, гостеприимен, жизнерадостен; слыл веселым и остроумным собеседником. Помнившие его старики говорили, что Ованес Туманян многими чертами характера напоминал деда.

Маленький Ованес не видел его, но много красочных рассказов о нем услышал от бабушки.

Ованес родился 19 февраля (по новому стилю) 1869 года в деревне Дсех (ныне Туманян). Отец его тэр-Татевос^[4] был сельским священником^[6]. Он принадлежал к числу тех цельных и чистых натур, которые часто можно встретить в народе. Тэр-Татевос был человеком с отзывчивым сердцем и пользовался уважением населения всего края. Туманян очень любил своего отца и память о нем сохранил на всю жизнь. «Наилучшее и самое драгоценное, что я имел в жизни, — писал Туманян, — это был мой отец. Он был человеком благородным, в полном смысле этого слова, чрезвычайно гуманным, щедрым и глубоко серьезным». Сан священника не мешал ему быть отличным стрелком и великолепным наездником.

Мать писателя Сона была из того же села Дсех. Она происходила из простой крестьянской семьи. Отец ее был пастухом, который провел всю свою жизнь на лоне природы. И мать Туманяна «впервые открыла глаза в

горах». Она, пишет Туманян в своей краткой автобиографии, была настоящей девушкой гор, как говорят крестьяне, «беспокойной ланью». После замужества Сона стала волевой и деятельной женщиной, на которую легла вся тяжесть хозяйственных забот. У нее было восемь детей: пять сыновей и три дочери. Дни ее, с рассвета до поздней ночи, проходили в бесконечных хлопотах и непрерывном труде.

По своему характеру Сона несколько не походила на мужа. «Двое совершенно противоположных существ встретились друг с другом, — говорит Туманян в своих записях. — Она не в состоянии была переносить беспечный и расточительный характер моего отца, и они постоянно спорили меж собой. По этой-то именно причине отец мой иногда тайком вершил свои дела. Часто случалось, что как только мать уходила из дому, он ставил меня у дверей караулить, в то время как сам пересыпал зерно какому-нибудь обездоленному крестьянину или спустившемуся с гор азербайджанцу». В семье Туманяна бывало шумно, но все споры и перебранки обыкновенно кончались миром.

Детство Туманяна прошло в Лори. Богатое историческое прошлое этого горного края еще в годы молодости привлекало внимание поэта. По своему географическому положению, — говорит он, — деревня Дсех казалось была создана в виде естественной неприступной крепости. Небольшая равнина с юга была окружена густыми, непроходимыми лесами, а с остальных трех сторон — глубокими ущельями. Но не географическим положением Туманян объясняет тот факт, что в эти места почти «не вступала вражеская нога», а тем, что там жило могучее горное племя.

Туманян, опираясь на историческое предание, объясняет происхождение развалин, которыми так богато ущелье Дсеха. В далекие времена они служили убежищем для населения, вынужденного покинуть насиженные места и временно укрываться от врагов в этих пещерах. В окрестностях Дсеха сохранились также руины воздвигнутых еще в раннем средневековье монастырей и крепостей. Древние могилы и надписи на них сохранили память о далеких предках лорийцев.

Деревня Дсех, где прошли детские годы Туманяна, в 60—70-х годах прошлого века жила замкнутой жизнью, патриархальный быт ее оставался почти непоколебленным. В скупых, но ярких строках из пролога к ранней поэме Туманяна «Маро», перед глазами читателя оживает родное село поэта:

Там, высоко, над скалой,

В глуби гор, покрытых мглой,
Скал украсило чело
Наше старое село.
И утес, как великан.
Призадумался угрюмо,
Только ведает туман,
Что таит утеса дума.

.....

Там молящийся народ
Свято все посты блюдет.
И ходили в церковь чинно,—
Все же горе беспричинно
И нежданная беда
Постигала нас всегда.

(Пер. М. Гальперин)

В деревне жили тогда большими семьями, нередко до тридцати-сорока человек.

Богачи имели дома. Бедняки ютились в дымных землянках. Дом, в котором родился поэт, был обычным крестьянским жилищем, хотя и довольно просторным: хозяйство Туманянов по достатку считалось средним.

Зима в лорийском крае сравнительно суровая, а лето знойное. Весною, когда наступали теплые солнечные дни, крестьяне со всем хозяйством и скотом подымались на верхние луга на склоны зеленых гор, ставили там шалаши и палатки и жили до первых заморозков.

Семья Туманяна наравне с другими крестьянами уходила в горы. Дети целые дни, иногда и теплые звездные ночи, проводили под открытым небом, дыша прохладой горного воздуха и ароматом зеленых полей.

В зрелые годы поэт не раз возвращался к воспоминаниям детства. Он с большой любовью и теплотой рисовал незабываемые и милые сердцу картины счастливого существования, когда были еще неведомы ему «раны жизни», когда он весело и беззаботно скитался по цветущим лугам. «Детство свое я провел в горах, — писал Туманян в автобиографическом рассказе «Ахмат». — Я очень любил бабушкин дом и постоянно бывал там. Самый младший из моих дядюшек, Ахмат, был пастухом. Он брал меня с собой сторожить ягнят, приносил мне с поля красные ветки смородины, а

по вечерам развлекал игрой на свирели.

В звездные, лунные ночи вся семья собиралась вокруг огромного костра. Дедушка, бабушка и дядюшка хлопали в ладоши, а я плясал и порхал между ними, словно бабочка».

Яркие ощущения и впечатления детских лет, вызванные к жизни чудесной природой родного края, возымели благотворное действие на воспитание и развитие поэтического чувства. Селение Дсех окружают горы, покрытые густыми лесами. На полях благоухают тысячи диких цветов. В глубоком ущелье шумит река Дэвбет. Пяти-шестилетний мальчик Туманян со своими друзьями любил бродить по горам и полям. Дети собирали ягоды, дикие груши, яблоки, орехи — все, чем были так богаты окрестные леса. В полдень мальчики отдыхали у развалин древнего монастыря и здесь, в тени орешника, жадно уничтожали свой завтрак. Эти дни вспоминал Туманян в поэме «Маро»:

Близ села до этих пор
Ива грустная растет...
Пощадил ее топор,
Близок леса темный свод...
Жгли, бывало, зноем скалы,
И не раз батрак усталый
В трудовой и жаркий день
Находил под ивой тень...
Тут же вился с гор поток,
Сладкогласый ручеек,
Неустанный и звенящий,
Он журчал в зеленой чаще,
И гурьбою детской, голой,
Шли долиной мы веселой
В жаркий полдень искупаться.
Порезвиться, посмеяться...
Так беспечной детворой
Жили летней мы порой,
Над цветным спеша песком
За лучистым мотыльком...

Когда Ованесу исполнилось семь лет, он стал пасти скот. С рассвета мальчик уходил с волами в поле, садился под деревьями. Дни и ночи

проходили под открытым небом, на лоне природы.

Деревенские дети жили дружно. Каждое утро они собирались где-нибудь в поле, играли, шутили, а по вечерам слушали сказки. Среди товарищей маленького Ованеса был мальчик по имени Несо, искусный рассказчик. «В летние лунные ночи, — вспоминает Туманян, — усаживались мы на бревна около нашего дома и зачарованно впивались глазами в хорошевшее от воодушевления личико Несо. Рассказывал он про Гури-Пери, про Изумрудную птицу, про Светлое и Темное царство». Нередко ночью в поле старый пастух, собрав вокруг себя деревенскую детвору, медленно потягивая свой длинный чубук, рассказывал о старине. Лучи костра озаряли напряженные лица слушателей. В ущелье шумела река...

Память мальчика навсегда сохранила картины дальних гор, покрытых голубым туманом. В густых, непроходимых девственных лесах, которые «не слышали еще звука топора», можно было натолкнуться на медведя. В дуплах деревьев жили дикие пчелы.

На высоких утесах, где свивали свои гнезда горные орлы, по временам показывались пугливые дикие козы. Река едва виднелась сквозь густые ветви деревьев. Дети с трепетом и страхом вступали в дикий лес, чтобы пробраться к реке.

В саду Туманянов росли огромные тенистые ореховые деревья, под которыми отдыхали дети в знойные летние дни, или палками сбивали с дерева орехи. Особенно любил Туманян весну в горах, обильные дожди, гром и молнию, разбушевавшуюся грозную стихию природы. Громовое эхо раздавалось далеко-далеко и исчезало где-то за черными громадами гор.

Недаром впоследствии пришлось по душе поэту переживания героя поэмы Лермонтова «Мцыри», который «как брат, обняться с бурей был бы рад...»

Может быть, ничто в такой степени не волновало мальчика Туманяна, как грозный шум реки в глубоком ущелье.

«Моим великим учителем был шум реки Дэвбет, — говорил потом поэт. — В ночной тиши я всегда прислушивался к ее голосу, то глухому и глубокому, то ясному и страшному. И, казалось, река говорила с моей душой...» С детских лет эта необычайная музыка как бы очаровала Туманяна.

Поздно вечером, когда умолкал шум дня, он любил лежать на краю ущелья и слушать в тиши глухой гул реки. На темносинем небе луна перебегала из тучи в тучу, а внизу во мраке серебрились разъяренные волны... В его поэтическом воображении теснились мысли, рождались

образы, которые потом, оживая, появлялись в его поэмах. Одно из первых произведений Туманяна «Сако Дорийский» начинается картиной реки Дэвбет:

Внизу, у подножья, дик и безумен,
Стремясь через камни, неистов и шумен,
Из пасти низвергнувший пенистый след
Бушует и вьется мятежный Дэвбет...
О берег скалистый он бьется и брызжет,
Потерянный берег цветущий свой ищет...

(Пер. М. Гальперин)

На формирование поэтического мирозерцания Туманяна значительное воздействие оказали также жизнь и быт армянской деревни, сказки и предания народной старины.

Отец поэта тэр-Татевос был прекрасным рассказчиком, имел приятный голос и любил петь. В вечерний час, когда собиралась вся семья, мать говорила о своих хозяйственных делах и о том, как много еще предстоит сделать завтра, а отец, облокотившись на круглую подушку, играл на чонгуре^[5] и пел о подвигах Кёр-оглы, о любви Кярама^[6]. Тэр-Татевос много знал и старинных протяжных песен, в которых нашли отражение думы и чаяния народа.

Маленький Ованес любил слушать отца, и эти тихие часы у родного очага оставили в его памяти неизгладимый след.

Народная поэзия в жизни старой армянской деревни занимала важное место. В долгие зимние вечера крестьяне любили шумные беседы, рассказы стариков о прошлом, сказки и предания, песни странствующего народного певца-ашуга, которого всегда принимали как самого желанного, дорогого гостя. Вот как описывает один из русских путешественников, посетивший страну в сороковых годах прошлого века, несложное убранство крестьянского жилища в Армении, «ода», где обычно происходили эти веселые беседы: хижина «была перегорожена на два отделения: в первом — по обеим сторонам камина сделаны на земляном полу широкие нары; во втором — такие же нары с поперечными перегородками для приходящих; отсюда влево — обширное подземелье на подпорках, где к стенам прислонены ясли на двадцать лошадей. Для ночлега отвели мне первое гостиное отделение с камином; однако я слышал

ясно за полуперегородкою жвачку, вздохи, стоны и чиханье буйволов».

«Ода» — зимнее помещение в старинных крестьянских домах, непосредственно примыкающее к хлеву, от которого оно отгорожено невысокой перегородкой. В таком своеобразном жилище, на длинных тахтах, стоящих вдоль стен и застланных коврами, покрывалами из шерсти, а у бедняков — из соломы, — старики ближе к камину, а молодые несколько подальше от него, — деревенские жители слушали рассказчика или странствующего певца. Редко кто из присутствующих оставался в роли пассивного слушателя. Обычно они воодушевляли рассказчика дружным веселым шумом, остротами, возгласами одобрения.

В деревне Дсех дети не учились. Предоставленные самим себе они свободное время проводили в играх. «Не было ни школы, ни уроков, ни воспитания», — писал Туманян. Возможно, долго длилось бы это беспечное и вольное существование деревенской детворы, если б не случай. Однажды, как рассказывает Туманян в автобиографии, в то время, когда он играл у дома, а мать сидела и пряла, проходил по улице какой-то человек, похожий на странника: с длинными волосами и черной бородой, в тяжелых башмаках, постукивая своим железным посохом.

— Догони этого лудильщика, позови, — сказала мать, — дадим ему кастрюли наши лудить.

Оставив игру, Ованес побежал за незнакомцем и позвал его. Он оказался вовсе не лудильщиком, а дьячком, дальним родственником, которого звали Саак. В беседе он завел разговор о своих познаниях.

— Тирацу джан^[7], — сказала мать, — как хорошо было бы, если б ты остался в нашем селе, учил бы грамоте ребят.

Саак охотно согласился, крестьяне поддержали, и в деревне Дсех возникла школа, куда и поступил маленький Ованес.

«В небольшой комнате была собрана группа детишек, — рассказывает Туманян о своей первой школе, — мальчики и девочки расселись на высоких и длинных скамейках, — вот и вся наша школа, где началась моя учеба. Наш варжапет^[8] Саак руководил нами «железным посохом». Свой железный посох, похожий на ружейный шомпол, он часто гнул на спинах детей, немилосердно таскал их за уши и ударами огромной дубовой палки сдирал кожу с рук «щенков».

Туманян рисует ряд жестоких сцен, ежедневно происходивших в школе дьячка Саака, который безнаказанно применял своя варварские приемы воспитания.

Обыкновенно он подзывал ученика к себе поближе и начинал

спрашивать заданный урок. Когда ученик ошибался, что, надо полагать, случалось нередко, то он настолько терялся от ужаса предстоящего наказания, что больше нельзя было понять его бессвязную речь, и он говорил одни нелепости. Тогда, побагровев от ярости, загибая рукава чухи, вставал варжапет со своего места и начиналась расправа... Несчастливая жертва, извиваясь, стонала и выла от боли, тщетно молила о пощаде. Побледневшие от ужаса дети смотрели на эту сцену, как говорит Туманян, «подобно продрогшим от холода птичкам, рассевающимся в ряд на длинных, высоких скамейках».

И не удивительно, что были случаи, когда некоторые из учеников, будучи не в силах переносить этот «педагогический террор», становились «качахами», то есть беглецами. Они покидали родной дом, уходили из деревни и скитались в окрестных горах. В ту пору такое жестокое отношение к детям не было исключением, — так учили в деревне всех. Никто из крестьян-родителей не выражал протеста. Общепринятым было уродливое представление о пользе физических наказаний при обучении детей чему-либо полезному. В такой же школе учился и другой армянский писатель, известный романист Раффи¹⁷¹. «Я до сих пор не забыл, — писал он в автобиографическом рассказе, — что говорила мать, вручая меня учителю: «Батюшка, слугой буду твоей святой десницы, сына к тебе привела, мясо тебе — кости мне, делай с ним, что хочешь, лишь бы ребенок чему-нибудь выучился...»

Побои невежественных варжапетов предполагались как самое верное средство воздействия на ребенка, как основной метод воспитания и обучения грамоте. Формула «мясо тебе — кости мне» давала «наставникам» неограниченные права в применении к детям физических истязаний.

К счастью Ованеса, ему мало доставалось от Саака, так как дьячок стеснялся отца Туманяна и побаивался его матери. В течение двух лет Ованес посещал сельскую школу, но мало чему научился в ней.

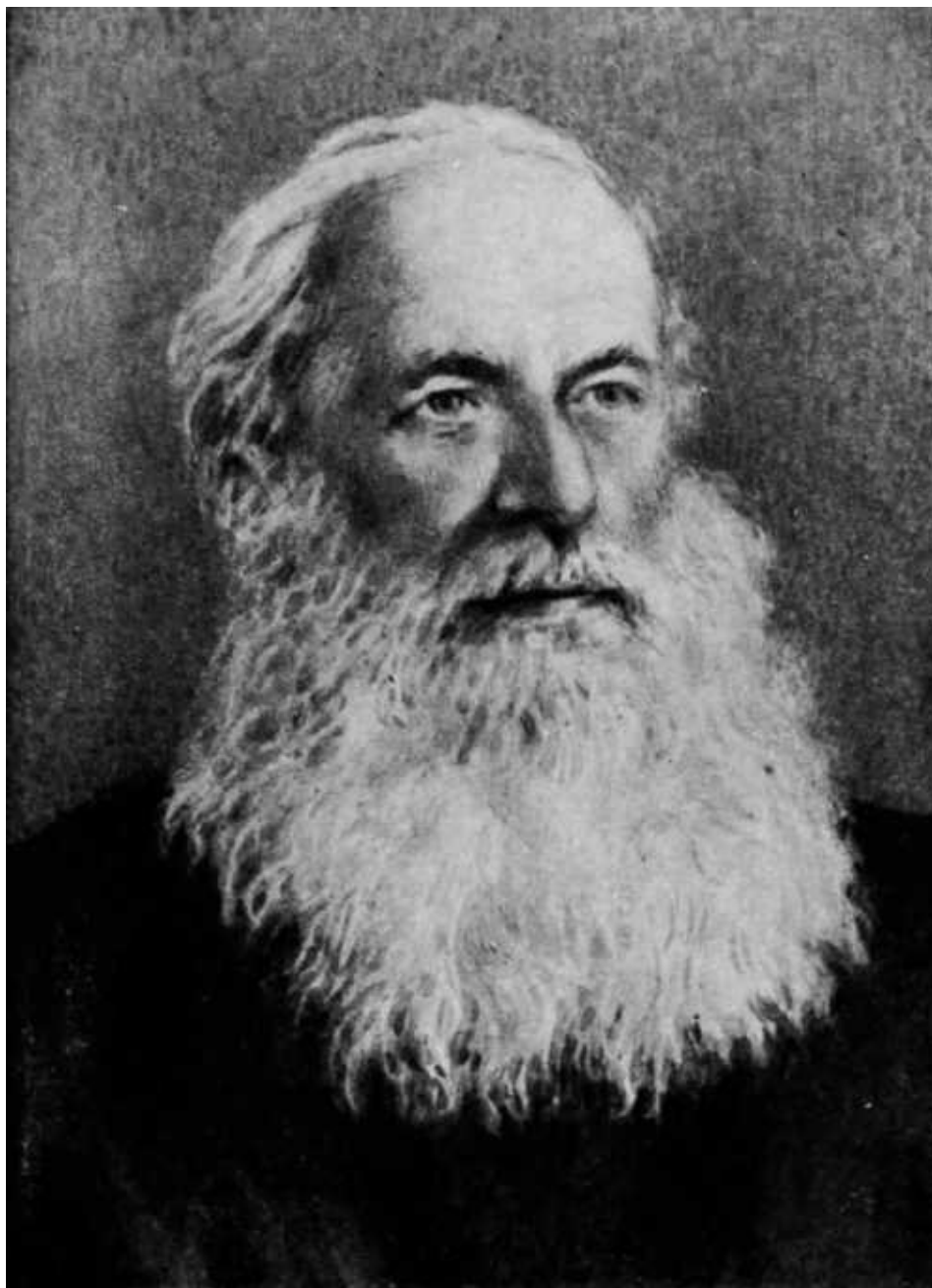
С детских лет Туманян был свидетелем тяжелых картин бесправия и угнетения крестьян. Вокруг царили нищета и горе. Еще ребенком он почувствовал несправедливость жизни старой деревни. Он впервые понял, что значит быть бедным, когда в деревне открыли школу. За ученье нужно было платить деньгами, и многие из его маленьких друзей не попали в школу. Не смог учиться и Несо, веселый рассказчик. Вспоминая детство, Туманян писал: «Впервые поняли мы тогда, что иные из нас зажиточны, а иные бедны. До сих пор еще слышится мне плач Несо, который, катаясь по земле у порога своего дома, ревел, что он тоже хочет в школу, и голос его

отца, кричавшего: «Нету, нету, чтоб тебе провалиться. Откуда я возьму? Будь у меня три рубля, я купил бы хлеба, чтобы накормить вас и чтобы вы не сидели голодными! Нету!».

Несо и другие из друзей детства Туманяна, родители которых по бедности не были в состоянии платить за учебу, не попали в школу. Они собирались

у школьного здания, толпились у порога и с завистью смотрели на своих счастливых сверстников. Но их лишили и этого удовольствия. Учитель не разрешал стоять у дверей и отгонял их. До сих пор Туманян в среде своих друзей детства не замечал различия между имущими и неимущими. Они были почти всегда вместе. Играли, шутили и веселились, их связывала взаимная любовь и дружба. А теперь все как-то сразу изменилось. «Разлучили нас впервые, — писал Туманян, — и разлучили школа и учитель. Впервые мы поняли, что одни из нас — имущие, другие бедные». Это был один из самых драматических моментов детства Туманяна, и он спустя многие годы вспоминал своего друга, с которым так много играл, и который так хорошо умел рассказывать волшебные сказки: «Несо беден... Несо неуч... Несо забит тупостью тяжелой крестьянской жизни... Из него тоже вышел бы неплохой человек, может быть даже лучше меня, если б он получил образование, воспитание и был обеспечен...»

Отец Туманяна — Тэр-Татевос. С фотогр. 1896 г.

Деревня Дсех (ныне Туманян).

В 1879 году отец отвез десятилетнего Ованеса в город Джалалоглы^[9]. Тревожную ночь провела семья перед отъездом сына. Туманян вспоминал о том, как мать не могла сомкнуть очей и все плакала, как он сам всхлипывал в постели. Поутру собрались в путь. Шел снег. Отец посадил маленького Ованеса и его брата на лошадь, а сам пошел рядом пешком по грязной и занесенной снегом дороге. Ветер трепал его седую бороду... Поздней ночью доехали до Колагерана, а утром направились в Джалалоглы, который в те времена был административным центром Лори. Сюда стекалось много народу из соседних сел, и жизнь здесь была более оживленной. В городе стояли и войсковые части.

В Джалалоглы Туманян поступил в школу Тиграна Тер-Давтяна, считавшуюся тогда образцовым учебным заведением. Тер-Давтян окончил в 1866 году армянскую школу в Феодосии, много путешествовал, был образованным и культурным человеком. Он владел русским, французским, турецким и персидским языками и сам преподавал историю, литературу и географию. Он имел богатую библиотеку, двери которой были широко открыты для учащихся. Благодаря школьной библиотеке Туманян

ознакомился со многими произведениями как армянской, так и русской и западноевропейской литературы в переводах.

В Джалалоглинской школе были приняты внеклассные групповые чтения, круг которых был довольно широк. Детям удалось прочесть, наряду с произведениями армянских авторов, многие образцы русской и западноевропейской классической литературы.

В школьные годы в числе близких товарищей Туманяна был Анушаван Абовян, который в своих воспоминаниях рассказывает о первой встрече с юным поэтом. В 1880–1881 годах Анушаван служил в лавке одного купца приказчиком. У юноши была большая тяга к знаниям, страстное желание получить образование, но поневоле, по семейным обстоятельствам, он оказался в среде, к которой питал отвращение. И когда бывали свободные часы, Абовян, иногда придумывая разные предлоги, во время перерывов между уроками, оказывался у школы и не без зависти смотрел на играющих шумно и весело во дворе учениц и учеников. Однажды он обратил внимание на мальчика, который выделялся своей внешностью: по своим летам сравнительно высокого роста, статный, с доброй улыбкой, орлиным носом и прядью черных волос на широком благородном лбу. Внешний облик мальчика был настолько приятным и привлекательным, что Анушаван решил познакомиться с ним. Вскоре они стали друзьями. Другой раз Абовян встретил Ованеса задумчивым и бледным. Оказалось, что тот влюбился в одну из учениц. Об этом узнал директор школы, и трое из учеников начали следить за Ованесом. В один прекрасный день они застали юного поэта под деревом, пишущим стихи. Его привели к директору, и только вмешательство преподавателей избавило Ованеса от наказания.

В годы пребывания в Джалалоглы заметно проявился интерес Туманяна к устному народному творчеству. В свободное от уроков время ученики собирались у школьного сторожа старика Акопа и слушали его сказки. Много интересного рассказывал и печник, уста^[10] Симон.

Но как ни хорошо было в школе, Туманян с нетерпением ждал летних каникул, того радостного часа, когда он вновь увидит родные горы.

Школу Тер-Давтяна Туманян не окончил. Весной 1883 года он покинул Джалалоглы и вернулся в Дсех. В августе того же года отец привез Ованеса в Тифлис. После успешной сдачи экзаменов Туманян поступил в Нерсисянское духовное училище^[8].

Тифлис был тогда центром экономической и культурной жизни всего Закавказья. Здесь издавались грузинские и армянские газеты и журналы, существовали национальные театры. Тогда в зените своей славы находился

основоположник армянской реалистической драматургии Габриэл Сундукян^[9], пьесы которого с большим успехом шли и на грузинской сцене. Осенью 1883 года, когда Туманян сдавал приемные испытания в Нерсисянское училище, Тифлис посетил знаменитый русский драматург А. Н. Островский. Он был очень тепло и радушно встречен литературной общественностью города.

Четырнадцатилетний Туманян впервые увидел большой город.

После Джалалоглы Тифлис произвел на Туманяна необычайно сильное впечатление. На улицах он видел нарядные толпы людей. Город гремел в веселом шуме. «Зурна, барабан, бубны, хлопки, смех, танцы, песни... да и то не в домах, а на улице, у дверей, на крышах. Особенно по вечерам». Впоследствии, когда Туманян в рассказе «Гикор» писал о переживаниях деревенского мальчика, попавшего в большой шумный город, он несомненно опирался на свои личные воспоминания. Здесь была совершенно другая жизнь: «Лавки, полные фруктов, горы сложенных разноцветных ситцев, разнообразные игрушки, толпа детей, идущих в школу и обратно, мчащиеся друг за другом фаятоны, караваны верблюдов, ослики, навьюченные зеленью, кинто^[11] с лотками на головах... Весь этот грохот и звон, шум и крики, все перемешалось и гудело в голове».

Временами ему казалось, что он очутился в «огромном доме, где шла веселая свадьба». Но не было весело Туманяну. После деревни и жизни в Джалалоглы, где осталось много друзей, Ованес ощутил чувство одиночества и часто грустил. На его душевное состояние несомненно влияла и непривычная городская жизнь, которая ему не нравилась. Туманяна по-прежнему тянуло в деревню. И когда начинались каникулы, он, не теряя времени, вместе со своими земляками и товарищами по училищу, отправлялся в Лори. Тогда в тех местах не было железной дороги. Ехали обычно на лошадях, верхом. Дорога проходила через живописные места. Отдыхали в тени деревьев, у родника. Впереди ожидал их ночлег в местечке Шулаверы.

В Тифлисе Туманян жил бедно. Сохранилось его письмо от 1 января 1885 года, в котором он благодарил родителей за присылку денег на пальто и сообщал, что, в целях экономии, решил ограничиться лишь покупкой верхней одежды и белья. «...Пальто, — писал он, — покупать считаю излишним; в школе тепло, от дома до школы несколько шагов, а ходить мне никуда больше не надо».

В школе Туманян учился неважно, временами не готовил уроки и особенно не любил арифметику. Зато читал много.

В Нерсисянском училище Туманян пробыл два года, получив познания главным образом по гуманитарным дисциплинам. Педагогические силы в училище были хорошие. Историю Армении и французский язык преподавал писатель, автор исторических романов Дзеренц^{10}, историю и географию России — известный своими переводами Шиллера Г. Бархударян, армянский язык — ученый филолог К. Костанян. Чем же объяснить, что Туманян оставил Нерсисянское училище, не завершив одного курса? По всей вероятности, основная причина заключалась в материальных затруднениях отца. Но были, очевидно, и другие причины. Оставив училище, Туманян намеревался продолжать свое образование в каком-либо другом учебном заведении, но это было не так легко.

Туманян был еще воспитанником Нерсисянского училища, когда он узнал о «чопурских молодцах». Он восхищался их отвагой. Один из школьных товарищей Туманяна вспоминает: «В те времена Дорийское ущелье гремело от разбойничьих смелых дел сыновей Чопура. Их было восемь братьев. Они были несчастными жертвами русского самодержавия и господствующих порядков. Храбрые дела чопурских молодцов казались нам, ученикам, настоящим рыцарством».

История чопурских молодцов носила ярко окрашенный характер протеста и борьбы с несправедливым общественным строем. Об этом говорит в своих воспоминаниях и поэт Аветик Исаакян^{11}. Началось с того, что старший из братьев, Согомон, восстал против богачей, убил кулака и вместе с братьями скрылся в горах. В течение многих лет царские стражники и казаки не могли справиться с отчаянными беглецами. Интерес к чопурским бунтарям свидетельствует о настроениях юного Туманяна, о его горячей симпатии к тем, кто не мирился с произволом и насилием, кто с оружием в руках защищал свои права. В этом его увлечении сказалась и романтизация вольной жизни в горах под влиянием кавказских поэм Пушкина и Лермонтова, с которыми Туманян был уже хорошо знаком. Сказалось и сильное влияние народно-разбойничьих драм, в которых герои обычно бегут в горы, чтобы мстить богачам и власть имущим за горе и слезы народа. Они, в сущности, — народные мстители, которые выступают защитниками угнетенных масс и которых преследуют.

Мечтой Туманяна было создать для себя более или менее удовлетворительные материальные условия и целиком посвятить себя литературе. Но осуществить эти планы не удавалось, и он вынужден был поступить писцом в Тифлисскую духовную консисторию с месячным окладом 16 рублей 66 копеек. Юноша попал в совершенно чуждую ему

среду, где, помимо скучной канцелярской работы, должен был по своему служебному положению общаться с людьми, которые были-глубоко враждебны ему. Он сочинял злые эпиграммы на духовных высокопоставленных лиц, что не могло долго оставаться неизвестным, и вскоре Туманян должен был оставить консисторию. Пять лет, с 1887 по 1892 год, проведенные в духовном ведомстве, Туманян считал самым темным и безотрадным периодом своей жизни. В марте 1892 года он писал своему товарищу Анушавану Абовяну: «С глубокой печалью смотрю я на это прошедшее пятилетие, как на могилу, как на ад, откуда я ушел».

Весною 1892 года, благодаря заботам друзей, Туманян устроился на работу в издательское товарищество, в качестве конторщика, — но не надолго. В том же году он ушел оттуда, — это была вторая и последняя служба. Туманян отдался исключительно литературному труду и до конца своих дней оставался профессиональным писателем. Это был нелегкий путь, но иным Туманян идти не мог. Он уже почувствовал в себе призвание писателя.

Туманян, сознавая существенные пробелы в своих знаниях, стал усиленно заниматься самообразованием, пристрастился к чтению. Книги во многом помогали ему; они способствовали расширению его кругозора, утоляли его жажду знаний и стали навсегда его верными друзьями.

III

Первые литературные опыты Туманяна относятся к школьным годам. Он начал писать с десяти-одиннадцати лет. Писал он сатирические, патриотические и даже любовные стихи. В годы юности, под влиянием И. А. Крылова, Туманян писал также басни, но никогда их не печатал. Образцы раннего творчества поэта не дошли до нас. Текст лишь одного небольшого лирического стихотворения приводится в автобиографии Туманяна. Оно относится ко времени учебы в Джалалоглинской школе и связано с первым увлечением поэта. В нем юный автор говорил о пробудившемся в нем чувстве, уверял свою подругу, что любовь нисколько не мешает хорошо учить уроки. Очевидно это лирическое послание было ответом на укор девушки не отвлекаться от школьных занятий.

К концу восьмидесятых годов Туманян был автором многих произведений: легенд «Пес и кот», «Злосчастные купцы», «Солнце и луна», поэм «Маро», «Сако Лорийский», стихотворений «Пахарь», «Старинное благословение» и других. К 1890 году относится первоначальный вариант лирической поэмы «Ануш».

Однако все эти произведения существовали только в рукописи; знали о них лишь немногие почитатели таланта Туманяна. В начале 1889 года происходит знакомство молодого поэта с известным писателем, педагогом и публицистом Газаросом Агаяном^{12}. Благодаря покровительству и хлопотам Агаяна на страницах детского журнала «Агбюр» («Родник») появилось первое печатное произведение Туманяна — легенда «Солнце и Луна». С этого времени имя молодого поэта все чаще можно было видеть на страницах армянской периодической печати.

К началу 90-х годов относится знакомство Туманяна с Марией Марковной Туманян, своей однофамилицей, женой редактора тифлисской русской газеты «Новое Обозрение». В доме Марии Марковны была богатая библиотека, постоянно пополнявшаяся новыми книгами, свежими журналами и газетами. В эти годы Туманян много читал, в особенности русские книги. Хозяйка дома была культурной, образованной женщиной. Она сотрудничала в детских журналах. У Марии Марковны по четвергам собирались литераторы, журналисты. Здесь бывали Агаян, Ширванзаде^{13}, Исаакян, Демирчян^{14}. Вскоре и Туманян стал постоянным посетителем «четвергов». Здесь он встречался со многими писателями, поэтами, критиками, участвовал в диспутах. Мария Марковна материально помогала

поэту и в трудные минуты морально поддерживала его.

В 1890 году, при активной поддержке ближайших друзей Туманяна, в Москве был издан первый сборник его стихотворений и поэм. Через два года увидел свет и второй сборник. Имя молодого автора стало известным широкой литературной общественности.

Передовая критика правильно оценила выступление молодого поэта. В журнале «Мурч» была напечатана рецензия Левона Манвеляна^[15], который, разбирая стихи Туманяна, отмечал самостоятельность автора и те новые черты, которые вносил Туманян в армянскую поэзию. Это новое, по мнению Манвеляна, определялось народным элементом. «Недавно раскрылся цветок благоухающий и скромный, как фиалка, растущая на берегах прозрачных родников», — писал Агаян о Туманяне. Другие как бы разъясняли содержание образного выражения Агаяна, отмечали оригинальность дарования Туманяна, естественность чувств, простоту и ясность его языка. «Туманян, — писал М. Абебян^[16], — не осложняет, как другие наши поэты, свои стихи лишними словами и напыщенностью. Описания его отличаются ясностью и простотой, язык его дышит живостью народной речи и вполне соответствует тематике, взятой также из народной жизни.»

Туманян явился достойным приемником демократического направления армянской поэзии и его первые сборники сыграли важную роль в утверждении реализма и народности.

Ранние стихи и поэмы Туманяна отражали атмосферу общественно-литературной борьбы начала 90-х годов.

Присоединение закавказских областей к России закончилось к первой половине XIX века. Началось экономическое освоение края, которое длилось очень долго, вплоть до конца XIX века. Вслед за манифестом 19 февраля 1861 года, царизм проводит крестьянскую реформу и в Закавказье, в результате которой еще больше ухудшается положение крестьянских масс. Усиливается процесс расслоения в армянской деревне. На базе новых социально-экономических отношений бурно растет армянская буржуазия. Суть национальной политики царизма на Кавказе заключалась в том, чтобы убить в малых народностях всякий элемент государственности, уничтожить возможность самостоятельного культурного развития. Армянский народ в условиях царской России переживал тяжелый период национального угнетения. Но еще более страшным было положение в западной Армении, где султанская Турция проводила в отношении армян политику насилия и террора.

Вместе с тем в XIX веке растет и ширится армянское освободительное движение, во главе которого в 40-х годах стоял Абовян, а в 60-х — Микаел Налбандян^{17}. Армянский народ, опираясь на достижения передовой русской литературы, обогащаясь ее идейным богатством, переживал процесс культурного возрождения.

Произведения Туманяна знаменовали собой следующий, более высокий этап в развитии новой армянской литературы, возникновение которой связано с именем Хачатура Абовяна.

По своему мировоззрению Абовян был просветителем и демократом. В темные времена царствования Николая I, в борьбе с духовенством и реакционными слоями армянской интеллигенции, он поднял знамя борьбы за просвещение, свободу и счастье своего народа. Он первым из армянских писателей смело пошел по пути демократизации литературы, он одним из первых начал писать на популярном, понятном народу языке.

Абовян на своем трудном, тернистом пути много пережил и много выстрадал. Он решил рассказать в простой, задушевной форме о страданиях своего народа. Так родился первый армянский роман «Раны Армении». Он был написан в едином порыве вдохновения. Каждая строка этого замечательного произведения, которому было суждено сыграть исключительную роль в истории армянской литературы и общественной мысли, проникнута чувством боли и тревоги за судьбу Армении.

Материалом для романа послужила жизнь армянского народа в мрачные времена персидского владычества. С особой любовью обрисован автором благородный образ пламенного патриота Агаси. «С детских лет, едва открыв глаза, — писал Туманян об Абовяне, — он увидел, как стонал наш народ под игом персидского владычества. Тяжелая судьба родной страны превратилась для Абовяна в сердечную рану. Он вырос, побывал в чужих краях, получил образование, и рана его сердца стала еще глубже.

Об этой глубокой ране, обо всем виденном собственными глазами, о мучениях и страданиях, о борьбе и мужестве своего народа огненным языком рассказал он в одной книге и назвал ее «Раны Армении».

Туманян не раз возвращался к изучению романа Абовяна. Он пытался восстановить реальную канву событий, чтобы показать, насколько правдиво изображена историческая действительность. Такое внимание к наследию основоположника новой армянской литературы было вызвано идейной близостью к нему Туманяна. В одной из статей, посвященной роману, Туманян приводит свидетельство декабриста, участника Арзрумского похода Е. Е. Лачинова, о радостной встрече в Араратской равнине русских войск с армянским населением.

В романе «Раны Армении» Туманян видел отражение чувства любви армянского населения к русскому народу и благодарности ему. «Как со слезами и мольбой встречал многострадальный народ освободительную русскую армию, — говорит Туманян, — так со слезами и мольбой было увековечено в «Ранах Армении» это историческое событие».

Правители Турции и Персии создали для армянского населения страшный режим. «И армянский народ освобождался из ада, созданного для него грубым и мрачным персидским деспотизмом, — писал Туманян в черновых набросках статьи, посвященной изучению романа Абовяна, — деспотизм, свирепость которого не знала ни меры, ни границ, не признавала ни закона, ни права, ни просьб, ни мольбы, ни религии, ни святости, ни имущества, ни женщины, ни чести, ни стыда, ни совести...»

Туманян очень высоко ценил роман «Раны Армении» и не только за то, что в нем автор изобразил героя в реальной исторической среде, «в этом огненном аду на родной земле», но и за то, что автор устами героя выразил свой гнев против насилия и несправедливости и «впервые подымал знамя непокорности» пробужденного к жизни армянского народа, отстаивавшего свою свободу. В этом, прежде всего, видел Туманян всенародное значение деятельности Абовяна.

Романом «Раны Армении», который увидел свет лишь десять лет спустя после гибели автора, начался новый этап в развитии армянской литературы. Все передовые писатели и общественные деятели Армении второй половины XIX века вдохновлялись этой замечательной книгой. Ею восхищался Степан Шаумян^[18]. В 1897 году в одном из писем он говорил о «священном воодушевлении», которым наполняется сердце читателя при чтении романа Абовяна.

Новая литература рождалась в атмосфере ожесточенной борьбы.

Революционные идеи Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова нашли горячий отклик среди передовых деятелей армянской литературы. Центральной фигурой общественно-политической борьбы становится соратник Герцена и Чернышевского Микаел Налбандян, которого Туманян назвал «одним из немногочисленных передовых деятелей просвещенного мира своего времени, одной из немеркнущих, светлых и ярко горящих звезд на небосклоне армянской литературы».

После освобождения Восточной Армении от турецко-персидского ига и присоединения ее к России и армянская область вместе со всем Закавказьем также вовлекается в усиленное капиталистическое развитие, начинается процесс формирования армянской буржуазной нации, ведущей политической силой внутри которой становится армянская буржуазия.

Для укрепления своего политического господства молодая армянская буржуазия стремилась использовать в своих интересах растущее самосознание народных масс. Идеи буржуазного просветительства получают широкое распространение в армянской действительности 40—60-х годов.

Все это несомненно оказало свое влияние и на процесс создания единого национального литературного языка.

До романа Абовяна «Раны Армении» в армянской литературе господствовал непонятный народу древнеармянский язык, так называемый «грабар»^[19]. Абовян же написал свой роман на живом наречии араратских армян. Он боролся за близкий и доступный массам разговорный язык, который по его мысли должен был занять место «грабара» и стать основой развития новой армянской литературы.

Борьба за новый литературный язык была в центре внимания не только либералов-просветителей, но и демократических сил, которые видели в нем возможность распространения революционных идей среди широких народных масс, ключ к поднятию их классового самосознания.

В начале 50-х годов в роли активного борца за новый язык литературы выступает Налбандян.

В 1854 году он написал статью «Слово об армянской письменности, в которой он выступал с пламенной защитой живой народной речи, в противовес господствующему древнеармянскому языку. Легко представить себе всю остроту этой борьбы, если вспомнить, что Налбандян, следуя своим русским учителям и единомышленникам, смотрел на литературу, как на могучее средство пропаганды революционных идей.

В 1858 году Степанос Назарян^[20], профессор Лазаревского института восточных языков^[21], начал издавать в Москве армянский журнал под названием «Юсисапайл» («Северное сияние»)^[22].

Налбандян вскоре стал активным участником нового периодического органа, но не надолго. Политические взгляды революционера-демократа Налбандяна были противоположны воззрениям редактора журнала. Налбандян вскоре отошел от «Юсисапайл». Журнал целиком стал органом Назаряна и его единомышленников.

К этому времени уже четко обозначились два противоположных лагеря борющихся сил. Назарян и его единомышленники представляли буржуазно-либеральное крыло. Они боялись движения масс, и их программа не выходила за рамки либеральных реформ. Налбандян же был вождем армянского революционно-демократического движения,

выражавшего вековые чаяния и жизненные интересы трудовых масс Армении. Борьбу армянского народа за свое освобождение, как от внешних, так и от внутренних угнетателей, он тесно связывал с борьбой великого русского народа против царизма. Налбандян последовательно защищал активно революционный путь разрешения экономических и социальных проблем. Он звал армянский народ на борьбу не только с царизмом, но и с реакционной национальной буржуазией и ее прислужниками.

Налбандян, признавая великое значение «творческой, созидательной силы мысли», выступал против всего отсталого и консервативного, против духовенства, «черной кучки обскурантов», которые «подобно воронам преграждали путь к просвещению, ставя выше всего свои личные выгоды». Политическая программа Налбандяна наиболее ярко сказалась в памфлете «Несколько строк» и в статье «Земледелие, как верный путь».

«Мы добровольно посвятили себя делу отстаивания народных прав, — писал Налбандян. — Чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой, а будем действовать не только словом и пером, но и оружием и кровью».

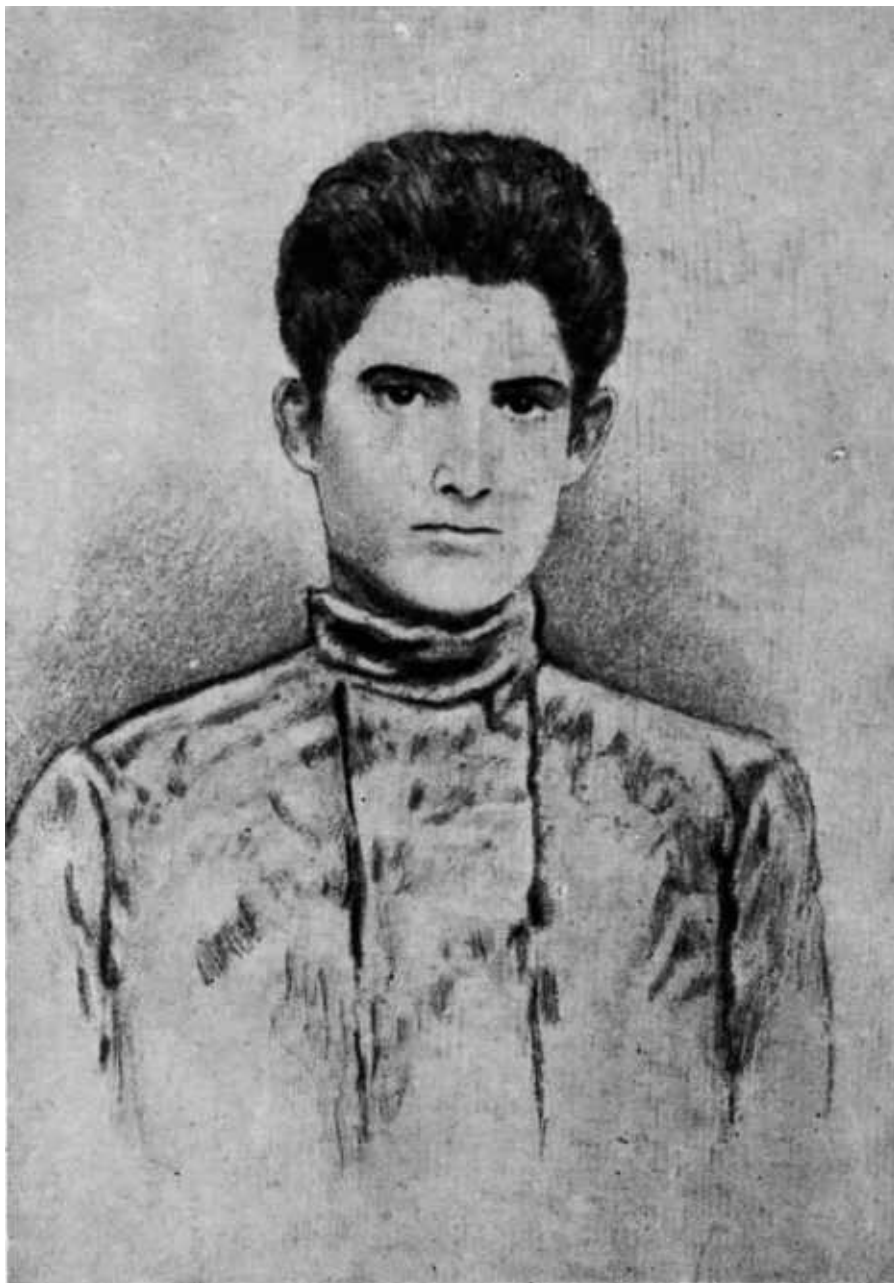
Эту же тему развивал Налбандян и в своих стихотворениях, которые обогатили армянскую поэзию новым идейным содержанием.

Особенности политических воззрений Налбандяна и его общественной деятельности обуславливались историческими судьбами армянского народа, который нес ярмо двойного угнетения: со стороны своих армянских эксплуататорских классов и со стороны внешних поработителей — султанской Турции и русского самодержавия. Вот почему у Налбандяна идея крестьянской революции сливалась с идеей национально-освободительного движения. Во всех важнейших, коренных вопросах общественной борьбы Налбандян был единомышленником и соратником русских революционных демократов, которые, в свою очередь, не могли не сочувствовать освободительной борьбе малых народов. И чем дальше, тем больше крепла не только идейная, но и непосредственная организационная связь Налбандяна с русскими революционерами. Он относился с глубоким уважением к личности Герцена и поддерживал деятельность «лондонских пропагандистов», но в идейном отношении следовал за Чернышевским, звавшим к активной революционной борьбе.

Санаинский старинный мост (XIII век) на реке Девбет.

Туманян в школьные годы. С фотогр. 1885 г.

В статье «Земледелие, как верный путь» Налбандян смело обличал подлинный характер реформы, говорил об массовом сопротивлении, о крестьянских восстаниях. Характеризуя создавшееся в России «лихорадочное и натянутое положение», Налбандян писал: «Если заблаговременно не проявить благоразумия и не объявить крепостного вместе с землей совершенно свободным и не разрубить таким образом узел, то крепостной разрешит этот вопрос сам — при помощи топора.».

В статье Налбандяна нашли яркое отражение заветные думы и чаяния народных масс. Под словом «нация» он понимал «простой народ». Миллионы составляют простой народ, который и есть носитель как нравственной, так и материальной силы. Налбандяна волновала судьба этих миллионов, и в своей статье он ставил основную экономическую проблему «о человеке и хлебе», проблему, которая, по его мнению, рано или поздно должна получить свое разрешение при помощи «страшных бурь».

Налбандян последовательно и смело защищал права малых народов на самостоятельное и свободное существование. Он с гневом говорил об алчности и ненасытности капиталистических держав, которые под видом распространения «цивилизации» с мечом врывались в чужие страны, грабили и порабощали народы. Выступая против угнетения и насилия, Налбандян выдвигал на первый план национальность как «собирательную личность», как организованную силу, способную обеспечить свое существование и защищать свои права. По мысли Налбандяна, «национальность не подлежит обвинению и всячески приемлема, если она признает без различия все другие нации, признает за ними такие же права, какие получила она сама». Статья Налбандяна от начала до конца проникнута идеями национально-освободительной борьбы.

«Земледелие, как верный путь» — один из самых ярких документов армянской революционно-демократической печати. Налбандян — автор стихотворения «Свобода», автор «Земледелия» — стал властителем дум не одного поколения армянской передовой интеллигенции.

Вспоминая свою молодость, Туманян рассказывал о том, с каким увлечением и восторгом он читал статьи Налбандяна.

Другим представителем армянской литературы 50—60-х годов, произведения которого привлекли внимание молодого Туманяна, был поэт Рафаэл Патканян^[23].

Литературная деятельность Патканяна продолжалась в течение почти полувека. Первый сборник его стихотворений «Национальный песенник» был издан в 1856 году; последние его произведения относятся к 90-м годам.

В обстановке общественной борьбы 50—60-х годов, когда национально-освободительное движение вступило в новую фазу, когда прозвучал смелый голос Налбандяна, Патканян стоял на ошибочных позициях. В его политических воззрениях и творчестве несомненно сказалась идеология реакционной армянской буржуазии.

Налбандян вел непримиримую борьбу против реакционно-националистического направления в армянском общественном движении и литературе. В начале 60-х годов он подверг резкой критике

националистические взгляды Патканяна и указал на реальные пути, которые приведут армянский народ к самостоятельному, свободному существованию. Налбандян проблему освобождения Армении связывал с борьбой великого русского народа, с русским революционно-демократическим движением.

Предшественником Туманяна в армянской поэзии был так же Смбат Шахазиз^[24]. Его творчество развивалось под влиянием русской гражданской лирики. Почти всю свою жизнь Шахазиз провел в Москве. На формирование его мировоззрения и литературных взглядов значительное воздействие оказал орган русской революционно-демократической мысли журнал «Современник». Вслед за Некрасовым Шахазиз требовал от поэта прежде всего быть гражданином, достойным сыном своего народа. Шахазиз, кроме гражданских песен, создал и замечательные образцы интимной лирики.

Традиции поэзии Налбандяна и русской революционно-демократической литературы 60-х годов во многом определили характер творчества Шахазиза. Однако он не смог до конца освободиться от влияния либерально-буржуазной идеологии Назаряна.

Туманян критически относился к творчеству Патканяна и Шахазиза, хотя он и не затрагивал вопросы, связанные с определением их идейной позиции. По мысли Туманяна, одна из причин, отрицательно повлиявших на характер поэзии Патканяна и Шахазиза, заключалась в том, что они оба постоянно жили вдали от родины, не имели верного представления о реальной жизни народа, не знали его истинных нужд. Обобщая свою мысль, Туманян утверждал, что вообще скитальческая жизнь многих армянских писателей, их оторванность от родины и трудовых народных масс наложили свой отпечаток на развитие армянской поэзии. «Цветок, росший в чужом краю, — говорит Туманян, — не может иметь аромата и пышности родины... Человек, который не видел свою страну, не может дать ее верную картину».

Отмечая слабые стороны творчества Патканяна, в подтверждение своих мыслей о том, что он плохо знал жизнь народа, Туманян приводил его «Песню армянского поселенца». В ней Патканян изображает, как крестьянин после трудового дня, возвращаясь с поля, видит приготовленный для него роскошный стол: белый хлеб, молоко, масло и сыр, жареную баранину, полный кувшин красного вина. Где мог наблюдать поэт эту картину довольства и сытой жизни? Она явилась в результате не только незнания той жизни, которую автор описывал, не только романтической направленности поэзии Патканяна, как думал Туманян, но в

этом стихотворении сказалось и мировоззрение автора. «Песне армянского поселенина» Туманян противопоставил «Сеятеля» и «Прялку» Газароса Агаяна, в которых автор рассказал о горькой доле тружеников земли.

Плодотворной почвой для развития литературы, считал Туманян, может служить жизнь родного народа. «Поэт должен обеими ногами стоять на родной почве, — говорил он. — И только тогда его голос будет звучать во всю силу».

Основы критического реализма были заложены еще в прозе Налбандяна. В армянской литературе он первый наметил и творческие принципы этого нового направления. Во главе прогрессивно-демократического лагеря в армянской литературе встали Перч Прошян^[25], Газарос Агаян и Габриэл Сундукян. Появились произведения, в которых затрагивались острые проблемы, правдиво изображалась жизнь армянской деревни и городской бедноты, обнажались основные социальные противоречия. В литературу проникает в эти годы «герой» эпохи первоначального накопления — купец, ростовщик и кулак. Армянские передовые писатели 70—80-х годов показывают их, как типичных представителей паразитических классов. В романах Прошяна «Из-за хлеба», «Мироеды», «Унон», в стихотворениях Агаяна и в его повести «Две сестры», в комедии Сундукяна «Пэпо» нашел отражение стихийный протест армянских трудовых масс против угнетателей народа.

Демократизм с особой силой прозвучал в пьесах основоположника армянской реалистической драматургии и армянского театра Сундукяна, который, как и А. Н. Островский, разоблачал «темное царство» армянских купцов. Симпатии автора целиком были на стороне простого народа. В комедии «Пэпо», которая в сущности является социальной драмой, буржуазному миру, в лице купца Зимзимова, с его пошлой лицемерной моралью, с его волчьими законами, противопоставляется благородство простого рыбака Пэпо.

Образ бунтаря Пэпо, восставшего против царства Зимзиновых, мужественно ведущего свою «честную борьбу за правду и справедливость», Туманян назвал «бессмертным».

Деятельность Сундукяна способствовала укреплению дружественных отношений между народами Закавказья. «Габриэл Сундукян, — пишет один из современных грузинских литературоведов Леван Асатиани, — пользовался заслуженным уважением в Грузии. Пьесы его, в особенности «Пэпо», занимали почетное место в грузинском репертуаре и были чрезвычайно популярны среди трудящихся масс.»

Традиции передового направления армянской литературы одержали

победу над реакционно-консервативной мыслью, потому что они отражали прогрессивное начало, поступательное движение армянской литературы по пути к реализму и народности.

Туманян многочисленными нитями связан с историей своего народа, с прошлыми этапами развития армянской литературы.

Опираясь на достижения прогрессивных армянских писателей, развивая положительные традиции прошлого, Туманян поднял армянскую литературу на более высокую ступень.

IV

Особенности первого этапа творческого развития Туманяна были обусловлены армянской жизнью эпохи 80—90-х годов прошлого века.

После окончания русско-турецкой войны 1876–1878 гг., согласно Сан-Стефанскому и Берлинскому договорам, Турция обязалась осуществить реформы в Западной Армении. Однако султан не только не выполнил обещания о предоставлении армянским областям в Турции самоуправления, но решил покончить с армянским вопросом путем уничтожения армян. Провокационные зверства и гонения турок вызвали широкую волну национально-освободительного движения. Восстание армянского населения в горной области Сасун приняло столь значительные размеры, что султан Абдул Гамид вынужден был послать против повстанцев сорокапятитысячную армию. Подавив восстание, султан организовал массовое истребление армян.

В истории существования армянского народа восьмидесятые годы были переходными, когда многие надежды и вековые чаяния об освобождении турецких армян рухнули. Над половиной народа, обитавшего в Турции, нависла опасность физического уничтожения. Лицемерная дипломатия западных буржуазных государств, выступавших в роли «защитников» армян, сбросила с себя маску и показала всю свою империалистическую, разбойничью сущность. В России также началось новое наступление реакции. Со всей силой проявила себя жестокая политика царизма в отношении малых народов, Закрывались школы. Начались преследования передовых деятелей интеллигенции, многие из них были брошены в тюрьмы. Цензура усилила борьбу с прогрессивной общественной мыслью и литературой.

Царское правительство решило ограничить всякие возможности национально-культурного возрождения народов Кавказа, «заставить жителей тамошних говорить, мыслить и чувствовать по-русски». Новые порядки, огромные расходы по содержанию растущего бюрократического аппарата легли тяжелым бременем на трудовые массы.

В осуществлении своей колониальной политики закабаления народов царское самодержавие опиралось на местных помещиков и купцов и на уже окрепшую национальную буржуазию. Армянские кулаки, торговцы, помещики и ростовщики при активной поддержке царских чиновников и духовенства безжалостно грабили крестьян. Все это естественно должно

было вызвать сопротивление. Пробудившееся народное самосознание искало выхода из создавшегося тяжелого положения двойного — национального и социального — гнета.

В конце 1880-х годов армянский народ переживал новый подъем борьбы за национальное освобождение. Народное движение было направлено не только против султанской Турции и царского самодержавия, но и против своих эксплуататорских классов: кулаков-мироедов, купцов и реакционного духовенства.

В то же время 1880—90-е годы были одним из самых плодотворных периодов в развитии армянской литературы, которая отражала разгоревшуюся социальную борьбу.

Общественно-политический и литературный журнал «Мурч» («Молот»), издававшийся в Тифлисе, на страницах которого с 90-х годов начал печататься Туманян, как по своему прогрессивному направлению, так и по богатству и разнообразию материала, принадлежал к числу лучших периодических изданий того времени. В «Мурче» печатались произведения авторов самых различных направлений. В нем сотрудничали Прошян, Агаян, Ширванзаде, Цатурян^[26], Исаакян. Здесь же печатался основоположник армянской пролетарской поэзии Акоп Акопян^[27].

В 1891 году, по приглашению редактора, Туманян стал постоянно печататься на страницах журнала «Мурч». Молодой автор попадает в новую среду. Он знакомится с виднейшими деятелями армянского литературного движения: Прошяном, Сундукяном, Мурацаном^[28], Ширванзаде. Он завязывает близкие отношения с Филиппосом Вартазаряном^[29], который вскоре становится одним из ближайших друзей Туманяна, оказывая ему всемерную поддержку и помощь.

В армянской литературе в 90-е годы окончательно укрепились позиции реалистического направления, что было обусловлено значительными сдвигами в экономической и общественно-политической жизни страны. Происходят большие изменения во всех сферах жизни. Усиливается процесс расслоения деревни, ломается патриархальный уклад, уступая место новым отношениям.

В эти же годы многие произведения русской классической литературы впервые прозвучали на армянском языке. Переводятся: комедия Грибоедова «Горе от ума», стихотворения и поэмы Пушкина, Лермонтова, Некрасова; «Ревизор», «Тарас Бульба» и «Мертвые души» Гоголя; «Рудин» и «Стихотворения в прозе» Тургенева; «Сказки» Щедрина, рассказы Л. Н. Толстого и др.

В армянской литературе центральной фигурой реалистической школы в области прозы становится Ширванзаде. Новая полоса в развитии армянской лирики связана с именем Ованеса Ованисяна^[30], который в 1887 году издал первый сборник своих стихотворений. Это было время, когда Патканян и Шахазиз все больше и больше отходили на задний план, освобождая место новому, реалистическому течению, отвечающему насущным запросам жизни народа.

Ованисян, получивший образование в Московском университете, обогащенный достижениями русской поэты, русской культуры, внес новую свежую струю в развитие армянской лирики. Широкий поэтический диапазон позволил ему создать почти равноценные образцы основных жанров лирической поэзии. Он обратился к древним эпическим песням («Рождение Ваагна»), к исторической легенде («Артавазд»), к народным мотивам. Реалистическая поэзия Ованисяна вскоре ослабила влияние национально-романтических пасен Патканяна и его школы. В творчестве молодого поэта по-новому зазвучали гражданские темы. Близкой и понятной стала Ованисяну «муза мести и печали» Некрасова, и вслед за русским поэтом он попевал тружеников земли и призывал:

Забудь же любви песнопенья,
Свободу, певец, воспевай,
В кровавое выйди сраженье,
И ядом перо напитай!
Настрой свою новую лиру,
Восстань против рабства и лжи,
И язвы позорные миру
Без страха в лицо укажи...

(Пер. М. Павлова)

Для поэзии Ованисяна характерны мужественные песни, которыми он пробуждал в сердцах лучших сынов народа волю, непоколебимую веру в светлое будущее, звал к активной борьбе:

.....
Пусть отвесней уступы нахмуренных гор,
Пусть грозней предвещают стремнины конец,—
Есть дыханье в груди, и ногам есть упор.

Все вперед, все наверх, неустанный боец!

Пусть лазурная та далека высота,
Пусть еще не сегодня страданиям конец,
Завтра будет, наверно, победа взята,
Все вперед, все наверх, вдохновенный боец!

(Пер. В. Брюсов)

Каким огромным успехом пользовались стихи Ованисяна в конце 80-х годов, рассказывает в своих воспоминаниях старейший поэт Советской Армении Аветик Исаакян, который начал свою литературную деятельность вместе с Туманяном и был в числе его ближайших друзей.

«Чтобы понять глубокое обаяние поэзии Ованисяна для меня и моего поколения, — пишет Исаакян, — надо вернуться больше, чем на полвека назад, к концу 80-х годов...

Когда зазвучала лира Ованисяна, она пленила наше юношеское воображение.

Весенняя свежесть его поэзии, естественность, человечность, новые чудесные образы, великолепный язык, задушевный стих безраздельно покорили нас. Мы знали наизусть всю его книгу.»

Слова эти выразительно передают атмосферу литературной жизни Армении той поры, когда Туманян только начинал свою поэтическую деятельность. В творчестве Ованисяна армянская поэзия совершила резкий поворот от национально-романтических мотивов к реализму и народности. Этот поворот нашел яркое отражение и в первых сборниках Туманяна.

Молодого автора не оставляют тревожные думы о судьбах Армении. Он жаждет облегчить страдания народа, помочь своей растерзанной родине, хотя он еще не представляет, каким путем это следует сделать. Туманян видит «реки невинных слез», нищету и горе широких масс. Вот почему так печальны его песни. Вот почему он рисует скорбные картины родного края.

Все охватил глубокий сон,
Спят люди, звери. Тишина.
И, освещая небосклон,
Плывет торжественно луна...

.....

Но мой печальный край лишен
Отдохновения и сна.
И кажется, что замер он.
Скрывает тайны тишина.

Кто будит сумрак голубой?
Чьи стоны слышу, как во сне?
Чей вопль сливается с мольбой?..
Не рассказать об этом мне...
.....
Ночь над Арменией темна...

(Пер. К. Арсеньева и С. Мар)

Туманян описывал нищую, разграбленную страну, где царил произвол, где деспотические завоеватели все могли отнять силою. Автор затрагивал один из важных и характерных моментов исторического существования армянского народа, тему о пандухтстве.

Пандухтами или харибами называли тех, кто в силу обстоятельств вынужден был покинуть свою порабощенную родину, скитаться в чужих краях в поисках заработка.

Жизнь харибов на чужбине была полна лишений и страданий. Многим из них более не удавалось вернуться на родину. Многие погибали в дальних краях.

В стихотворениях Туманяна ранних лет лирические мотивы вплетались в тему общего, народного горя. Личная боль, личные переживания поэта отражали безотрадную жизнь народа. Он не видел веселых дней, в сердце его царила темная ночь, потому что вокруг он слышал лишь «горький плач, вопли нищеты», и душа его была омрачена «ядом зла, зависти и лжи». Для интимной лирики Туманяна характерны грустные думы:

Не проси меня, не воспою
Я печаль безмерную свою,—
Отшатнется прочь твоя душа,—
Увидав до дна всю боль мою...
Милый друг, ты не проси меня,—
Не спою тебе про это я...

(Пер. Н. Сидоренко)

Однако было бы неправильно думать, что молодой поэт предавался лишь печальным мыслям, что гнетущая действительность убила в нем веру в будущее. Туманяну не были свойственны пессимистические мотивы. Мечты о том, что унылая действительность будет разрушена и засияет заря новой жизни, служила неиссякаемым источником силы и энергии. Он не отказывается от борьбы:

Вперед, борясь. Я знаю — день настанет
И настоящее падет как черный сон,
А на обломках горделиво встанет
Грядущее в сиянии знамен.

(Пер. Н. Адамян)

В сборниках Туманяна особый цикл составили пейзажные стихи. Часть из них носила несколько отвлеченный характер. В них автор стремился воссоздать образ родной страны общими поэтическими формулами. Так, например, в одном из стихотворений, где Туманян рисует идиллическую картину покоя и общего довольства, он пользуется обычными средствами романтической поэзии. Здесь мы находим и «далекие горы в тумане», и «роскошные поля и леса», и «с нежным шепотом протекающую тихую речку» и ее богатые плодородные берега, где «вольно и спокойно живут звери», а «птички поют в небесах»... Стихотворение заканчивается 'размышлением о том, зачем же в этом прекрасном мире, где все имеется для счастья, люди живут беспокойно, враждуют друг с другом, убивают друг друга.

Другая часть пейзажных стихотворений Туманяна явилась результатом непосредственного общения с природой. Она свидетельствует о том, как хорошо знал и чувствовал автор природу родины. Таково, например, стихотворение «В горах». Содержание его предельно просто, но вместе с тем стихотворение поэтически точно и вдохновенно рисует одну из картин жизни горцев, рисует природу родных Туманяну мест.

...Спустилась ночь, и горы исчезли во мраке, а дождь все льет и льет. Далеко-далеко за дальними вершинами засверкала молния и осветила

черные громады и ущелья. Из-под гор, извиваясь, бежит мутная речка. Один лишь пастух стоит на страже у своего стада. Вот снова засветила молния, и в ее красных лучах показались две тени. В небе загрохотало. Дождь усилился. Эй-эй! — крикнул пастух, и навстречу ему с лаем поднялась собака.

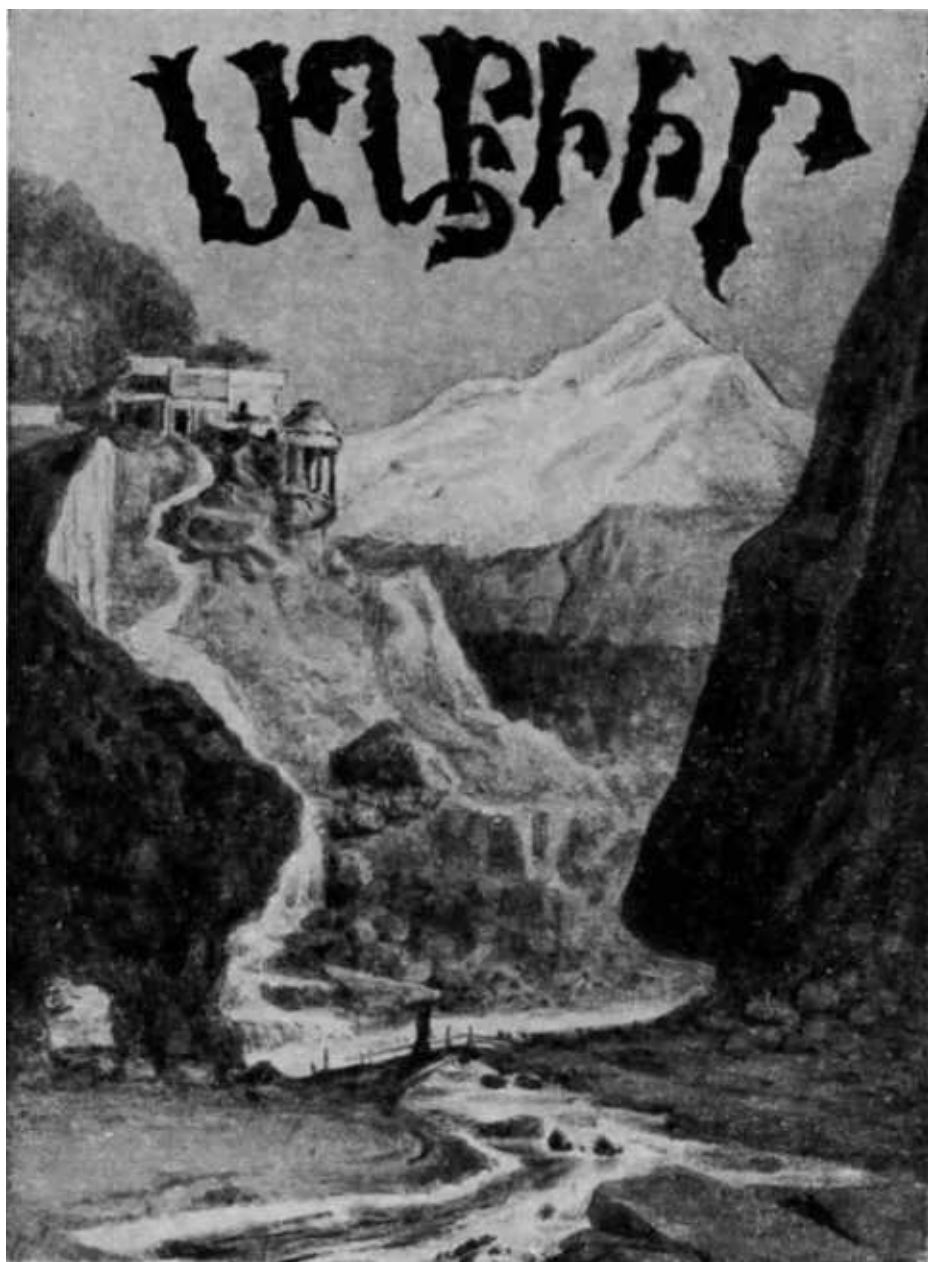
Стихотворение «В горах», русского перевода которого нет, не принадлежит по своим художественным достоинствам к числу лучших образцов ранней лирики Туманяна, но оно представляет несомненный интерес для понимания процесса становления реалистического пейзажа. В нем ясно обозначены элементы, нашедшие свое развитие в творчестве поэта зрелого периода. В лирических стихах этого цикла, в которых пейзаж занимал господствующее положение, наблюдается умение автора скупыми, но вместе с тем яркими штрихами создавать цельные поэтические картины природы и народного быта.

В раннем творчестве Туманяна легко обнаружить следы влияния поэзии Пушкина и в особенности. Лермонтова, которых он любил с юных лет. В первых сборниках армянского поэта важное место заняли переводы отдельных образцов лирики Пушкина и Лермонтова. Порою Туманян сознательно следовал за русскими поэтами. Так, например, в стихотворении «Желание», подражая Лермонтову, Туманян продавался мечте о древней родине своих предков. Он говорил о своем желании «подобно птице полюбить лишь вольность и небесный простор», улететь в тот далекий край, «где цветут поля дедов, где в пустынной крепости на туманной горе тлеют забытые кости предков, где висят на старинной стене широкий щит и заржавленный меч».

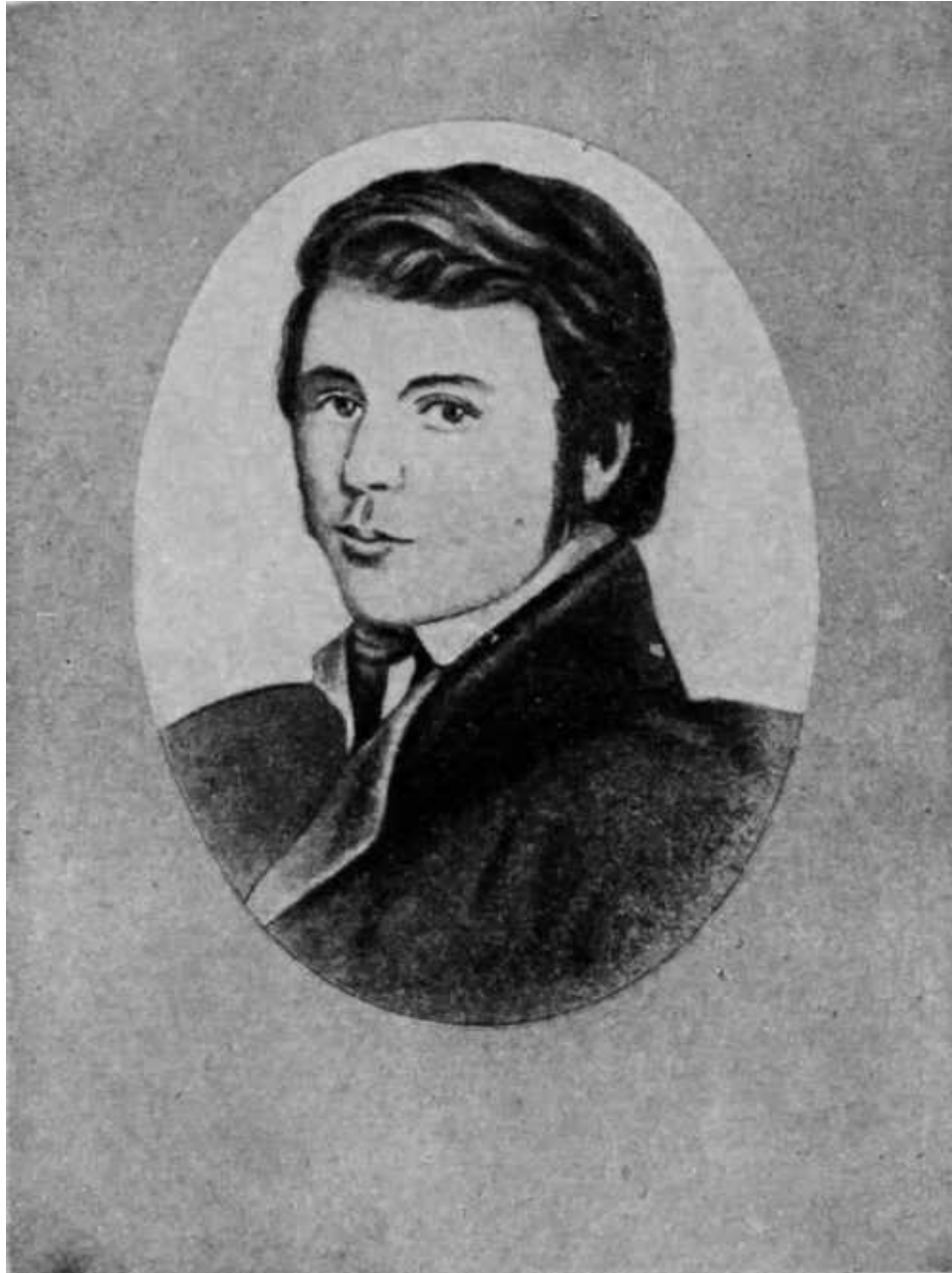
Влияние Лермонтова, в частности «Мцыри», ощущается и в ранней поэме Туманяна «Отвергнутый закон». Образ юного героя поэмы противопоставляется образу монаха. В груди юноши бушует «пламя жизни», он бурно протестует против бессмысленного одинокого существования. Он жалуется, что «дни его проходят печально» и, обращаясь к старику, подобно герою лермонтовской поэмы, говорит: «Я жить хочу, отец, верните жизнь мне». Юноша уходит из монастыря, и старик монах проклиная его.

Изображение природы, лирические картины уже сменяются здесь, правда, еще неосознанным автором, бунтарским протестом — темой борьбы.

В первых сборниках Туманяна значительное место заняли также демократические мотивы.

Обложка журнала «Родник», в котором появилось первое печатное произведение Туманяна. 1890 г., № 8–9.

Хачатур Абовян.

Всеми нитями своего существования Туманян был связан с деревней. Его всегда тянуло в родную стихию, и он постоянно общался с крестьянами. Часто поэт отправлялся путешествовать по родной стране. В начале 1890-х годов Туманян совершил поездку в Борчалинский уезд^[12]. Побывал он и в родном Лори, и на медных рудниках в Алаверды, посетил старинные армянские деревни Ахпат и Сангин. По время этих поездок Туманян снова увидел, как живут и о чем думают крестьяне. В деревне вер

больше и больше хозяйничали кулак и становой и больше прежнего бедствовал земледелец. Постоянное непосредственное общение с народом не могло не открыть глаза молодого писателя на несправедливость и жестокость политического строя царской России. Наблюдая безотрадные картины старой деревни, он невольно вспоминал о том, как неверно изображена жизнь крестьянства в произведениях некоторых армянских поэтов, и не без основания говорил: «Удивительный мы народ! Армянского поэта больше волнуют и огорчают темные тучи, сгустившиеся над белоснежной вершиной Масиса^[13], нежели тучи, омрачающие чело нашего крестьянина...»

Сам Туманян показал реальные «тучи», «омрачающие чело» армянского земледельца. Восемнадцатилетний автор в стихотворении «Пахарь» рассказал о горькой доле деревенского труженика:

Плуг, забирай! Ну, ну, волы!
Дотянем понемногу
К полудню вон до той скалы,—
Господь нам будь в подмогу!

Дай силы, боже, их плечам!..
Свернем-ка глыбу, ну же!
Хлестни их, мальчик!.. Черным дням
Конца нет. Жить все туже.

Не выйти из долгов по гроб;
Сосед пошел судиться;
Задаром пел молебен поп,—
Проклясть теперь грозитя.

Да недоимки не малы;
Намедни тож раскладку
Затеяли... Ну, ну, волы!
Дерите землю-матку!..

Долги плати, семью корми,
Повинность справь... А хата
(Эй, парень!) — голыми детьми
Да голодом богата.

Плуг, забирай! Ну, ну, волю!
Дотянем понемногу
К полудню вон до той скалы,—
Господь нам будь в подмогу.

(Пер. Вяч. Иванов)

От зари до поздней ночи, в борьбе с суровой природой крестьянин добывал хлеб и сам жил в нищете... Туманян показал, как самый тяжелый, изнурительный труд не мог вывести крестьянина из безысходной бедности. Судьба крестьянина всегда волновала Туманяна, и каждый раз, когда ему приходилось видеть страшные картины нищеты деревни, его сердце сжималось от боли. Осенью 1895 года, в письме к другу, он делился своими впечатлениями от вечера, проведенного в крестьянской семье. Сидел он в небольшой комнатушке, через полуоткрытую дверь слышал разговор и видел, как хозяйка суешила и готовила яичницу для почетного гостя. «Голодные, оборванные дети возились у огня, — рассказывал Туманян, — мать едва удерживала их то проклятиями, то побоями... Мимо меня прошла старшая дочь хозяина, пряча под своими лохмотьями два лаваша^[14]. Снова поднялся шум. Дети пытались отнять у сестры хлеб. Наконец, принесли яичницу и лаваша, края которых были исцарапаны голодными ребятишками...» Мог ли Туманян дотронуться до еды после того, что он видел? Он отказался, и яичница с пшеничным хлебом досталась голодным детям, которые с шумом и криками, отнимая куски друг у друга, в один миг уничтожили еду...

Туманян был свидетелем процесса обнищания трудовых крестьянских масс. В конце 1880-х и в особенности в начале 90-х годов все более и более ухудшалось экономическое положение армянского крестьянства. Ростовщики и кулаки, помещики — крупные землевладельцы и защищающие их господство царские чиновники во главе с духовенством — все вместе эксплуатировали и истязали деревенского труженика.

Наблюдения этих лет, размышления поэта о «крестьянской доле» нашли яркое выражение в незавершенной поэме «Стенания», сохранившиеся отрывки которой относятся к 1890 году. Она написана в форме задушевной беседы между юным гостем и стариком, который начинает свой рассказ жалобами на горькую участь земледельца: «Мы бедные люди, — говорит он, — в ущельях и горах проходят наши черные дни. Так много мы трудимся, столько проливаем пота — и все те же нищие

и голодные». На просьбу юноши рассказать о жизни деревни, о «болях и горестях» крестьян старик отвечает:

Не умерли, видишь, живем, дружище,
Завидую всем умирающим я.
Что жизнь наша? Хлеба кусок зачерствелый.
Зависит от неба у каждого жизнь.

.....

Вот я, например. В этих мрачных ущельях,
Четырежды-двадцать — мои, вот года,
Я радости в жизни не видел доселе,
Достатка не видел еще никогда...

(Пер. Б. Серебряков)

Автор раскрывает классовое лицо армянской деревни. С одной стороны тавады — помещики, владевшие лучшей и большей частью земли, которые сами не пахут, не сеют, но которые являются хозяевами жизни и держат в кабале «весь крестьянский народ», с другой — обездоленные и нищие сельские труженики. Устами старика Туманян бичует защищающий «богатеев» строй. Труженик не знает, «куда бы податься», где искать опоры? Кому жаловаться? Идти к сельским властям — бесполезный труд. Тавады, кулаки, ростовщики, становые и старшины — они все заодно. Старик говорит:

Подать старшине, что ли, жалобу? Что ты!
Врага наживу в нем — и только всего:
След вора приводит к его, ведь, воротам...
Попробуй-ка правду найти у него!..

В поэме Туманяна не только правдиво изображен царивший в деревне социально-экономический гнет, но и ярко показан стихийный протест армянского крестьянства. В сочувственных тонах автор рисует образ бунтаря, пастуха Чаги, не пожелавшего покориться воле «богатеев». Он с высоко поднятой головой гордо стоял на сельской площади:

«Вот суд, вот тавад, вот, смотрите, и я.

Пусть выйдет! А ну-ка? Посмотрим, что станет!»

Чати, разумеется, через суд и законы не мог добиться наказания тавада, но смелость пастуха пробуждала в крестьянстве дух непокорности, сознание необходимости борьбы за свои права. Вслед за рассказом о мужественном поведении Чати следуют многозначительные слова старика.

Вчера на столбе том, — был вечер, — висели
Три чьих-то винтовки, — я сам проследил...
Как много народу из дому исчезли...

В этих строках автор ясно говорит о тех, кто не смирился с насилием и произволом, кто не покорился злой воле кулаков и «царскому закону». Покинув свой дом, с оружием в руках скрылись они в далеких горах. Стали они «качахами» — народными мстителями.

Симпатия рассказчика, в словах которого звучит гнев и ярость, на стороне бунтарей и, несмотря на свои годы, так много горечи накопилось в сердце, что и он, восьмидесятилетний старик, готов взяться за оружие:

Эх, друг! Не расспрашивай. Больше нет мочи.
Не то мне придется разбойником стать...

«Стенания» Туманяна Павло Тычина справедливо сравнивает с гневными песнями Шевченки и Некрасова. В них «не просто стоны, а энергичные протесты».

В 90-е годы Туманян пишет цикл рассказов из крестьянской жизни. В рассказе «Честь бедняка», привлекая внимание Степана Шаумяна и переведенном им на русский язык, затрагиваются острые социальные проблемы. В этом небольшом рассказе автор показал униженное положение труженика, лишенного элементарных человеческих прав. В нем рассказывается, как в условиях старой деревни ничего не стоило «власть имущим» обидеть и оскорбить бедного человека. Бездельник и веселый гуляка Сандро растоптал честь бедняка Симона. И старшина, и суд, и законы на стороне обидчика. Симон не в силах защищать свою поруганную честь. Гнетущее впечатление оставляет образ несчастной девочки, маленькой Маруш, которой пришлось быть свидетельницей событий

страшной ночи, поругания матери. В сельском суде, она, прижавшись к отцу, рыдала, как бы смутно сознавая весь ужас случившегося. Автор показывает звериные нравы и циничность богачей, с точки зрения которых на деньги все можно купить, а бедняк для них не человек и обидеть, оскорбить, опозорить его ничего не стоит.

Туманяну были знакомы царящие в деревне нищета и горе. Любовь поэта к простым людям из народа, его боль за судьбу крестьянских детей с особой силой отразилась в рассказе «Гикор» (1894 г.). Начинается этот рассказ так:

«В избе крестьянина Амбо шла перебранка. Амбо хотел отвести своего двенадцатилетнего Гикора в город, пристроить к делу, чтобы он вышел в люди, зарабатывал. Жена не соглашалась.

— Не хочу, не уводи мое милое дитя в этот проклятый город, не хочу я, — плакала она.

Но Амбо не послушался.

Было тихое спокойное утро, — утро, полное грусти. Родные и соседи пришли проводить Гикора до околицы села, расцеловали его в обе щеки и пожелали счастливого пути.

Сестренка Зани плакала, а маленький Гало, вырываясь из рук матери, кричал:

— Гикол, ты куда это идешь, эй, Гикол?

Гикор все оглядывался назад. Он видел, что на краю села еще стоят мать и сестренка, и мать передником утирает глаза. Он бежал рядом с отцом, иногда забегал вперед, оглядывался. Село вскоре скрылось за холмом...»

Отец привез сына в город и упросил базаз^[15] Артема взять его слугой к себе в дом. Купец поставил свои жестокие условия: «Первые пять лет я ничего платить не буду. Коль хочешь знать правду, так ты должен мне платить за то, что сын твой научится чему-нибудь. Ведь он совсем ничего не знает». Базаз Артем в совершенстве изучил психологию бедного человека, который готов на любые уступки, лишь бы сын его «вышел в люди». В результате бессовестной сделки купец получил дарового работника и был, конечно, рад, что ему так легко удалось обмануть простодушного Амбо.

У бедного крестьянина были свои расчеты. Он думал, что в городе Гикор со временем станет зарабатывать и поможет семье. Спустя некоторое время он пишет сыну: «Дорогой сын мой, Гикорджан^[16]... Мы все живы и здоровы и желаем тебе здоровья, аминь. Сердечно кланяются тебе апи,

нани^[17], Зани, Моси, Микич, Гало, аминь. Дорогой сын наш Гикор! Да будет тебе известно, что доля наша очень горькая, что подать сильно требуют, и что платить нечем, и что матушка и Зани ходят нагишом, и что жить нам стало очень трудно. Гикорджан, пришли нам несколько рублей и пришли письмо о своем житье-бытье, и да будет тебе известно, что наша Цагик (корова — К. Р.) околела, и что нани и Зани ходят нагишом...»

Эти простые, скупые строки, проникнутые подлинным драматизмом, со всей силой жизненной правды, говорят о крайней нищете, безысходном положении крестьянской семьи.

А чем мог помочь бедный Гикор, который рад был убежать обратно в деревню? Тяжелый труд, тоска по дому и родным, голодная жизнь, постоянные побои, нравственные и физические страдания преждевременно довели его до могилы. Он заболел и умер. Отец, пришедший к больному сыну, увидел его смерть. Совсем недавно привез Амбо сына в город, а теперь один возвращался в деревню: «Он похоронил Гикора и шел домой. Подмышкой он нес его одежду, чтобы мать могла над ней поплакать».

В этом маленьком рассказе показаны автором два мира. Базаз Артем и его жена «госпожа Нато» — типичные представители купеческого сословия, тупые и жестокие люди, для которых интересы кармана превыше всего. Они смотрят на Гикора, как на низшее и грубое существо, которое обязано молча и покорно исполнять все их приказания и прихоти.

Гикору, деревенскому мальчику с его душевной чистотой непонятен этот чуждый мир. Его бьют, истязают, над ним смеются и издеваются. Он одинок и бессилён в этом «темном царстве». Временами одна лишь старая мать базаза Артема жалела его,

С особой любовью обрисован автором образ деревенского труженика бедняка Амбо. Расставаясь с маленьким Гикором, рисуя реальную картину его будущей, полной лишений и унижений жизни в доме купца, Амбо поучает сына: «Только смотри ты у меня, будь честным. Быть может, нарочно подбросят деньги, чтобы испытать тебя, смотри и близко не подходи. А если найдешь, отнеси, скажи: «Ханум^[18], что это за деньги здесь валяются?» или: «Ага^[19], я здесь вот что нашел»...

Туманян простыми средствами, отдельными верными штрихами передает жизненность психологического положения. Отец, узнав о болезни Гикора, приехал в город, застал сына в больнице:

«— Что это стало с тобой, Гикорджан? — горестно кинулся к нему Амбо.

Гикор был в жару и не узнал отца.

— Гикорджан, вот я пришел, Гикор... ведь это же я — твой апи.

Больной ничего не сознавал. Он бредил и в бреду выкрикивал: «Микич! Зани! Апи! Нани!...»

— Здесь я, Гикорджан, нани меня послала, чтобы я взял тебя домой... Не пойдешь?.. Вон Микич и Зани стоят на кровле и смотрят на дорогу, встречают тебя. Ну, что же скажешь? Говори же, Гикорджан...

«Сюда пожалте! Сюда пожалте! — выкрикнул больной, произнес несколько бессвязных, отрывистых слов и стал смеяться в бреду..»

В простых и нежных словах Амбо слышится голос убитого горем отца, голос, который временами прерывается оттого, что сердце сжимается от боли и слезы подступают к горлу...

В рассказе Туманяна нет незначительных деталей, ненужных подробностей. После того, как Амбо похоронил сына, в карманах его одежды «нашли горсточку блестящих пуговиц, разноцветные бумажки, лоскутки ситца и несколько булавок. Вероятно, все это Гикор собирал для сестренки Зани». Такая подробность раскрывает образ Гикора несколько с иной стороны, показывает его как нежно любящего брата, который в нечеловеческих условиях в доме купца не забывал о своей маленькой сестренке Зани. Об этих жалких лоскутках и пуговицах читатель узнает лишь в конце рассказа, после смерти Гикора, что еще больше усиливает момент трагизма.

Гикор стал жертвой алчной буржуазной среды. Его печальная судьба была типичной для многих крестьянских детей в условиях самодержавной России.

Туманян, как бы следуя за некрасовской музой, показал всю горечь жизни армянского труженика-крестьянина. В его творчестве звучит та же скорбная песня, что и у русского поэта. Стыл под тяжким бременем жизни армянский земледелец, такой же обездоленный и нищий, как и русский мужик; стыл под игом двойной эксплуатации: русского самодержавия и местных кулаков-мироедов. Рассказ «Гикор» явился смелым обвинительным приговором, брошенным поэтом в лицо старому миру.

«Гикор» обладает большой силой эмоционального воздействия. «Когда читаешь этот маленький рассказ, — пишет Ав. Исаакян о «Гикоре», — сердце наполняется грустью... Вызывает удивление, как этот простой рассказ таит в себе столько лиризма, столько непосредственного чувства, столько реальной жизни.»

Один из первых армянских критиков марксистов Ал. Мартуни^[31] в статье о социальной ценности творчества Туманяна справедливо отмечал,

что «Гикор» в дореволюционной армянской демократической литературе «самое сильное, самое содержательное и самое талантливое произведение».

Рассказ Туманяна занял свое достойное место среди лучших образцов армянской реалистической прозы. Тонкая наблюдательность автора, его умение даже в мелочах подметить типичное и характерное, строгое построение, ясный, простой язык, — эти бесспорные достоинства говорят о высоком мастерстве Туманяна-художника. Он далек и от натурализма и от грубой тенденциозности. Правдивость сочетается с глубокой идейностью, с активным отношением автора к жизни. Он не разглагольствует о справедливости, но заставляет своего читателя сделать выводы против строя жизни, погубившего маленького Гикора.

Туманян глубоко любил свой народ, и это нисколько не помешало ему, больше, чем кому-либо другому, видеть темные стороны в психологии отсталого крестьянства. В рассказах «Каменная баня», «Шелководство дяди Габо» он показывает темноту и невежество деревенской массы. Суеверие, рабское подчинение адатам, бессмысленная жестокость — многие типичные стороны жизни патриархальной ар-минской деревни нашли яркое отражение в ранних произведениях Туманяна.

В поэме «Маро», созданной восемнадцатилетним автором, уже достаточно четко выступали характерные особенности его творческого облика. Туманян многое воспринял от армянских сказителей.

Был в Маро лучистый свет...
Девять минуло ей лет...
В это время золотое
В дом к отцу явилось двое...
Мать Маро в хозяйской роли
Понесла им хлеба-соли,
А они благодарили.
Добрый дом благословили...
«Будьте вы хранимы небом...
За землей мы, не за хлебом!^[20]
Слова вашего мы ждем:
Отчий дом, — невестин дом!..»
И отец, бокал наполнив,
По завету все исполнив,
Отвечал покорно, строго:
«Да свершится воля бога!»

И сосватали Маро
Пастуху из гор, Каро...

(Пер. М. Гальперин)

Спокойная, плавная ритмика стиха характерна для армянского подлинника поэмы. Автор в ней следовал традициям устного народного поэтического творчества. При чтении «Маро» создается впечатление, что поэт говорит устами народного сказителя. Как будто старый ашуг с белоснежной бородой, сидя на тахте, облокотившись на круглую подушку, не спеша, временами умолкая и покуривая свой длинный чубук, рассказывает печальную повесть о жизни маленькой деревенской девочки по имени Маро.

Ей минуло девять лет; она еще ребенок, но ее уже выдают замуж за пастуха Каро, который огромным своим ростом «устрашал прохожих взор».

После первой ночи, проведенной у Каро, она бежит домой. Но родители, верные суровым понятиям о чести, не приняли дочь, потому что она «опозорила отчий дом». Оборванная, голодная, полубезумная бродит она в горах. Бессильная бороться против несправедливости, отвергнутая всеми, Маро бросается с высокой скалы в пропасть... Поэма кончается картиной плача матери над одинокой могилой Маро:

У села, там, под горою,
Часто тихою порою
В черном женщина проходит
И с могилы глаз не сводит,
Над могилой слезы льет
И Маро к себе зовет...

Темой поэмы послужило реальное событие. Такие ранние браки не были редкостью и часто оканчивались трагически. Автор с сердечной болью вспоминает историю Маро, отчетливо понимая, что она стала жертвой отсталости, диких обычаев старой деревни. В печальных строках поэмы скрыто осуждение всего строя жизни. Девятилетняя Маро не могла полюбить пастуха. Смутно сознавая трагичность своего положения, она не в состоянии была мириться с новыми условиями своей жизни и, естественно, возненавидела мужа.

Так сильна была власть предрассудков отсталой и темной деревни, что окружавшие Маро, в сущности, неплохие, но невежественные и суеверные люди отвергли несчастную девочку. Ни один человек не протянул ей руку помощи, никто не попытался предотвратить трагическую развязку. Казалось, легко было понять, почему девятилетняя девочка убежала от чужого человека, ища приюта и защиты в отчем доме, но люди старой деревни по-своему объяснили ее поведение:

Не пойму, пошло с чего бы..
Ворожбой, иль черной злобой
Над малюткой начудили,
Сердце страхом отравили...
Может, злобная вещунья,
Чародейка и колдунья,
Отравила тайно платье,
Нашептала ей проклятье...
Сколь над горем толковали
И в беде причин искали...

Маро было осуждена и отвергнута всеми. После смерти ее похоронили вблизи горной дороги, под одинокой грустной ивой.

По своей тематике близка к «Маро» другая ранняя поэма Туманяна «Сако Лорийский». В записках писателя «Объяснение некоторых моих произведений» сохранились сведения об источнике поэмы. В основе ее также лежит жизненный случай, сумасшествие крестьянина Матоса из деревни Дсех, в поэме Туманяна носящего имя Сако. Он — пастух, «великан ростом», дик, могуч и страшен. Сако привык к вольной жизни, любит своего товарища Гево, с которым дни и ночи проводит в горах. Но сегодня Сако остался один в глухом ущелье. В уединенном домике пастуху не спится.

У Сако сегодня скучно. Темнота и тишина.
В доме глухо-одинокое без второго чабана.
Он разлегся поудобней — от камина шло тепло.
И так много разных мыслей неожиданно пришло...

(Пер. П. Гатов)

Сако страшно в тишине и одиночестве. Вспомнил он сказки бабушки о злых духах, леших и ведьмах... С болезненным напряжением Сако стал прислушиваться к каждому шороху. Ему мерещится, что кто-то легко прошел по крыше, «тихо-тихо, точно мышь», кто-то «притаился и молчит». Он подумал: «Не Гево ли?» Окликнул — ответа нет. И «еще страшной молчанье». Лишь глухой шум реки нарушает тишину.

Мир уснул. Спит ветер. Только духи темные не спят
И шныряют по ущелью...
Свой бесовский пир справляют на скалистой высоте...
И танцуют, словно тени, веселятся в темноте...
Лихорадит великана, и лежит он, не дыша.
Переполнена смятеньем горца дикая душа...

Ему чудится, что дверь растворилась и с шумом ворвался хоровод «черноглазых смуглых женщин», и слышит он «смех и хохот, рев и писк»...

Это страшное ущелье. Только краешек луны
Из-за туч украдкой взглянет. Звезды в тучах не видны.
В этот час, когда ужасен пропастей скалистых вид,
По Лорийскому ущелью великан Сако бежит...

В поэме «Сако Лорийский» автор, обращаясь к мотивам народных поверий, стоял на вполне реалистических позициях. Будучи бытоописателем родного края, он интересовался всеми явлениями, в которых отражались наиболее характерные черты жизни армянской патриархальной деревни. Пастух Сако вполне реальный жизненный тип. Правдивость этого образа не вызывает сомнений. В 1890 году при чтении поэмы автором в узком кругу литераторов, спорили лишь о том, насколько психологически оправдан факт сумасшествия Сако. И в этом случае, как нам представляется, автор нисколько не погрешил в отношении жизненной правды.

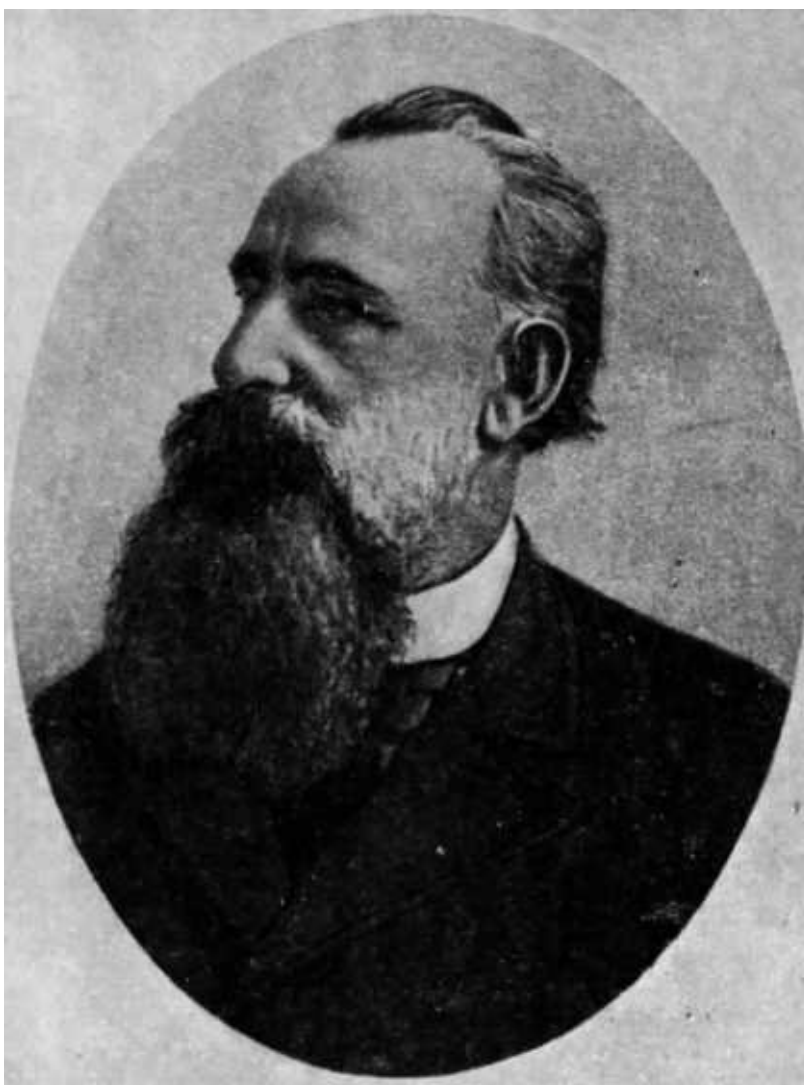
Сако рос в мире предрассудков, он верит в существование темных сил. В детстве он слышал много страшных рассказов о дэвах^[21], о ведьмах, о том, как они ищут одиноких людей и заманивают их в свои сети. Очутившись один в глухом ущелье, Сако вспоминает слышанное. Оживают фантастические картины. Воспаленнее воображение все больше и больше

разгорается. В таинственной тишине ночи все обретает иную окраску, иное звучание. Глухой шум реки переносит его в мир теней, и Сако, в порыве безумия, бежит по темному ущелью...

Не лишен интереса процесс работы автора над этой ранней поэмой. Она неоднократно подвергалась переработке, по сюжетную канву поэт оставил без изменений. Исправления шли главным образом по линии устранения стилистических шероховатостей, освобождения поэмы от длиннот, придания ей более стройной, завершенной формы.

Микаел Налбандян.

Газарос Агаян.

В работе над «Сако Дорийским» Туманян стремился к более точным, лаконическим формам поэтической выразительности, и чем более зрелым поэтом он становился, тем яснее понимал, что краткость — есть одно из основных условий художественности.

Туманян вышел из недр патриархальной деревни. Он вспоминал об игитах — храбрецах былых времен, в которых видел воплощение силы и могущества народа. Однако Туманян не идеализировал патриархальную деревню. Он разоблачал отсталость, темноту, невежество старого крестьянского уклада, с неменьшей силой выступая против уродливых явлений, приносимых в деревню капитализмом. Подобно великому

русскому поэту Н. А. Некрасову, Ованеса Туманяна по праву можно назвать «певцом горя народного».

Жизнь Туманяна с самого начала его вступления в литературу сложилась весьма своеобразно. Он как-то быстро становится вполне взрослым, зрелым человеком. Детство его хотя и омрачалось гнетущими картинами действительности, но все же прошло без забот «под улыбкой звезд», оставив рой радужных воспоминаний. Пролетели и годы юности, они принесли ему немало огорчений и разочарований, рассеялись мечты, настали дни неустанной жестокой борьбы с «трудной жизнью». Биография Туманяна не богата яркими фактами, неожиданными ситуациями. Тем не менее, несмотря на внешнюю ровность, жизнь его полна глубокого драматизма.

В 1888 году Туманян женился на Ольге Мачкалян, с которой познакомился в ту пору, когда она была ученицей тифлисской женской гимназии. Поэту было тогда лишь девятнадцать лет. Он переселился в дом родителей жены, и начался новый этап в жизни Туманяна. Прибавились заботы о семье, которая быстро росла. В 38 лет Туманян был отцом десяти детей. Нужно было постоянно думать об изыскании средств, чтобы прокормить многолюдную семью. Росли долги и нечем было расплачиваться с займодавцами, число которых временами доходило до пятидесяти.

Окружающие близкие люди постоянными упреками в недостаточной практичности не давали поэту покоя. Они надоедали, своими уговорами и советами принять сан священника. Об этом вспоминал Туманян в автобиографической поэме «Поэт и муза»:

Когда увидела родня,
Что мало толка от меня,
Что у меня удачи нет,
Все стали мне давать совет
Пойти в попы и взять приход:
«Там ждут тебя любовь, почет,
Поминки с сочною кутьей,
Достаток полный и покой».

(Пер. О. Румер)

Но не о том мечтал молодой поэт. Его родные не считали литературу серьезным занятием и не понимали, что Туманян давно и твердо избрал трудный путь поэта. На этой почве нарастал конфликт, и Туманян вынужден был избегать царившей дома гнетущей обстановки. В письмах к друзьям он жаловался на всевозможные невзгоды. «О моей семейной жизни нечего сообщать, — писал он Анушавану Абовяну. — Однако, настолько я подавлен печалью, что если б я мог выжать из моего сердца несколько слов и перенести в письмо, то я уверен, что бумага могла бы воспламениться...»

Переживаемая поэтом в 80—90-е годы душевная драма, разумеется, была вызвана прежде всего общественно-политической обстановкой. Страшным казался Туманяну «отвратительный мир» зла и несправедливости. Он не находил ни одного уголка, где бы «не господствовали разбой и насилие...» Уродливые явления социальной действительности, обстоятельства личной жизни породили в душе Туманяна чувства недовольства, глубокой неудовлетворенности. Еще восемнадцатилетним юношей он пишет стихотворение «Старинное благословение». В нем, возвращаясь к картинам детства, рассказывая о традиционной веселой пирушке дедов под тенью орешника, вспомнил их слова, обращенные к своим детям и внукам: «Живите дети, но не так, как мы». Соблюдая старинный обычай, в торжественной обстановке, старики, благословляя, в напутственном слове высказали свое сердечное пожелание, чтоб жизнь детей была счастливей, чем жизнь их отцов и дедов, чтоб открылись перед подрастающим поколением светлые просторы... С тех пор прошло немного лет, и теперь восемнадцатилетнему автору, когда он уже успел вкусить всю горечь жизни, стали понятны и близки мудрые слова дедов: «Живите, дети, но не так, как мы.»

С годами жизнь становилась все трудней. Не легко было Туманяну прокормить свою семью литературным заработком. Туманян чувствовал в себе призвание поэта, но общественные условия и обстоятельства личной жизни мешали тому, чтобы полностью посвятить себя литературе. В письмах к друзьям он говорил о переживаниях человека, которому не чужды высокие порывы вдохновения, сильные и глубокие чувства, смелые взлеты творческой мысли, и вместе с тем он лишен элементарных условий для осуществления своих замыслов. «Преступно, — писал Туманян в 1899 году, — когда он (то есть человек с поэтическим дарованием — К. Г.) находится в тяжком плену мелких и угнетающих забот, когда эти заботы с каждым днем все больше накапливаются, порождая весьма печальное бorenье». В этом поэт видел проявление одного из «чудовищных

диссонансов», которыми была полна окружающая его действительность.

О настроениях Туманяна этих лет можно судить по переписке с друзьями. В письмах к Анушавану Абовяну, который, по обстоятельствам жизни, переехал в Каменец-Подольск, поэт делится своими заветными мыслями. Он мечтает целиком посвятить себя поэзии, служить лишь «прекрасному и правде». В этом Туманян видит цель жизни. Он горит желанием «стремиться все вперед, к вершинам совершенства». Он полон «священного волнения», заставившего его «подыматься против мрака, невежества». Поэт писал своему другу также о том, как жестокая обстановка, материальная бедность мешают осуществить свои желания, как тупые и жадные богачи все благородное и честное могут растоптать своим золотом.

Успех первого сборника несколько поднял настроение Туманяна. Ему было особенно дорого, что его вступление в литературу тепло встретило московское армянское студенчество. Сообщая Анушавану о сочувствии передового читателя, Туманян вспоминал о том времени, когда он, преодолевая робость, читал перед другом первые свои стихи.

Туманян жаловался на буржуазную прессу, на «разбойников пера», которые нападали на него, не будучи в состоянии понять душевный мир поэта. Они не имели ни малейшего представления о напряженной творческой работе писателя. Более того, эти невежественные люди публично заявляли, что «литература — не дело, и что писатель должен иметь другие занятия». Туманян глубоко страдал. «Я чувствую, что я не умер, как поэт, но скован, — писал он другу. — Не случилось разве с тобой кошмара, — чувствуешь, что живешь, но шевелиться не можешь, слышишь свое дыхание, а кричать не в состоянии?..»

Огромные творческие силы почти постоянно заглушались повседневными мелкими заботами и тревогами.

Туманяна тянуло к широким полотнам. Он предпочитал большие формы, его излюбленным жанром была поэма. Но она требовала длительного, спокойного, сосредоточенного труда. Когда Туманян жаловался, что для него нет ни «малейшего душевного покоя», — он имел в виду не мещанское представление о тихой безмятежной жизни, а избавление от мелочных забот. «Пусть будут волнения, бури, страдания, — писал Туманян, — но широкие, высокие, а не эти мелкие грошовые заботы и тревожения о еде и одежде». Поэт мечтал о душевном равновесии в высоком смысле этого слова, когда можно собраться с мыслями, целиком отдаться вдохновенному труду.

Мысль о материальной обеспеченности писателя волновала Туманяна,

как важная проблема жизни общества. Он призывал к созданию элементарных условий для творчества писателя, деятельность которого, по его мнению, несправедливо рассматривалась как частное дело.

Жизненные невзгоды подсказали Туманяну тему сатиры в стихах «Поэт и муза». Не впервые он обращался к этому жанру. В его сборнике 1890 года помещено стихотворение «Молитва»; с горькой иронией поэт писал: «Я не прошу, о творец, ум Соломона. Дай мне лишь долгую жизнь и много денег, да модную одежду, да пузо толстое; трость и очки. И довольно мне. Ты зри с высоты, чего только не свершит твой слуга!».

«Молитва» относится к ранним попыткам поэта в области сатиры. Теперь, спустя несколько лет, Туманян вновь обратился к этому жанру, поставив перед собой более широкие задачи.

Поэма «Поэт и муза» начинается внезапным появлением музы, которая, обращаясь к певцу, напоминает о его высоком назначении:

Гляди: страдает твой родной народ,
И кровь невинных к небу вопиет,—
Бредут несчастные из края в край.
Восстань, поэт, надежды луч подай
Тому, кто духом пал...

(Пер. О. Румер)

На этот призыв поэт отвечает:

«Нет, Муза, нет! Довольно! Пощади!
Давно клокочет ад в моей груди...»

Он говорит о всех мытарствах, мучениях и страданиях, которые приносит муза, о том, как трудно ему жить в этом мире, где «тупая чернь» (под словом «чернь» Туманян подразумевает торгашей, людей с черствой душой, которым нет никакого дела до поэзии) равнодушна к звукам лиры:

Все рассмеялись как один
И закричали мне в ответ:
«Мы не хотим твой слушать бред.
Безумный юноша, уйди!

Лишь грезы у тебя в груди,
И песнями ты поглощен.
От мира взор твой отвращен.
Мы — люди дела и труда,
К чему нам эта ерунда?»
Я крикнул им: «Ах, деньги лишь
И блеск, тупая чернь, ты чтишь...»

Многие эпизоды явились отражением жизни самого автора, он рассказывал о своем собственном тернистом пути. В автобиографии Туманян писал: «Поступал на службу несколько раз и в разные места, но везде были недовольны». В поэме рассказывается о том, что автору не везло и на служебном поприще. Сначала он стал счетоводом, но вскоре возненавидел grossбух. Потом устроился писарем, и его пытались обучать, как надо обирать людей. Но снова появилась муза, поэт должен был заступиться за бедного крестьянина, которого бессовестно грабили:

Стал затевать за спором спор.
Мол, не годится мужика,
Чья жизнь и так ведь не легка,
Годами мучить и мотать...

После этого эпизода прогнали поэта со службы. Он стал владеть голодную жизнь, но в душе был горд тем, что владеет даром песен:

Богач-сосед, что умницей у нас
В округе слыл, с вопросом: «Где твоя,
Приятель, служба, знать хотел бы я?»
Тут я воскликнул гордо: «Я поэт!»
А он: «Беда, когда работы нет».
Я повторил: «Поэт!» — а он сказал:
«Я понял, ты работу потерял».

Произведение Туманяна «Поэт и муза» проникнуто духом социальной сатиры. В нем разоблачается мир, где все во власти золота. Туманян затрагивал самые острые, наиболее болезненные вопросы писательского труда в

условиях буржуазного строя. Певец должен быть верен своему высокому призванию, он должен «жечь сердца людей», он обязан «надежды луч подать» всем тем» «кто духом пал». Туманян и позже не раз возвращался к теме о поэте-гражданине, о его роли в жизни общества, о высоком его назначении. Он хотя и часто жаловался на свою судьбу, но, тем не менее, мужественно переносил все трудности жизни. Его всегда поддерживали «благородная дружба и бесконечная любовь друга-писателя». Хороших друзей у Туманяна было немало, но особое место среди них занимал Газарос Агаян.

Они познакомились в 1889 году, когда Агаяну было сорок девять лет, а Туманяну всего двадцать. Агаян был признанным, известным писателем. Туманян делал первые литературные шаги. Несмотря на различие возрастов, несмотря на то, что они были людьми разных поколений, различного общественного положения, между ними завязалась большая дружба.

Литературно-общественная деятельность Агаяна продолжалась в течение полувека. Его имя связано, с одной стороны, с Абовяном и Налбандяном, с другой — с Туманяном. Агаян принадлежит к поколению писателей, мировоззрение которых формировалось под сильным влиянием передовой русской общественной мысли.

Огромное значение в развитии общественно-политических взглядов Агаяна имело пятилетнее пребывание в Москве и Петербурге, где он работал наборщиком в разных типографиях. Он внимательно следил за статьями Налбандяна в журнале «Северное сияние». Жизнь в больших городах дала возможность Агаяну ближе познакомиться с русской культурой. Он с увлечением читал статьи Чернышевского и Добролюбова.

В первом печатном произведении двадцатидвухлетнего автора, стихотворении «Нужно помогать беднякам», уже заметны многие характерные черты демократического направления творчества Агаяна. Поэта волнует судьба крестьянина-труженика, его горестное существование. В 1867 году Агаян издал автобиографическую повесть «Арутюн и Манвел», которая по своей идейной направленности явилась значительным шагом вперед после романа П. Прошяна «Сос и Вартитер». Агаян объявил войну невежеству и косности, поставил перед собой задачу распространять просвещение в народе. С большей остротой прозвучали мотивы социального протеста в другой повести Агаяна «Две сестры», изданной в 1872 году. Агаян разоблачает грабительский характер крестьянской реформы, в результате которой деревенская масса оказалась в полной зависимости от крупных землевладельцев. Симпатии автора

целиком на стороне обездоленных крестьян. Автор правдиво изобразил процессы расслоения армянской деревни, показал яркие эпизоды борьбы обнищавшего, угнетенного крестьянства с кулачеством.

Из армянских писателей Агаян одним из первых обратился к фольклору. Своими народными сказками он обогатил литературу не только новым жанром, но и новыми мыслями. Идейное содержание сказок Агаяна определяется стремлением автора воспитать в читателях любовь к труду, чувство патриотизма, благородство и отвагу. В наследии Агаяна особо важное место занимают его стихи для детей. С первых шагов литературной деятельности Агаян проявлял большой интерес к вопросам воспитания.

Степан Шаумян в речи по поводу юбилея Агаяна, говоря о нем, как об «одаренном писателе» и «образцовом педагоге» и как о человеке, «чистая и нравственная жизнь» которого «служила хорошим примером», вместе с тем отмечал и ограниченность его мировоззрения.

Шаумян указывал на отсутствие у Агаяна ясных идеалов, «осознанной программы деятельности». Пламенная речь Шаумяна была адресована прежде всего к молодому поколению с призывом к активной политической революционной борьбе.

Агаян, демократической основой своего мировоззрения, горячим сочувствием к труженикам, ненавистью к царизму и угнетателям народа, оптимистическим взглядом на будущее, был близок и дорог Туманяну.

Друзей соединяли также общность интересов, единый источник вкусов и нравственных идеалов. Много было родственного и в характерах, как об этом свидетельствуют современники Агаяна и Туманяна.

Оба были жизнерадостными людьми, оба черпали силу в народной мудрости, были увлекательными собеседниками и высоко ценили дружбу. Весенние вечера они любили проводить в дружеской компании в окрестностях Тифлиса, в Ортачалах или в саду «Фантазия», где охотно слушали музыку и задумчивые песни ашугов.

Агаян любил свое родное село Болнис-Хачен, недалеко от Тифлиса, где прошли многие годы его жизни. В письмах оттуда он делился с другом своими впечатлениями. Он с гневом писал о сельских властях, старостах, приставах и есаулах, угнетавших крестьян, писал о бедственном положении деревенской массы.

Агаян и Туманян испытали всю тяжесть положения прогрессивного армянского литератора в самодержавной России. Горе и невзгоды еще больше сблизили их и укрепили взаимную дружбу. Они оба постоянно нуждались, у обоих были большие семейства, прокормить которые литературным трудом было чрезвычайно трудно. В тяжелые минуты жизни

писатели всячески помогали друг другу.

Эпизод, приведенный в воспоминаниях Ширванзаде, характеризует взаимоотношения между друзьями. Однажды ночью, — рассказывает Ширванзаде, — Агаян во сне видит, что какие-то разбойники напали на квартиру Туманяна. В ужасе просыпаясь, он наскоро одевается и бежит к Ованесу. «В три часа ночи, — передает Ширванзаде рассказ Туманяна, — чей-то голос разбудил меня. Прислушиваюсь. Оказывается это — Газарос (Агаян). «Ованес! Ованес!» — кричал он со двора. Живу я во втором этаже, Открываю окно, смотрю вниз: «Что случилось?» — спрашиваю, думая, что несчастье с ним стряслось. «Ованес, ты дома?» «Да, ты же видишь, что я дома.» «Ты жив?» «Да, что же случилось?» «Ты здоров?» «Да, да, что же нужно тебе?» «Ничего. Ложись и спи, доброй ночи.» Агаян ушел. Туманян лег спать, но от волнения не мог уснуть. Утром рано он поспешил к другу, чтобы узнать о случившемся. «Дурной сон видел», — ответил Агаян.

В начале 1899 года Агаян был выслан царским правительством в Крым. Но и в ссылке он не забывал друга, поддерживал и подбадривал его. Агаян писал из Крыма Туманяну: «Будь спокоен, весел и никогда не унывай.».

В дружеском кругу, за столом Агаян не уступал Туманяну своим жизнерадостным характером, шутками и остротами. Старший из друзей обладал мощным приятным голосом. По душе ему так же как и Туманяну были песни Саят-Нова^[32] и Дживани^[33].

И Агаяну и Туманяну близок и дорог был образ Кёр-оглы, героя популярного на Кавказе эпического сказа, который часто исполняется в форме народно-музыкальной драмы. Кёр-оглы — враг насилия, друг и защитник бедных и угнетенных. Он подымает их на борьбу Против богачей, ханов и беков.

Для Агаяна и Туманяна Кёр-оглы был символом справедливости и благородства, мужества и стойкости в тяжелой борьбе за народное счастье. Туманян в письмах к друзьям часто вспоминает образ народного героя. Узнав о гонениях реакционной клики на Агаяна, он писал своему учителю и другу: «Что бы они ни делали, ты все тот же Кёр-оглы, любимец народа.».

Тесными дружескими узами был связан Туманян и с ныне здравствующим старейшим поэтом Советской Армении Аветиком Исаакяном. Они впервые встретились осенью 1892 года, когда Туманян служил в Кавказском издательском товариществе. Знакомство их произошло при следующих обстоятельствах. Один из друзей Исаакяна прислал ему несколько экземпляров тогда только увидевшего свет второго

сборника Туманяна для продажи. Сейчас кажется странной такая форма распространения литературных произведений, но тогда это было довольно обычным явлением. Многие из авторов посылали свои книги знакомым для продажи в разных городах. Когда Исаакян оказался в Тифлисе, то решил навестить Туманяна и лично вручить ему деньги за проданные книги и, пользуясь случаем, познакомиться с ним. В своих воспоминаниях Исаакян с большой теплотой говорит о впечатлениях от этой первой встречи с молодым Туманяном, о его простом дружеском обращении, его светлом взоре, глубоких задумчивых глазах, обаятельной мягкой улыбке. Не прошло и нескольких месяцев, как их отношения приняли дружеский характер. Исаакян часто стал навещать его в издательском товариществе, где Туманян почти всегда бывал один, и многие часы друзья проводили вместе. Однажды, вспоминает Исаакян, когда он сидел у Туманяна, дверь с шумом отворилась, вошел плотный широкоплечий человек с проседью, в толстом пальто, в башлыке, в валенках и галошах. «Я сразу узнал, — пишет Исаакян, — это был Агаян. Они обнялись и долго целовались.» Туманян познакомил своего нового друга с Агаяном.

После женитьбы Туманян, начиная с 1896–1897 гг., летние месяцы иногда проводил неподалеку от Тифлиса в Шулаверах, откуда родом был его тесть Бадал Мачкалян. Здесь у поэта установились близкие отношения с Вааном Миракяном^{34}, автором популярной поэмы из народной жизни «Охота на Лалваре», появившейся в печати осенью 1901 года при содействии Туманяна. В это время он уже пользовался среди литераторов большим авторитетом. К его голосу прислушивались, с его мнением и вкусом считались. В своих воспоминаниях Миракян говорит об обаятельной личности Туманяна, одаренного удивительной способностью распространять вокруг себя свет и теплоту.

Туманян был мягким, гуманным, отзывчивым человеком, верным другом и чудесным товарищем. Его ясный взор, приветливая и ласковая улыбка обладали особой притягательной силой. В своих отношениях он руководствовался принципом уважения к человеческому достоинству. В его сердце всегда горела любовь к людям.

VI

Новая армянская литература развивалась под благотворным влиянием передовой русской культуры. Один из выдающихся армянских поэтов конца XIX — начала XX века Александр Цатурян, которому принадлежит большое количество переводов из Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, — говорил, что трудно назвать армянского писателя, который так или иначе не испытал бы этого благотворного влияния. «На одних отразилось сильнее, ярче, — писал Цатурян, — других оно коснулось не так сильно, не так заметно, но никто из них, думаю, не миновал этого влияния». Так думал и Туманян.

В 1902 году один из русских литераторов обратился к армянским писателям с письмом, в котором просил ответить на вопрос: как они относятся к русской литературе и в какой степени она оказала влияние на их творческое развитие. Многие из крупнейших представителей новой армянской литературы охотно отозвались на это письмо. Наиболее значительное влияние на развитие армянской поэзии оказали Пушкин, Лермонтов и Некрасов. В процессе освоения армянскими писателями богатого художественного наследия русской поэзии рядом с Пушкиным всегда неизменно выступал Лермонтов. Армянские поэты воспринимали эти два имени в едином звучании.

Предшественники и современники Туманяна, все без исключения, вдохновлялись светлой поэзией Пушкина^[35] и Лермонтова. Шахазиз говорил: «Из русских поэтов наиболее сильное впечатление произвели на меня Пушкин и Лермонтов...» Ованес Ованисян, которому прежде всего обязана армянская поэзия расцветом лирики, горячо любил Пушкина и Лермонтова. Аветик Исаакян писал о Лермонтове: «Начиная с детских лет любимым поэтом моим был возвышенный, точно Казбек, и глубокий, словно Дарьял, Лермонтов, творчеством которого я часто вдохновлялся...»

Интерес к русской поэзии возник у Туманяна рано. В одном из писем он подробно рассказал, какое важное место занимала русская литература в его сознании еще в годы юности, и перечислил многие любимые произведения. Школьником Туманян знал поэмы и стихотворения Пушкина: «Полтава», «Цыганы», «Песнь о вещем Олеге», «Утопленник», «Зимний вечер», а также «Песню про купца Калашникова» Лермонтова и его стихотворения «Ангел», «Ветка Палестины», «Спор», «Пророк», «Тучки небесные. «Выхожу один я на дорогу...», «И скучно, и грустно...»

В числе трех любимых книг девятнадцатилетнего юноши Туманяна был, наряду с «Илиадой» и «Одиссеей» и романом Абовяна «Раны Армении», томик сочинений Лермонтова. В 1894 года Туманян перевел стихотворение Некрасова «Внимая ужасам войны...», а летом 1895 года он взялся с большим воодушевлением за перевод поэмы Лермонтова «Мцыри». Поэма в переводе Туманяна была издана в 1896 году в Тифлисе отдельной книжкой.

В конце 90-х годов интерес к русской литературе у Туманяна еще более усилился, чему несомненно способствовал пушкинский юбилей. В 1899 году на Кавказе Литературная общественность широко отмечала столетие со дня рождения Пушкина^[36].

В юбилейном году в армянских переводах отдельной книжкой были изданы избранные стихотворения русского поэта.

В эти годы Туманян вновь возвращается к чтению Пушкина, изучает и творчески осваивает наследие великого русского Поэта. В 1899 году Туманян перевел стихотворения «Утопленник» и «Песнь о вещем Олеге», в 1909 году появился перевод одного из наиболее любимых Туманяном стихотворений Пушкина — «Зимний вечер».

Дорога в Абастуман. С фотогр. 1890-х г.

В окрестностях Абастумана. С фотогр. 1893 г.

Переводы Туманяна свидетельствуют о его строгом отношении к самой задаче поэтического воспроизведения. «Перевод подобен розе под стеклом, — пишет Туманян. — Почти невозможно, чтобы переводчик дал благоухание, непосредственное обаяние подлинника. Однако всегда требуется, чтобы он оставался верен мысли подлинника и был понятен читателю. Это требование особенно усиливается, когда переводится такое произведение, каждое слово и предложение которого имеет свое твердое

место и значение».

Сознавая всю сложность творческой задачи переводчика, Туманян в своей работе придерживался этих принципов. Он стремился переводить, не изменяя мысли подлинника, добиваясь такого совершенства, при котором перевод обладал бы благозвучием оригинала. В этом отношении переводы Туманяна из русской поэзии близки по своему общему характеру к стихотворениям Лермонтова: «Горные вершины спят во тьме ночной...» (из Гете) или «На севере диком растет одиноко...» (из Гейне). В подобных случаях переводчик выступает прежде всего как поэт. Его волнует сама сложная творческая задача перевода стихотворения, в котором он нашел нечто очень близкое, вполне соответствующее своему поэтическому настроению и, проникаясь духом подлинника, воссоздает его на другом языке. Армянский текст «Зимнего вечера» Пушкина у Туманяна является шедевром именно такого типа поэтического перевода.

Туманяну удивительным образом удалось найти в родной речи такие слова, которые верно передают не только образную систему подлинника, но и легкость, изящество, мудрую простоту и музыкальность русского образца.

В этой связи нужно особо отметить также перевод стихотворения Кольцова «Раздумье селянина». Туманян в переводе стихотворения Кольцова нашел возможным строку «Сяду я за стол да подумаю» заменить другой: «Сяду у стены да подумаю», потому что обычное место размышлений и тяжелых дум бедного армянского селянина не у стола, а у стены своей землянки.

Такую замену Туманян допустил не только потому, что хотел свой перевод сделать понятным и близким широкому армянскому читателю, но и потому, что он не придерживался принципа внешне формальной точности. Он не ставил перед собою задачу передать русское стихотворение слово в слово, рабски подчиняясь оригиналу. Туманян заботился лишь о том, чтобы в переводе мысль стихотворения Кольцова была передана с максимальной ясностью и точностью.

Туманян любил русских поэтов не меньше, чем своих предшественников в армянской поэзии. Более того, он искренне признавался, что в известном смысле Пушкин и Лермонтов оказались ему значительно ближе. «Я нашел, что русские поэты, — писал Туманян в 1902 году, — главным образом Пушкин и Лермонтов, всегда казались мне более родными и близкими».

Туманян был бесконечно влюблен в природу родного края, которой он был обязан лучшими минутами своего существования. По собственному

признанию «любовь к горам и тоска по жизни в горах» всегда жили в его душе. В поэзии Пушкина и Лермонтова он нашел неповторимые пейзажи Кавказа. Он с восторгом цитировал замечательные строки Лермонтова:

Как я люблю, Кавказ мой величавый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных, громких бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Как стражи окликаются ночные;
И вдруг проглянет солнце, и поток
Озолотится, и степной цветок,
Душистую головку поднимая,
Блестит как цветы небес и рая...

(«Измаил-бей»)

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный,
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере, в стране тебе чужой,—
Я сердцем твой, всегда и всюду твой...

(Посвящение к поэме «Демон»)

Г. Р. Державин и В. А. Жуковский, которым не пришлось побывать на Кавказе, лишь силою поэтического воображения впервые в русской поэзии создали величественные романтические картины кавказской природы. Вслед за ними обратились к Кавказу Пушкин и Лермонтов, в поэтическом сознании которых далекая горная страна стала «родиной вольности простой».

Для них Кавказ уже не был отвлеченным географическим понятием.

Жизненная судьба бросила их в далекий горный край, и перед их взором открылись великолепные картины «природы дикой и угрюмой».

«С легкой руки Пушкина, — писал Белинский, — Кавказ сделался для русских заветной страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний».

Страна гор еще в большей степени очаровала Лермонтова. Кавказ стал, как говорит Белинский, «колыбелью его поэзии так же, как он был колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно-величавой природы». Лермонтов рассказывал в письме к С. А. Раевскому, как он «лазил на снеговую гору, на самый верх, откуда видна половина Грузии как на блюдечке. И право, — писал Лермонтов, — я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам, хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы, да смотрел целую жизнь.».

Сильное чувство любви и привязанности к Кавказу, поэтическое воспевание его природы и вольной жизни в горах, глубокий интерес к народной жизни, явились теми основными моментами, которыми определялось отношение Туманяна к Пушкину и Лермонтову. О непосредственном воздействии русской поэзии на свое собственное творчество Туманян писал: «Я не задумывался над вопросом о том, в какой степени я находился под влиянием русской словесности; я серьезно подумав об этом, стал искать у себя следов русского влияния не во внешней форме моих стихотворений, — так как я никогда сознательно не следовал и не подражал никакому поэту, а в моем духовном мире, литературных вкусах и взглядах.».

Армянская поэзия многим обязана великому русскому революционному демократу, критику и мыслителю Белинскому. Писатели и публицисты Армении искали ответы на волнующие их вопросы за пределами отечественной словесности, в первую очередь в передовой и прогрессивной русской литературе.

Особо важное значение приобретает критика в те ответственные периоды, когда литература переживает процесс бурного роста, когда нарождается новое. Такой процесс переживала армянская литература в 80—90-х годах прошлого столетия.

Большинство армянских писателей и общественных деятелей нового периода были воспитаны на традициях русской классической литературы. Восприятие и усвоение армянскими писателями наследия Белинского имело свою особенную черту. В критических статьях и в оценках

отдельных явлений армянской литературы отражалась борьба различных классовых групп, и, конечно, этим прежде всего определялась позиция их авторов. Здесь сталкивались различные точки зрения, различное понимание задач писателя. Но помимо этого в 80—90-х гг., даже в более позднюю пору, в армянской периодической печати, за редкими исключениями, критические статьи писались лицами, которые не только не обладали художественным чувством и вкусом, но и нужными познаниями, необходимым кругозором. Этим осложнялось положение писателя, который вправе был ждать беспристрастного, справедливого отношения к своим произведениям. Армянские писатели в своей литературной полемике использовали взгляды Белинского, обращаясь к нему, как к бесспорному авторитету. Автор многих исторических романов, известный армянский писатель Раффи, защищаясь в 80-х гг. от необоснованных нападок рецензента, опирался на статью Белинского «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя». Романист Мурацан в 1901 г., возражая автору критического разбора исторической драмы «Рузан» и защищая права писателя-художника, апеллировал к Белинскому, излагая его взгляды на историческую драму и ее задачи.

Белинский и Чернышевский занимают особо важное место в духовном развитии не только армянских писателей, но и политических деятелей. Революционное миросозерцание Налбандяна формировалось под непосредственным влиянием передовой русской общественной мысли и в первую очередь Белинского и Чернышевского.

Замечательный армянский революционер Степан Шаумян в годы ученья в Тифлисском реальном училище с увлечением читал Белинского, восхищался глубиной и проницательностью его мысли.

Восемнадцатилетний Шаумян, воодушевленный статьями Белинского, имя которого он произносил всегда с благоговением, писал о чудесной силе воздействия поэзии на человека, о том, как под влиянием поэзии человек «совершенно меняется, возносится высоко...» Шаумян высоко оценивал общественно-воспитательное значение поэзии.

В 1902 году в речи, посвященной сорокалетнему юбилею литературно-педагогической деятельности Агаяна, Шаумян говорил об огромной роли Белинского в освободительном движении: «Белинский и его друзья сумели сыграть столь значительную роль в русской жизни потому, что они имели возможность, благодаря некоторым историческим обстоятельствам, наносить удары по крепостническим порядкам и внедрять идеи свободы посредством легальной литературы.».

Для Шаумяна Белинский и Чернышевский были высокими образцами

благородного и самоотверженного служения интересам народа. Воюя против извращения марксизма в вопросах культуры и литературы, борясь за «чистоту литературных нравов», Шаумян в 1913 году писал: «Литература — это храм, куда можно входить лишь с чистой совестью и благородными устремлениями. Когда же люди подходят к этому храму с мелкими, тщеславными вожделениями, с корыстными целями и обманными намерениями, — это величайшее преступление, совершаемое против народа.».

И для Туманяна, эстетические воззрения которого сложились под непосредственным влиянием Белинского, литература была общенациональным, народным делом.

Туманян в своей литературной борьбе также опирался на авторитет Белинского. Отвечая на нападки невежественной критики, Туманян вспоминал о нападках Каченовского на Пушкина в 20-х гг. и отмечал, что после выступления Белинского все стало ясным и истина восторжествовала. «Но, — писал Туманян, — для этого нужно было, чтобы появился Белинский и каждому указал свое место.»

В развитии эстетических вкусов Туманяна, в активном творческом освоении им достижений русской поэзии Белинский сыграл исключительную роль.

Со статьями его Туманян впервые ознакомился, видимо, в начале 80-х годов, когда он был еще в Нерсисянском духовном училище. В 1898 году отмечалась пятидесятая годовщина со дня смерти великого критика. Армянская передовая печать также откликнулась на эту дату. Она подчеркнула благотворное влияние идей Белинского на развитие армянской литературы. Весьма знаменательно, что статья в газете «Мшак» («Труженик») имела эпиграфом строки Некрасова:

Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени...

Оканчивалась статья также словами Некрасова о Белинском:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Летом 1904 года Туманян взялся за систематическое изучение Белинского. В письме к Ф. Вартазаряну он с восторгом отзывался о статьях русского критика и удивлялся, как много общего в жизни различных народов. Армянский поэт писал о задачах критики: «Критик — переводчик писателя, он должен «переводить» поэта, но переводить не слова его, а образы. Он должен проникнуть в душу поэта, добраться до самых корней и истоков его творчества, быть глубоко проницательным, судить справедливо.

Тогда рассеются неясности, станут понятными и естественными многие противоречия, из хаоса родится гармония, — конечно, в том случае, если она есть. Прежде всего, нужно, чтобы поэт был поэтом истинным.».

Мысли Туманяна о высоком назначении критика, по всей вероятности, возникли под непосредственным впечатлением чтения Белинского, в частности, его статей о Пушкине и Лермонтове. Образ проницательного критика, способного понять поэта, рассеять неясности и раскрыть перед читателем величие и красоту художественного произведения, указывают на Белинского, как на источник размышления Туманяна.

Статьи великого русского критика, идеи, которые в них заключались, находили в душе поэта живой отклик, будили его мысль, направляли его творчество по пути народности и реализма. Сочинения Белинского были в числе любимых книг армянского поэта. Они помогали Туманяну в выработке правильного взгляда на русскую литературу, на общие проблемы поэзии и эстетики.

В 1904 году литератор и публицист Ф. Вартазарян работал над статьей о творчестве Туманяна. Предварительно в письмах к поэту он делился своими мыслями и просил высказать ему свое мнение по ряду вопросов. Отвечая критику, Туманян писал; «Вообще ты своего поэта определил и понял совершенно правильно: он певец горя своего народа, поэт скорби и печали. У этой скорби и печали различные источники, но все они проистекают из одного и возвращаются к одному — это наша армянская жизнь, армянская страна. Может быть, в этом и главное мое достоинство.

Если это так, — это действительно великое дело. Белинский говорит: величие поэта — в его народности. Поэт, прежде всего, должен быть сердцем своего народа...»

VII

В жизни каждого большого писателя бывают периоды особого подъема творческой деятельности. Иногда несколько месяцев вдохновенного труда приносят больше плодов, чем долгие годы напряженной работы. Такие периоды подъема определяются не только одной зрелостью или полным расцветом творческих сил. Они во многом зависели в прошлом и от условий жизни писателя.

Нужда и житейские тревоги слишком редко давали Туманяну возможность сосредоточиться над своими творческими замыслами. Лишь во время болезни он чувствовал себя несколько свободнее от мелких забот. Этим объясняется, что в 90-е годы у Туманяна все чаще появляются мысли о покое и тишине. Он говорит о своем заветном желании хотя бы несколько дней провести на лоне природы, чтобы отдохнуть «душою и телом». Но для армянского поэта этой целебной силой обладала не только природа, но и жизнь среди народа. Он мечтает о возможности путешествовать, обогащаться новыми впечатлениями.

Можно представить его радость, когда в 1900 году ближайшие друзья, полностью обеспечив поэта, предложили ему уехать на несколько месяцев в Абастуман. Это высокогорное местечко и тогда славилось, как один из лучших курортов Кавказа. Туманян ехал отдохнуть и восстановить свои силы; он был по природе физически крепким человеком, но к началу 900-х годов его здоровье основательно пошатнулось. Он давно мечтал провести хотя бы несколько дней в тишине лесов. Теперь его мечта осуществилась.

Даже на людей, далеких от поэзии, синие горы, покрытые сосновым лесом, озера и родники, горный воздух производят неизгладимое впечатление. Такова чарующая сила природы Кавказа, а как много значит она для поэта!

В начале сентября 1902 года Туманян приехал в Боржом. Узнав о том, как красива дорога в Бакуриани^[22], он свернул с пути и вместо Абастумана попал в Бакуриани. В четырнадцати верстах от селения находится вершина Цхра Цхаро, что означает на грузинском языке «Девять родников». Туманян решил подняться на эту гору, чтобы увидеть с высоты 2700 метров восход солнца. К нему присоединился русский путешественник. Путь предстоял через Ахалкалакский перевал. Они вышли вечером, ночевали на склоне горы, а в два часа утра были уже на ногах.

Кругом царил тишина. Мало-помалу редела ночная мгла, и из

предутреннего тумана вырисовывались деревья и скалы. В шесть утра путники были на вершине. Горы еще дремали в тумане. Временами прояснялся горизонт, и взору открывались картины величественной природы Кавказа. Внизу медленно и плавно двигалось море облаков. Наконец появились первые лучи восходящего солнца и озарили дальние горы.

Богатые впечатления вынес Туманян от поездки в Бакуриани и восхождения на Цхра Цхаро. Он делился ими в письме к жене: «... Казалось, мы стояли посреди огромного моря, которое ежеминутно менялось, создавая тысячи чудесных картин...»

Из Бакуриани Туманян вернулся в Боржом и оттуда, наконец, проехал в Абастуман. Для поэта настало счастливое время: освобожденный от мелких жизненных тревог, он мог полностью отдаться творческой работе.

Абастуман — один из самых живописных уголков Кавказа. Целыми днями поэт скитался по лесам и долинам, «в осенней сладкой и печальной тишине» он слушал «шепот падающих листьев и прощальные песни птиц, которые напрасно в желтых листьях искали весны..» Он делился своими впечатлениями и мыслями с друзьями. «Под угасающими лучами заката я думал, — писал он Марии Туманян, — что и смерть может быть так же прекрасна, как осень в этой долине...» Поэтические письма Туманяна говорят о том, как много дали ему эти одинокие скитания в горах.

В абастуманский период жизни Туманян создает такие произведения, как «Парвана» и «Взятие крепости Тмук». К этому же времени относится основная редакция поэмы «Ануш», которую автор почти заново написал в Абастумане.

Легенда, сказка, предание всегда привлекали Туманяна. Он видел в них выражение творческой мысли народа. Горький говорил: «Писатель, не обладающий знанием фольклора, — плохой писатель». В истории литературы мы знаем примеры, когда поэт не только владеет беспредельными богатствами устного народного творчества, но настолько тесно связан с жизнью масс, что и произведения его становятся истинно народными. Блестящим примером тому является Тарас Шевченко, выразивший в своей поэзии думы и чаяния широких народных масс Украины. Справедливо говорил о нем Н. А. Добролюбов: «Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан... Круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни.». Таким несомненно был и Ованес Туманян. Недаром он так любил Шевченко, думы, которого были созвучны душе армянского поэта. Любил он и

украинские народные песни, находя в них много близкого и родственного с армянскими мелодиями.

По своим воззрениям на народное творчество Туманян приближался к Горькому, который говорил: «Народ не только — сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт...»

Туманян не представлял возможность существования национальной литературы без фольклора. Еще в ранний период своей литературной деятельности он подчеркивал огромное значение устного народного творчества для развития литературы. В 1894 году Туманян говорил о столетних стариках, которые часто встречались ему в деревне. «Каждый из них — житница, музей преданий, сказаний, народных верований. Многие их рассказы, обычаи, сказания дошли до нас из глубокой старины; они отражают жизнь и нравы наших предков, являются созданием их мысли... Вот где источник армянской литературы, вот откуда должен черпать свои силы армянский романист, поэт, писатель!» Сказки, легенды, пословицы и поговорки, фольклор в целом Туманян воспринимал как жизненный, исторический опыт народа, его мудрость, его философию.

У Туманяна была сильна потребность постоянного общения с массами; у него было горячее желание жить среди народа, постоянно ощущать связь с ним. «Какое великое дело, — писал он Ф. Вартазаряну, — когда писатель имеет возможность путешествовать, изучать свой народ, изучать его старинные предания, его язык и обычаи! Каждый раз особо остро чувствую эту потребность, когда бываю среди народа.»

Армянский поэт всю свою сознательную жизнь любовно и бережно собирал памятники устного народного творчества, считая их самым драгоценным материалом для писателя. Детство и юность Туманяна прошли в деревне, среди народа. В поздние годы, переехав в Тифлис, он часто оставлял город, уезжал в деревню, собирал вокруг себя стариков крестьян и слушал их рассказы. В течение многих лет он записывал варианты сказки «Тысячеголосый соловей» и каждый раз с волнением узнавал о новом рассказчике, о новых неизвестных ему видоизменениях популярной сказки.

В 1890 году летом Туманян приехал в Шулаверы. Крестьяне рассказали ему о девяностолетнем старике, который знал сказку «Тысячеголосый соловей». Поэт, не теряя времени, поспешил к нему.

Доехав до деревни, он остановился у дома сказочника, вошел в избу и не хотел верить своим глазам: в полумраке, у стен, печально опустив

головы, стояли крестьяне, а на столе лежало безжизненное тело сказителя. Туманян вместе с другими оплакивал смерть старика. «Кто знает, — говорил он, — какие драгоценности он унес с собой навсегда?»

Отсутствие планомерного собирания фольклора волновало армянского писателя и доставляло ему немало тревог. «Наш народ с удивительной быстротой забывает свои сказания и легенды... Старики умирают, унося с собой свои знания, а их дети, обремененные заботами, заучивают новое, забывая о старом.»

По мнению Туманяна, поэзия приобретает силу и вес только облагороженная творениями народа. Он не только сам записывал живые рассказы о старине, но и просил своих друзей делать то же самое. Многие из них судьба забросила в далекие, захолустные деревни, где сохранились старинные варианты сказок и легенд.

Интересовали Туманяна также различные народные поверья.

В легендах и преданиях, где изображение реальных исторических событий выступало вместе с чудесным, сказочным элементом, Туманян находил самобытный мир народной поэзии. Фольклор был одним из основных источников творчества армянского поэта, откуда он черпал темы многих своих произведений. Для чуткой, восприимчивой натуры писателя иной раз нужен был лишь внешний толчок, простодушный рассказ крестьянина или сказание, живущее в памяти народа, чтобы в поэтическом воображении возникла законченная картина, полная поэзии и драматизма. Именно такова творческая история многих произведений Туманяна, в том числе одной из его первых легенд, источником которой явилось предание об острове Ахтамар в Ванском озере. В легенде Туманяна повествуется, как на острове одиноко живет красавица Тамар, как каждой ночью к далеким его берегам, привлекаемый лучами огонька, смело плывет юноша:

Вкруг поток, шипя, крутится,
За пловцом бежит вослед,
Но бесстрашный не боится
Ни опасностей, ни бед.

Что ему угрозы ночи,
Пена, воды, ветер, мрак?
Точно любящие очи,
Перед ним горит маяк!

(Пер. К. Бальмонт)

Ованес Туманян. С фотогр. 1890 г.

Агаян и Туманян.

Но недолго длится их счастье. Злые, жестокие люди развели «тайну любящих сердец». Они гасят далекий свет, и юноша во мраке ночи «в обманчивой надежде» тщетно бьется с волнами, губы его шепчут: «Ах, Тamar!» и он погибает в пучине разъяренных вод.

С той поры минули годы,
Остров полон прежних чар,
Мрачно смотрит он на воды

И зовется «Ахтамар».

Так объясняет народное предание происхождение названия острова, связав его с романтической историей любви, что и послужило основой легенды Туманяна.

В 1901 году поэт побывал в горной местности Джавахк^[23], славившейся своими певцами и сказителями.

Автор рассказов из деревенской жизни, писатель Джавахеци^[37] вспоминает о путешествии Туманяна по окрестностям села Гандза. Они вместе бродили в горах, заходили в хижины пастухов, слушали их песни. Но главной целью прогулки было желание поэта видеть озеро близ села, где родился армянский поэт Ваан Терьян^[38]. С этим озером было связано старинное сказание.

Лишь к вечеру они добрались до Парваны. Стало прохладно. Потянуло свежим ветром. На вершине Абула в бледных тонах сумерек дымились облака. На озере было беспокойно. Темно-синие волны с шумом разбивались о берег. Туманян был взволнован. Он молча бродил по берегу. На обратном пути поэт не проронил ни единого слова. Вернувшись в деревню, отказавшись от еды, он закрылся у себя в комнате и не выходил до тех пор, пока не была закончена работа над прологом поэмы. «Наконец, он вышел, — пишет Джавахеци, — глаза горели, как звезды во мраке ночи, лицо было ясное и светлое, как восходящее солнце. С характерной улыбкой на устах, стал он у стола, подняв правую руку, и прочитал вступление к «Парвана».

Основой поэмы послужило народное предание. Высоко в горах тихо плещет синее прозрачное озеро Парвана. В ясную, солнечную погоду, говорят старцы Джавахка, если всмотреться в зеркало синих вод, на дне озера можно увидеть величавый белый замок царя Парваны. Использовал Туманян и поразившее его явление, которое часто можно наблюдать, в особенности в теплые южные ночи: во мраке, вокруг огня кружатся мотыльки и многие из них бросаются в огонь. Мотивы народного предания и наблюдения над игрой мотыльков вокруг огня Туманян положил в основу своей легенды.

Выше белоснежных вершин, «где блестит простор, где края небес синевой полны», жил властелин гор. Его жизнь украшала единственная дочь. Когда она выросла, царь объявил о своем желании выдать дочь замуж за самого храброго удальца. Дочь царя горной страны славилась своей

красотой, и потому на состязание собрались все знаменитые храбрецы Кавказа. «Отец, как мрачная туча, дочь — нежная луна.» Они выходят «как туча, обнявшись с луной». Царь, обращаясь к дочери, предлагает ей избрать самого сильного и могучего из витязей. Она отвечает: «Быть может слабого, но честного и благородного, победит в поединке низкий человек. Нет, он никогда не будет рыцарем моего сердца!». Богатыри просят сказать, чего же желает черноокая дочь Джавахка: «Злата, серебра или адамантов? Если даже звезд пожелаешь, мы достанем их для тебя.». На это дева отвечает: «На что мне золото, серебро, адаманты, иль небесная звезда, и не жемчужин прошу я от друга жизни. Пусть достанет он неугасимый огонь, тогда он станет моим избранником.». Богатыри мчатся во все концы света в поисках вечного огня. Проходят дни, месяцы, годы, но никто из храбрецов не возвращается. Мучительно долго ждет дочь царя. Она становится печальной. Ей грустно жить одинокой. Девушка плачет и день и ночь, и из ее чистых прозрачных слез образуется в горах синее озеро. Поднимаются волны, они затопляют белый замок, погибают в волнах царь и его дочь. Кончается поэма эпилогом: «Говорят, те мотыльки, которые во мраке ночи спешат туда, где засветится огонь, — говорят, что они влюбленные удалцы из Парваны. От страстного желания скорее достигнуть цели превратились они в мотыльков и, как увидят огонь — стремительно бросаются в него. Каждый спешит скорее достать огонь и завладеть сердцем прекрасной девы. И сгорают, сгорают без конца удалцы из Парваны.».

Таково содержание легенды^[39]. В ней таится глубокий смысл. Автор с большой теплотой и любовью рисует образ юной девы, которая совсем не похожа на надменную гордячку, на царскую дочь. Она нежна и скромна, одарена красотой, умом и развитым чувством справедливости. Она не мирится с установившимися веками нормами поведения и не желает склониться перед грубой физической силой. Девушка из Парваны ищет в жизни нравственного совершенства, душевной красоты, неугасимого, постоянно сверкающего ярким огнем чувства любви.

В легенде Туманяна выражена идея постоянного стремления человека к светлым вершинам совершенства и полноценного счастья к «неугасимому огню». «Нарвана» Туманяна, — говорил поэт Ваан Терьян, — понятна и прекрасна для всех народов, так же как «Золотая рыбка» Пушкина».

В. Я. Брюсов в своем очерке о развитии новой армянской поэзии утверждал, что Туманян достиг наибольшей силы в лирических поэмах, имея в виду прежде всего поэму «Ануш». В армянской критической литературе распространена и другая точка зрения. Часть критиков говорит о господстве эпического начала в творчестве Туманяна, ссылаясь при этом

большей частью на «Давида Сасунского» и на «Взятие крепости Тмук». Туманяна действительно всегда тянуло к широким полотнам эпического повествования, но его трудно назвать эпическим поэтом; чистым лириком он также никогда не был.

Н. А. Добролюбов, определяя эпическое, лирическое и драматическое начала в поэзии, указывал на то, что «нельзя совершенно отделять» друг от друга эти три рода в поэтических произведениях. Тем не менее, он допускал возможность преимущественного господства одного из этих начал. Для эпического поэта является характерным его умение «рассказать происшествия, случающиеся в жизни». Лирический же поэт, по мнению Добролюбова, отличается способностью «изображать предметы и передавать то чувство, то впечатление, которое эти предметы возбуждают в душе». И, наконец, драматический автор преимущественно умеет «ничего не говоря сам от себя, выводить перед нами разные лица и заставлять их говорить и вступать в различные отношения между собою».

Невозможно определить, что преимущественно участвует в произведениях Туманяна: описание, рассказ или действие? В его творчестве эти три элемента выступают в гармоничном единстве, лирические элементы сливаются с эпическими. Трудно отрицать глубокую лиричность самого яркого эпического произведения Туманяна — поэмы «Давид Сасунский», так же как и нельзя отрицать наличие эпических элементов в таких лирических творениях, как «Парвана». В этом отношении поэмы и легенды Туманяна по своему характеру, по особенностям стиля приближаются к творениям Пушкина и Лермонтова.

Туманян начал свой литературный путь с лирических стихотворений, но глубокий и живой интерес к героическому прошлому своего народа привел его к эпической теме.

Летом 1902 года Туманян писал Ф. Вартазаряну из дачной местности Белый Ключ: «Знаешь, я постепенно начинаю любить философию, а в поэзии то, что не содержит ни слез, ни волнений, но величавое спокойствие, олимпийский, благородный полет к лучшим мирам, в более ясные, чистые сферы.». При этом, армянский поэт сообщал, что он приступил к написанию «большой национальной поэмы», в которой будет выражено то, что «давно хаотически бурлит» в нем. Какое свое произведение имел в виду Туманян, трудно теперь сказать, но за год до этого письма у него возникло намерение побывать в старинной крепости, недалеко от Ахалкалакн, с которой связывалось историческое предание о Тмукской красавице. Ознакомившись в этнографическом сборнике с записью предания, поэт заинтересовался им. Некогда, в давние времена, в

Тмукском замке жил армянский князь. Персидский шах с многочисленными войсками пошел войной и осадил крепость Тмук, но не мог овладеть ею. Жена армянского князя полюбила шаха; тайком получив его согласие на брак, она решилась убить мужа и открыть ворота врагу. Овладев крепостью, шах спросил изменницу: «Кто прекраснее — я или твой супруг?» Она ответила, что князь был прекраснее. Тогда шах приказал привязать ее к хвосту лошади и предать смерти, сказав: «Если муж был прекраснее, так зачем же ты погубила его.»

Старинное предание стало темой новой поэмы Туманяна «Взятие крепости Тмук». Ее творческая история весьма характерна для метода Туманяна. Он прочитал запись предания, но этого было еще недостаточно. Для того, чтобы приступить к осуществлению поэтического замысла, Туманян должен был лично услышать из уст сказителей не один живой вариант, решая основной вопрос: что считать главной, существенной, органической частью памятника устного народного творчества и что было в нем случайным, чуждым, явившимся результатом позднейших наслоений текста. Затем он должен был побывать в тех местах, где бытовало предание, увидеть памятники, с которыми народ связывал происхождение сюжета. С этой целью Туманян поехал в Джавахк и побывал в крепости Тмук^[24]. Непосредственные впечатления от развалин крепости, от суровых горных ландшафтов помогли созреванию первоначального замысла. Поэт живо представил себе и храброго Татула, и черноокую его жену, и страшные картины боя...

В работе над поэмой автор отправлялся от конкретных реальных ощущений. Фольклорная тема проходила через творческую мысль, очищалась от всего лишнего, второстепенного и вновь рождалась в более стройной и законченной форме. Внимательно изучив все доступные ему источники, Туманян счел себя вправе не следовать слепо за фольклорной передачей факта. Он многое изменил в варианте устного рассказа о крепости Тмук. В поэме действие переносится в конкретную историческую эпоху. События происходят в древнем Джавахке. Персидский царь становится историческим лицом — это Надир-шах, известный своими разбойничьими военными походами и крайней жестокостью^[40]. Подвергся значительным изменениям и сюжет предания. Часть его элементов получила естественное развитие, другие были вовсе отвергнуты поэтом. Изменилась трактовка основных образов, психологическая канва была осложнена и обогащена новыми мотивами.

Таким образом фольклорный вариант явился для поэта лишь

источником сюжета. Бесчисленные войска Надир-шаха осадили крепость Тмук, но храбрый Татул не дрогнул. Он летел в бой со своей конницей и отражал врага. Сорок суток непрерывно кипел бой. До зубцов крепостных стен были навалены груды убитых, но Татул стоял непоколебимо и каждый раз с победой возвращался в крепость, где ожидала его черноокая красавица-жена:

Такую жену,
Клянусь душой,
Если б даже ашуг имел,
Без оружия,
Без дружин,
Пошел бы против шаха.

Очаг любви,
Огонь и пламя.
Коль улыбнутся эти очи,
Для человека
Темная ночь
Ясным днем — засияет.

Лепестки роз
Ее уста,
Коль пожелают победы,
Тогда ни шах,
Ни смерть, ни страх
Не страшны для тебя.

(Подстрочный перевод)

И вот перед Надир-шахом воспели красоту черноокой дочери Джавахка, рассказали ему, что «в ней ишхана^[25] Татула и мощь и душа». Тогда шах, которому не удавалось честным путем добиться победы над Татулом, прибег к коварному замыслу. Он послал в осажденную крепость своего ашуга, чтобы тот поведал княгине о его любви, обещал ей все, «что может обещать очарованный женщиной шах». Ашугу удалось проникнуть в крепость. Там, где не пробиться бесстрашному бойцу, — для ашуга дороги открыты, он везде желанный гость. Черные мысли закрались в сердце

красавицы, «соблазном предательским она поражена». Ночами не спит, все думает о славе царицы.

После боя Татул вновь с победой вернулся в крепость. Красавица жена устроила пир, где вино лилось рекою. Воспользовавшись темнотой ночи и царящей вокруг сонной тишиной, изменница открыла ворота. Враг овладел крепостью. Погибли Татул и его славное войско.

Утром шах спросил у черноокой красавицы: «Разве не был твой муж прекрасен и смел?». И в ответ услышал дерзкие слова. На зов шаха входит палач и уводит тмукскую красавицу, и сбрасывает ее с высокой скалы. Бесславный конец изменницы подтверждает одну из излюбленных идей Туманяна о том, что зло, подлость и преступление должны быть наказаны.

В поэме «Взятие крепости Тмук» сказались сила выразительности поэтического языка Туманяна, его высокое умение несколькими штрихами создать яркий образ. Легко представить ослепительную красоту тмукской княгини, хотя автор нигде не описывает ее внешность. Он говорит лишь о глазах жены Татула, об их чарующей силе, способности темную ночь превратить для человека в лучезарный день.

Поэма начинается и завершается песней ашуга; весь сказ ведется устами народного певца. Собрав вокруг себя слушателей, он рассказывает о событиях прошлых времен. Идея поэмы раскрывается в словах старика:

Проходит любовь, проходят радость,
Красота, богатство и троны...
Лишь дело человека бессмертно...

(Подстрочный перевод)

В основе поэмы Туманяна лежит мысль о том, что человек оставляет след после смерти лишь своими делами. Старый ашуг клеймит позором злодейство и подлость, поет он славу благородству и добрым делам. В беззаветной храбрости ишхана Татула и его воинов сказалась идея борьбы за свободу и независимость родной земли.

VIII

Девятисотые годы были самым плодотворным периодом в творчестве Туманяна. В эти годы поэт вплотную подошел к разрешению задачи первостепенной важности, — к созданию национальной поэмы из народной жизни. При осуществлении своих замыслов он не нашел достаточной опоры в творчестве своих предшественников в армянской литературе и обратился к Пушкину и Лермонтову.

Туманяна привлекали прежде всего идейные сокровища передовой русской литературы, ее глубоко патриотический характер, гуманизм, ненависть к тиранам, свободолюбие, вера в человека, ее великая сила пробуждать и развивать в массах сознание своего человеческого достоинства, благородные гражданские чувства.

Поэма была любимейшим жанром Туманяна. Но не сразу удалось ему овладеть этим сложным жанром. Ранние попытки в этом направлении составили лишь подготовительный этап. «Поэма требует той зрелости таланта, которую дает опыт жизни, — писал Белинский. — Поэма требует знания жизни и людей, требует создания характеров, следовательно, своего рода драматизирования».

Много дали Туманяну богатые наблюдения, жизненный опыт, дружба с писателями старшего поколения. Созреванию его таланта и росту мастерства содействовали также крупнейшие произведения русской и западноевропейской литературы. Лучшие поэмы, в основе которых лежит превосходное знание народной жизни, созданы Туманяном в 900-е годы.

В поэмах Туманян достиг вершин своего творчества.

Лирическая поэма «Ануш», в которой с наибольшей яркостью и полнотой проявилась народность творчества Туманяна, составила новый этап в развитии армянской поэзии.

Летом 1890 года Туманян закончил работу над первоначальным текстом поэмы «Ануш», опубликованным в его сборнике 1892 года. К этому любимому своему произведению автор относился с большой требовательностью и не раз возвращался к его переработке. Окончательный вариант поэмы вышел из-под его пера через десять лет, в 1902 году. Позже он внес еще несколько незначительных изменений. Сопоставление первоначального текста с поздней редакцией позволяет сказать, что Туманян в начале 900-х годов почти заново написал свою поэму. Текст 1892 года, в сущности, послужил для него только материалом.

Лирический характер поэмы «Ануш» обнаруживается с ее первых строк. В прологе автор воспекает горную родину, где прошла лучшая пора его жизни. Он вспоминает детство, и душа стремится к родному дому, где перед вечерним очагом ждут его «с тоской и надеждой».

И, слушая бурю зимы за окном,
О древних деяньях беседу ведут...

(Пер. Вл. Державин)

Встают перед поэтом родные, знакомые с детства картины.

...Рассвет в горах. В предутреннем тумане раскинулись шатры, над которыми легкой пеленой вьется дымок. Весело шумит яйла^[26]. После долгой зимы, как и в прошлые годы, крестьяне ушли в горы и там, у родника, среди цветов и трав, поставили свои шалаши...

Ожили перед очами поэта и знакомые лица, которых уж нет... Издалека доносятся звуки песни молодого пастуха Саро. Он поет о своей любви к Ануш, о том, что потерял он сон, что душу его красавица Ануш «в огне сожгла», что если родители не отдадут девушку по доброй воле, то он готов за нее пролить «реки крови». Старая мать Ануш, добрая нани, наставляет дочь, чтоб сидела она в палатке, берегла свою честь. Что скажут люди, что будет, если «худая молва в округе пойдет»? Но беспокойной Ануш не сидится в шатре. Она берет кувшин и уходит с подругами за водой. Спускается ночь, а Ануш все нет...

Над пропастью мать, растерявшись, сидит
И вниз, с омраченной душою, глядит...
А тучи сгустились, окутали высь,
В ущелья забились, друг с другом сплелись
И страшно, — беды не случилось ли с ней,
Застигнет обвал, повстречает злодей!..

Ануш и Саро, увлеченные друг другом не замечают, как быстро проходит время. Ануш говорит о своих опасениях, ей кажется, что Саро не так сильно любит, что он не жалеет бедную Ануш. На упреки любимой пастух отвечает:

— «Ах, Ануш, Ануш! что сказала ты?
Иль не знала ты,
Для кого в горах песни я сложил?
С кем я говорил?..
И свирель моя для кого поет,
И кого зовет?
И когда смежит сон зеницы мне,—
С кем вижусь во сне?
И тоской о ком днем я полонен,
И о ком — мой стон?
Ах, Ануш, Ануш! Бессердечный друг!..»

Поздней ночью из темного ущелья, с пустым кувшином, без шали, с распущенными косами возвращается Ануш.

Во второй песне описан весенний праздник. Деревенские девушки собирают цветы, поют «Джан-гюлум»^[27], весело гадают. Ануш достается тяжелый жребий.

Эй ты, черноволосая девушка,
Эй ты, девица с гор,
Пуля сердце пробьет того,
Кто полюбит тебя, девушка.
(Подстрочный перевод)
Подруги смутились:
— «Ой, горе тебе, сестрица-Ануш!
Пал жребий тебе несчастий и мук!
Чья злая рука достала его?..»

Ануш опечалилась. Подруги уговаривают её не верить гаданью, оставить печаль и снова, как прежде, играть, веселиться и петь «Джан-гюлум». Но плачет Ануш. Мрачное предчувствие мучает ее.

На деревенскую свадьбу пришли с горных пастбищ молодые парни «бороться, плясать, на красавиц глядеть». И вот друзья с веселым шумом толкают в круг пастуха Саро и брата Ануш — Моси, чтобы поборолись они, повеселили народ. Они возятся, делая вид, что не могут победить друг друга, потому что «есть в темных ущельях обычай седой», согласно которому в традиционной борьбе нельзя свалить перед зрителем другого

удальца. Старинное правило требует, чтобы боролись шутя, не унижая друг друга перед народом и не оскорбляя мужскую честь. Однако, когда Саро увидел Ануш, — забыл он обычай, и мир, и друзей. В то время как Моей боролся без особого сопротивления, Саро собрал свои силы и бросил противника наземь. Этим он опозорил своего друга. Обида приводит Моси в ярость:

...«Пусть встает! схватимся мы вновь.
Иль жизнью клянусь, что он не уйдет!
Плата за позор — нечестивца кровь!
Он не победил!.. я обманут был!..
Ну — пусть он придет! очистите круг!»

Шум и хохот толпы еще более разжигают оскорбленное самолюбие Моси. Он уходит ожесточенным и угрюмым, «кровь из омраченного сердца его сочится...»

Идет он и шепчет: «Ты ль это Моси,—
Оплеванный, жалкий — валялся в грязи?..
Когда ж ты к земле прикасался спиной?
.....
Под чьим-то презренным коленом лежать,
И женщинам после глаза показать?..
.....
Умри от позора! Сквозь землю провались!
Иль — дома валяйся, за прялку садись!..»

По понятиям патриархальной деревни «валяться дома, за прялку садиться», то есть заниматься женскими делами, было высшей формой оскорбления мужского достоинства.

Темной ночью Саро похитил Ануш и скрылся в горах. Поиски были напрасны. Моей дал себе клятву найти Саро и «бесстыдную сестру», «убить их на месте и гнев утолить».

Спустя некоторое время, а поздний час, в изодранном платье вернулась Ануш в родительский дом. Саро остался в горах один. Скитался там и озлобленный Моси, который, исполнив свою клятву, убил Саро.

Бедного пастуха похоронили на берегу реки под черной скалой. Вновь

пришла весна, с нею вместе — цветы. Бродила одиноко обезумевшая Ануш, рыдала, смеялась и пела песни о невозвратном счастье и погибшей любви и, наконец, бросилась в бурные воды реки.

«Ануш» Туманяна в сущности представляет собой народную драму, написанную в форме лирической поэмы. Трагедия любви изображена на широком фоне жизни и быта армянской патриархальной деревни, что придает поэме Туманяна огромное познавательное значение. Прав был В. Брюсов, когда писал: «Наибольшей силы поэзия Туманяна достигает в лирических поэмах, где сказывается всестороннее знание народной жизни и живое проникновение вглубь народного духа. Для читателей другого народа знакомство с поэмами Туманяна (например, с его «Ануш») дает больше в познании современной Армении^[28] и ее жизни, чем могут дать толстые томы специальных исследований».

Армянская деревня жила замкнутой жизнью, здесь царил патриархальный быт. Крестьянское население строго придерживалось дедовских обычаев — адатов. В особенно тяжелом положении находилась женщина, ее отношения со всеми членами семьи и обществом строго регламентировались суровыми законами гор. Не было установленного общественной нравственностью должного уважения к женщине. Ее положение определялось доброй волей мужчины или его капризом, он не считал жену другом своей жизни. В одной из ранних легенд Туманяна молодая женщина поет о своей горькой доле:

«Мой дом — тюрьма.
Печаль и тьма.
И я навек в плену.
Что бархат, шелк?
Какой в них толк,
Когда я жизнь клянусь?
Ах, птичкой стать,
Порхать, летать
С любимым средь ветвей!
Дыша весной,
В тиши лесной
Поется сладко ей.
Рожденья день —
Проклятый день.
Для девушек, для всех.
Мой грустен сон,

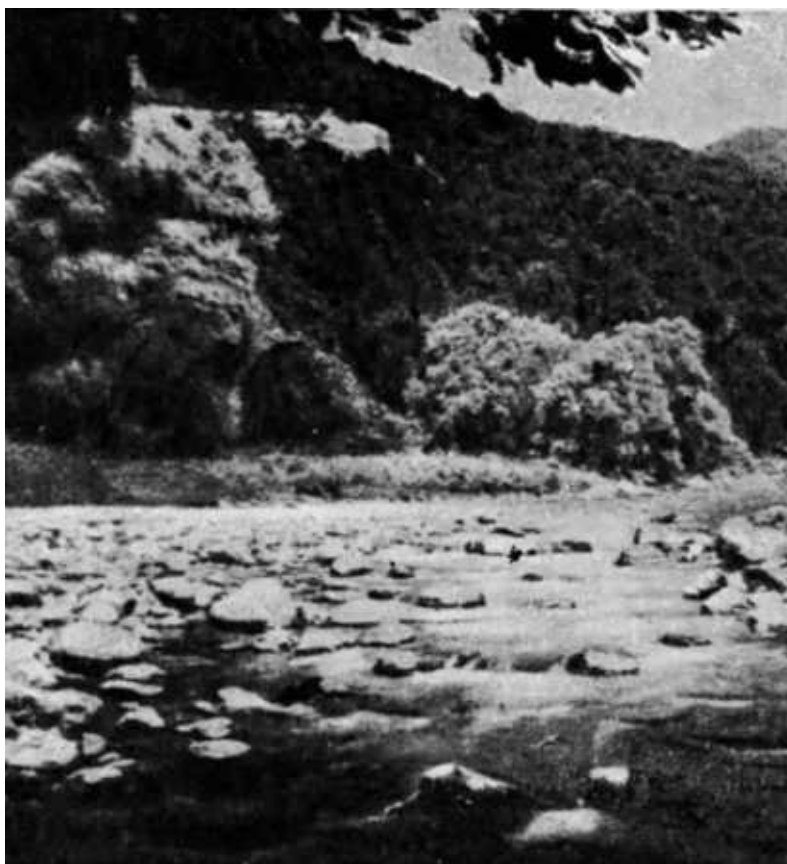

И в сердце — стон,
И — ах! — пропал мой смех»...

(Пер. А. Гатов)

Лорийский пейзаж.

Река Девбет.

Много уродливых явлений порождал этот темный мир суеверий и предрассудков, которые были освящены и закреплены в сознании крестьянской массы традиционным бытом. И сколько невинных жертв знала старая армянская деревня! Туманян своим правдивым рассказом заставляет читателя задуматься над темными сторонами жизни. Девушка не имела права руководствоваться собственными желаниями, она не могла участвовать в решении своей судьбы; она была обязана слепо подчиняться воле родителей. Сестра обязана во всем быть послушной брату, тем более, когда он глава семьи. Ануш полюбила всем сердцем Саро, но он оскорбил честь ее брата Моси. Она должна навсегда забыть своего возлюбленного. Этого требуют и брат и отец. Наконец этого требует честь всей семьи.

Основная идея, лейтмотив поэмы «Ануш» определяется страстным желанием автора светлой жизни для народа, воспеванием природы родины, воспеванием чувства любви. Его мечты отражали жажду счастья простых и славных людей из народа, гибнущих в мире невежества и темноты. В основе поэмы лежит глубокая человеческая трагедия.

У автора нет нужды прибегать к искусственному столкновению страстей, придумывать несуществующие противоречия. Действие развивается закономерно, по естественному ходу событий. Жизненно правдив психологический конфликт, возникший на почве нарушения старинных обычаев, установленных норм поведения.

В поэме «Ануш» немного действующих лиц. Высокое мастерство Туманяна в раскрытии их душевного мира выразилось в ясности авторской мысли, благородной простоте и естественности обрисованных характеров.

В разработке образов армянский поэт не фиксирует внимания на подробностях. Он достигает типизации и глубины при помощи ярких мазков, намечая лишь контуры психологического портрета. Герои Туманяна живые народные характеры. Такими мазками создан образ брата Ануш, пастуха Моси, который впервые появляется в третьей песне, при описании деревенской свадьбы. Он связан с Саро узами дружбы. Но вот роковая встреча: в традиционной борьбе Саро нарушает обычай. Вчерашний друг стал теперь врагом. Он не пощадил Моси, опозорил его перед всем народом. Моси не в силах перенести удар, нанесенный его близким другом. Он готов зарезать родную сестру, в которой видит виновницу своего позора.

— «Клянись же, бесстыдная!» — он ей кричал, —
«Клянись, что его ты не будешь любить!
Не то — видишь мой обнаженный кинжал?
Легко мне бесчестное сердце пронзить!»

Сколько ни пытались примирить друзей, — ничто не помогло. Как мог терпеть Моси, чтоб родная сестра была в объятиях вероломного друга! И он остался неумолим. Автор нигде подробно не говорит о душевном состоянии Моси, но по скупым строкам поэмы легко представить переживаемую им глубокую драму. Тяжело ему переносить позор, «сочится кровь из омраченного его сердца». После того как Моси убил Саро, своего недавнего друга, он показался из мглы ущелья. Изменился весь облик его. С искаженным от ожесточения и невыразимых мук лицом, неверными шагами, не сказав ни слова, не глядя на людей, он направился в дом, повесив на стене «черное ружье, подобно черной змее». Моси не нашел в себе силы не подчиниться общепринятым нравственным нормам. «Плата за позор — нечестивца кровь!» — так гласил темный закон жизни гор. Моси становится жертвой уродливых представлений о человеческом

достоинстве, о чести.

Подробной психологической характеристики Саро в поэме нет. Но стоит несколько вдуматься в те немногие строки, в которых говорится о переживаниях пастуха, чтоб перед нами предстал цельный образ сына гор с его простым и ясным душевным миром. Он любит искренно и сильно. Он готов преодолеть любые препятствия, чтобы добиться своего счастья. Жизнь без Ануш в его глазах не имеет ни смысла, ни цены. Он смерти не боится, но его страшит мысль о судьбе любимой.

Правда жизни, искренность и глубина чувства у Туманяна всегда сочетаются с любовью к людям, к природе. Ануш — реальный тип деревенской девушки. Черные глаза девы гор «морю подобны». В ней все просто и естественно. В поведении ее нет ничего предосудительного. В ней сильна жажда счастья. Терзают ее душу неясные тревоги, ей душно и сердце рвется на волю, в горные просторы, где с тоскою ожидает ее возлюбленный. Под предлогом, что она с подругами идет к роднику за водой, — она спешит к Саро. Но в сущности она не обманывает свою старую мать, которой легко было догадаться, что происходит в сердце дочери. Ануш — скромная тихая девушка, и трудно было бы представить, чтоб она могла подняться против вековой традиции, не считаться с общественным мнением, не подчиниться воле отца и брата, если б не всепоглощающая сила любви. Она целиком во власти чувства. Она готова на все. Ее страшит лишь одно — разлука с любимым. В условиях жизни патриархальной деревни Ануш решилась на отчаянный, смелый поступок: тайно покинув родительский дом, она убежала с Саро в горы. Ануш, как и многие другие герои Туманяна, пытается восстать против норм патриархального быта и погибает в этой неравной борьбе.

Песня обезумевшей Ануш может служить прекрасной иллюстрацией высокого мастерства Туманяна. С максимальной экономией слов, простыми средствами в раскрытии трагического образа героини поэмы автор достигает потрясающей глубины. Быстрая смена впечатлений, переходы от реальных ощущений к безумным грезам, бессвязная речь — все это психологически оправдано и глубоко верно рисует душевное состояние девушки. В ее больном воображении оживают воспоминания прошлых счастливых дней. Ей чудится картина спящего в тени, «опьяненного дыханием трав» юноши. Эта картина сменяется другой — Ануш кажется, что она слышит веселый шум свадьбы, но вместо невесты и жениха видит, как несут обезображенный немой труп. Страшная сцена возвращает ее к реальности. Она с рыданьем и мольбой обращается к людям: «О, заройте с ним в землю и меня!..» Автор с изумительным мастерством, правдиво и

тонко рисует психологические оттенки душевного состояния героини.

Ануш горько жалуется на свою судьбу, одинокая и бессильная в темном царстве предрассудков и неумолимого адата. Но и сама Ануш — порождение этой среды, и она не свободна от суеверий. Причину своей горькой участи девушка видит в магической силе проклятия странствующего нищего. Когда она была еще ребенком, к ним в дом вошел старик дервиш^[29] и попросил хлеба. Мать прогнала его:

— «Прочь! — крикнула — прочь от наших ворот!
Покая мне дочь и без вас не дает!...»
И проклял старик жестокий меня,
Чтоб ей — мол — не знать отрадного дня.

Об этом давнем эпизоде вспоминает Ануш во время весеннего праздника, когда ей выпал черный жребий.

В поэме Туманяна нет надуманности и фальши, все естественно и правдиво. В ней нашли яркое отражение не случайные или единичные, а типичные явления жизни и быта старой деревни. К сложной задаче психологической характеристики не только основных действующих лиц — Ануш, Саро, Моси, — но и эпизодических персонажей, Туманян подошел с позиций реализма. Вот, например, старик крестьянин, «пыхнув прокуренной трубкой своей», рассказывает возбужденной толпе о событиях ночи, о беглецах, о том, как Саро похитил свою возлюбленную:

«Я прошлую ночь — этак в полночь — не спал,
Томился и, глаз не смыкая, лежал...
Всего я лишился на старости лет,—
И сна и здоровья бывалого нет...
Да... помню: был темный полуночный час,
Вдруг пес забрежал за стеною у нас.
«Эй, кто там? Уймись ты!» — я крикнул ему.
Гляжу, — пес, как бешеный, кинулся в тьму!..
«Эх, времечко! — тут про себя я сказал,—
Чем прежде я был, и чем нынче я стал?
Бывало, один возле выгона спишь,
Чуть шорох, — и вскочишь, и в оба глядишь...
Так вот, не сомкнул это я еще глаз;
А помню — был горький, полуночный час...

Две тени мелькнули, пустились бегом
От пса и пропали во мраке ночном...

Манера спокойного многословного повествования и язык его выразительно характеризуют самого рассказчика.

В поэме Туманяна занимает весьма существенное место деревенская масса. И первое, что бросается в глаза, — забитость и пассивность этой темной массы. Создается впечатление, что никто не хочет вмешиваться в ход событий. И это объясняется не равнодушием к судьбе героев. Деревенские девушки, подруги Ануш, жалеют ее. Когда после бегства с Саро она возвращается домой, лежит на земле и рыдает, то соседки безмолвно толпятся вокруг. Они не находят слов для утешения несчастной девушки, потому что с их точки зрения она опозорена, она нарушила священный обычай, бежала с любимым, была с: ним в горах и теперь вернулась. Отвергает ее даже отец, который с яростью говорит:

Ты знала — его ненавидит Моси,
Ты знала — что мы не взлюбили его!
Так как же решилась ты с ним убежать?
Нет! Лучше б тебе в могиле лежать!..

Крестьяне пришли, чтоб смягчить гнев отца, но они свои чувства выражают молча, сдержанно. Саро любим окружающими. Деревенские парни, узнав об убийстве Саро, «гонимые горем» летят в ущелье, но событие это не было для них неожиданностью, и поэтому оно не вызвало гнева к убийце. Оно было воспринято как трагическая, но вместе с тем и неизбежная развязка тяжелой драмы. Предсказание старика дервиша, дурной сон Манишак как бы предвещают трагическую развязку. Во всем этом сказались элементы фаталистического мирозерцания деревенской массы. В поэме «Ануш» один из первых армянских критиков-марксистов Ал. Мартуни справедливо видел «целый калейдоскоп суеверий, предрассудков».

В свое время Микаел Налбандян, в критическом разборе романа Перча Прошяна «Сос и Вартитар», считал большим недостатком этого произведения то обстоятельство, что автор как бы оправдывал отсталость патриархального быта армянской деревни. Для революционного демократа Налбандяна одной из основных задач литературы была именно борьба с

темнотой и невежеством. «Объясняя чудесное законами природы, — писал он, — следует рассеять средневековый туман, открыть народу глаза, внушить ему больше веры в себя, в свое человеческое достоинство, в свою жизнедеятельность».

Туманян эту же задачу решал иначе. Он яснее чем кто-либо другой из армянских писателей видел темные, безотрадные стороны жизни: в яркой, убедительной форме он показал, как предрассудки и невежество превращают жизнь народа в мир страданий. Образы Маро, Сако, Ануш, Саро и других жертв старой деревни вызывают у читателя чувство протеста против «темного мира» суеверий.

В лирических поэмах Туманян изображает типические черты жизни широких масс армянского крестьянства в переходную эпоху 80—90-х годов прошлого столетия, когда уже явно намечался перелом от патриархального строя к новым буржуазным порядкам. В поэмах «Маро», «Сако Лорийский», «Стоны» и в особенности «Ануш» автор нарисовал правдивую картину народной жизни во всей ее многогранности, со всеми ее противоречиями. Туманян разоблачил мир невежества и темноты, но делал он это с болью сердечной, полный безграничной любви к своему народу. Он не оправдывает Моси, когда тот, ослепленный эгоистическим самолюбием, следуя закону гор, убивает своего друга. Не оправдывает он в другой поэме и отца Маро, отвергнувшего свою несчастную дочь. Но вместе с тем Туманян и не осуждает их, считая жертвами неумолимого адата, темных предрассудков. Им тоже не легко, они тоже страдают.

Однако в своих героях Туманян видел не только отрицательные, но и положительные черты. Жизнь в горах, среди природы, стремление народа к вольности, высокие нравственные достоинства простых людей, их верная дружба и любовь, чистота и ясность их внутреннего мира, — все эти проявления народной жизни воспел армянский поэт.

В первоначальном варианте поэмы «Ануш» пламенные, восторженные речи были обращены к родине. Автор славил свою древнюю страну, воспевал простые нравы людей, душа у которых чиста и прозрачна, как синие струи горных родников.

Вторым важнейшим элементом, которым в значительной степени определяются особенности произведений Туманяна, в частности и поэмы «Ануш», явилась природа родины. «Для живого человека, — писал В. Г. Белинский, — природа всюду является одушевленной... Чувство своего сродства, своей общности, своего тождества со всем великим царством жизни заставляет наш дух видеть свое отражение в таинственных явлениях природы». У Туманяна природа всегда одухотворена. Армянскому поэту в

высшей степени свойственно чувство своего единства с природой. О нем можно было бы сказать словами Е. А. Баратынского:

С природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье —
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье...

(Из стихотворения «На смерть Гете»)

Поэт в бесконечно богатом и разнообразном мире природы искал и находил красоту и гармонию. Природа была для него неиссякаемым источником поэтического вдохновения. Его поэтическое чувство каждый раз протестовало, когда он видел вырубленный лес, взорванные скалы, бессмысленно варварское разрушение природы^[41].

Туманян постоянно жил в Тифлисе, но «тоска по жизни в горах» заставляла временами ездить в родное село. В одну из таких поездок на родину, когда поезд вошел в Лорийское ущелье, где поэт не бывал уже семь лет, лицо его радостно засияло.

С восторгом смотрел он на близкие и дорогие сердцу места, но когда заметил, как все изменилось вокруг, он с грустью сказал своему спутнику о том, что исчезла навсегда дикая краса, что нет больше густых, девственных лесов, которые придавали Дорийскому ущелью невыразимое очарование.

При постройке железной дороги хищнически и варварски вырубili леса, в которых некогда утопали живописные окрестности родной деревни. Туманяну было больно смотреть на оголенное, пустынное ущелье, с которым у него были связаны самые дорогие воспоминания. Приехав в Дсех, целыми днями он бродил вокруг села по знакомым ему с детства местам. Однажды вечером, после длительной прогулки, он задумчиво остановился у группы вековых ветвистых дубов в открытом поле. Два огромных дерева были расколоты ударом молнии. По змееобразной широкой щели можно было судить о разрушительной силе небесного огня. И перед этим зрелищем долго стоял Туманян, освещенный лучами заходящего солнца.

Бесконечная влюбленность Туманяна в природу, обогатившую его мироощущение и воспитавшую в нем лирическое чувство, не могла не оказать влияние и на процесс формирования его поэтической индивидуальности. Уже в его раннем творчестве имеются такие образцы

пейзажных стихотворений, как «Две черные тучи», «Концерт», «Перед картиной Айвазовского».

Пейзажам Туманяна свойственны лиризм и эмоциональная насыщенность. Образцом глубокого понимания Туманяном природы может служить его лирическое стихотворение «Две черные тучи»:

С зеленого трона спокойной вершины,
Поднявшись тревожно в темнеющий свод,
Гонимые бурей, по краю стремнины
Две тучки печальные мчались вперед.

Но даже и буря, в порыве жестоком,
Одну от другой оторвать не могла,
Хоть злобой дышала и в небе широком
Их, с места на место бросая, гнала.

И вместе, все дальше, по темной лазури,
Прижавшись друг к другу, в безбрежную высь,
Гонимые злобным дыханием бури,
Две тучки, две грустные тучки неслись.

(Пер. И. Ф. и Л. А. Тхоржевские^[42])

Стихотворение «Две черные тучи» относится к 1894 году. К этому времени Туманян успел уже горячо полюбить поэзию Пушкина и Лермонтова. Туча, «гонимая ветром и бурей» у Пушкина, «тучки небесные — вечные странники» у Лермонтова произвели несомненно сильное впечатление на молодого Туманяна. В его «Двух черных тучах» ощущается влияние высоких образцов русской пейзажной лирики. Тем не менее, Туманян вполне самостоятельно разработал новую тему, создал оригинальное лирическое стихотворение. Он выбрал один из труднейших жанров поэзии, так называемый пейзаж в стихах. В стихотворении Туманяна не только правдиво изображена небесная буря, но и выражено вызванное этой картиной чувство поэта. Его две черные тучи, напоминающие неразлучные тени Франчески да Римини и Паоло Малатеста, которых «мчит адский ветер», в «Божественной комедии» Данте, символизируют силу любви и дружбы. Даже буря жизни «в порыве жестоком» не может их оторвать и они несутся, «прижавшись друг к другу,

по темной лазури».

Природа заняла достойное место и в рассказах, скатках, легендах и поэмах Туманяна, но ни в одном из спой к произведений он не достиг такого совершенства, гармоничного слияния пейзажа с другими художественными элементами, как в поэме «Ануш».

Туманян далек от натуралистического восприятия. В его поэзии природа не служит простым фоном, или украшением, или местом действий, не выступает и в роли немой, равнодушной свидетельницы печальных событий.

Как у Пушкина «вьюга злится, вьюга плачет» («Бесы»), так и у Туманяна природа вместе с поэтом то радуется, то печалится.

В прологе поэмы «Ануш» к зеленым горам, которым он обязан лучшими днями своей жизни, обращается поэт со словами приветия. Реки, горы, темные ущелья, поля и цветы под пером поэта оживают, обретают язык человеческих чувств. Вместе с ними оплакивают несчастную любовь и горные цветы, «сердца и глаза которых были полны слезами-росинками». Добрые феи, красавицы пери «на крыльях ветерка, на лучах луны» поют печальную песню Ануш, — и как только первые лучи озаряют вершины гор, они незримо исчезают, прячутся в стволах толстых дубов, в синих струях родников, в пене волн летящей со скал реки...

В поэме «Ануш» имеются блестящие образцы зрительного описательного пейзажа:

Рассвета лучом Чатиндаг^[30] озарен.
И, как с водопоя верблюды, на склон
Гуськом из ущелья идут облака
В долине блестит и дымится река...

Здесь объективность изображения сочетается с цельностью восприятия. Картина природы одухотворена поэтическим чувством.

Пейзаж в поэме Туманяна появляется не в форме лирического отступления, а как органическая необходимая часть художественного целого, как непосредственное звено сюжетного развития. Природа в «Ануш» выполняет сложную функцию. В отношениях героев поэмы к природе преобладает чувство близости, сквозит интимность и теплота непосредственного общения с ней. Девушки, шумной гурьбой с песнями идущие за водой, ведут как бы дружескую беседу с прозрачными струями родника, обращаясь к ним с сердечной тревогой: не видели ли они

любимого, не напился ли он холодной воды и «не прошла ли боль в его груди?». И Саро в минуту тоски и одиночества обращается к родным горам, в которых видит он верных друзей, и рассказывает им о своей горе:

Когда ж на горах закат догорит,
И вечер дарит отрадную тьму,—
Его баяти^[31] печально звучит,
И горы в дыму внимают ему...

эпитеты народной поэзии, образы, связанные с природой, становятся средством выражения душевного состояния старой одинокой матери, рыдающей над телом убитого сына:

«Ты солнцем за тучи упал — Саро-джан!
Ты с ветви цветущей упал — Саро-джан!
Тьма солнце убила мое — Саро-джан!
И ночь наступила моя — Саро-джан!..»

Печальна песня Ануш, в которой она свою судьбу уподобляет участи плакучей ивы:

Сказывают: ива
Девушкой была,
Долго, терпеливо
Милого ждала,
Не приходит милый,—
Ивою унылой
В бережок вросла.
Вся дрожит пугливо,
Сиротливо ива;
Лист плакучий клонит,
Счастье хоронит.
Зеленью омытой,
С тихой речкой ива
Шепчется стыдливо
О любви забытой...

(Пер. Вяч. Иванов)

Для Туманяна характерен лирический пейзаж. В поэме «Ануш» звуки и краски природы отражают и раскрывают мир чувствований и дум поэта. Вместе с автором скорбит река Дэвбет. Она оплакивает смерть пастуха:

...И ночь наступила. И пала роса.
И плачущих стали стихать голоса,
Устали, потухли... Лишь старый Девбед
Шумит, вспоминая о тысячах бед.
С грозной песней
Мчится в бездне,
И — гнева полн —
Бьет пеной волн
О стеныг скал.
За валом вал
Разбивает
И рыдает... [{43}](#)

Пейзаж у Туманяна не мертвый снимок, а живое воспроизведение природы, где ощущается биение пульса ее жизни. Эти динамичные строки, где зрительные образы сочетаются со звуковыми, передают стремительное движение реки, ее гул и грохот в ночной тишине...

Туманян не сразу достиг высокого мастерства. В первоначальном варианте поэмы (1892 г.) описания природы были растянутыми и жили как-то обособленно, без органической связи с развитием сюжета и переживаниями действующих лиц. Позднее поэма подвергалась неоднократной переработке. Были устранены многословные отступления, вызванные главным образом желанием девятнадцатилетнего автора рассказать обо всем, что волновало его юную душу, а также некоторые натуралистические подробности, наличие которых в поэме противоречило принципу идейно-художественной цельности произведения.

Ранняя редакция поэмы «Ануш» все же сохраняет свое значение не только для уяснения эволюции замысла и изучения творческой лаборатории писателя; она служит также материалом для более углубленного осмысления отдельных эпизодов поэмы. Так, например, читатель ничего не знает о детстве Ануш и Саро, потому что этих сведений в окончательном тексте нет, а в первоначальном варианте рассказывалось о том, как росли

они под одним кровом. Здесь же раскрывалась характерная подробность быта старой деревни. Дети были всегда вместе, играли, резвились, и матери благословляли их. Но вот они подросли, Ануш стала девушкой, — и пришла разлука. Теперь Ануш должна была постоянно находиться около матери, под ее строгим надзором, а Саро ушел в горы, стал пастухом.

В первоначальном тексте поэмы автор, влюбленный в красоту своей героини, с нескрываемым восторгом описывал ее внешность, ее достоинства: «Если тебе незнакомо еще чувство любви, — говорил Туманян в обращении к своему другу Анушавану Абовяну, которому он вначале задумал посвятить свою поэму, — иди в наши горы, где живет прекрасная Ануш. И когда она взглянет на тебя своими черными глазами из-под черных бровей, тогда ты только познаешь радость и затем, страдая, полюбишь жизнь». Эти описания красоты Ануш в окончательной редакции поэмы исчезли. Читатель узнает об ее облике лишь из страстной песни пастуха Саро и сам дорисовывает портрет.

В первой редакции поэмы Туманян подробно рассказывал об обычае похищения любимой девушки, бытовавшем у кавказских народов и, что важно отметить, рассказывал об этом не без оттенка романтизма. Саро мог бы свататься с согласия брата Ануш, мог просить руки любимой, но у игита-храбреца неугасимое чувство любви крепко замкнуто в сердце. Ему не к лицу упрашивать. Если Саро действительно храбрец, пусть он похитит, умчит на коне свою возлюбленную. Тогда все скажут: «Вот колодец, теперь достоин он и любви и чести!» Так рассуждали в старой деревне. Когда Саро темной ночью похитил Ануш и целый месяц отряд деревенских парней искал и не нашел беглецов, — все похвалили Саро за смелость и удалство, за то, что он сумел увезти свою возлюбленную.

Сцена из оперы «Ануш».
(Ереванский Гос. театр оперы и балета им. А. А. Спендиарова).

Ованес Туманян. С фотогр. 1900 г.

Творческая история «Ануш» показывает, как долго и упорно работал Туманян над своими произведениями, как часто прибегал он к тщательной переработке текста, иногда коренным образом меняя структуру отдельных глав в поисках более экономной, точной формы и художественной выразительности. Для Туманяна характерна высокая требовательность к писательскому труду. Когда в 1892 году вышел из печати второй сборник его стихотворений, содержащий множество типографских опечаток, Туманян написал своему издателю «Нужно понимать, какое значение имеет

для автора, а для поэта в особенности, каждое слово!».

Поэма «Ануш» по своему построению не отличается сложностью, и сила ее не в композиционных приемах. Туманян и здесь верен принципам простоты и народности. Особенности композиции поэмы родственны традициям народной музыкальной драмы. В детстве Туманян слушал и любил «Кёр-оглы», «Асли Кярам» и другие народные музыкальные драмы. Старинные их формы встречаются и в наши дни в исполнении народных певцов-ашугов. В свое время автору этих строк довелось слушать «Кёр-оглы». Восьмидесятилетний старик-ашуг изображал всех действующих лиц, меняя голос, мимику, используя богатые возможности народной мелодии. Временами он пел, местами рассказывал или патетически декламировал под аккомпанемент своего неизменного друга, простого саза^[32].

Основным композиционным принципом «Ануш» явилось песенное начало. И дело не в том, что главы поэмы автором названы «песнями» (она состоит из шести таких «песен»), а в самой напевности и музыкальности всей поэмы.

Песни в «Ануш» чередуются с повествованием, что является также характерной чертой старинной народной музыкальной драмы. Хор горных фей в прологе, песня Саро, хор идущих за водою девушек, песня Ануш, хор девушек на весеннем празднике цветов, снова песня Саро, песня прохожего странника и, наконец, песня обезумевшей Ануш, — все эти песни составляют необходимый элемент, присутствие которого строго обусловлено единством образов и художественной цельностью.

Музыкальность «Ануш» придают не только песни, но и общие принципы построения, в которых элегическое вступление гармонирует с трагическим финалом. Именно поэтому поэма Туманяна привлекла внимание замечательного композитора армянского народа Комитаса^[44].

Когда в 1903 году были изданы избранные сочинения поэта в одном томе, Мария Марковна Туманян послала книгу в Эчмиадзин Комитасу с просьбой ознакомиться с «Ануш» и написать по мотивам поэмы оперу. Спустя несколько месяцев, в конце февраля 1904 года, композитор в письме восторженно отзывался о достоинствах поэмы, но со своей стороны просил автора несколько изменить текст для большего усиления цельности и музыкальности. Он предложил написать заново отдельные песни, дополнить и сократить другие, и вообще приспособить более текст поэмы к условиям оперной постановки. В заключение Комитас просил по возможности скорее подготовить текст, чтобы у него было достаточно

времени для его изучения и составления программы музыки. «Не могу сказать, когда она будет готова, потому что я один, и все дела лежат на мне», — писал Комитас к Марии Марковне. При этом указывал на свою чрезмерную занятость (уроки в духовной академии, руководство хором, работа над исследованием для сборника Международного музыкального общества, составление учебников, редактирование словаря народных песен и т. д.). «Главная беда в том, — добавлял Комитас с огорчением, — что нет у меня музыкального инструмента, чтобы мог я написанное довести до конца. В келье стоит у меня лишь маленький Harmonium».

Мария Марковна тотчас же передала Туманяну содержание этого письма. Вскоре Комитас и Туманян познакомились. Композитор долго и упорно работал над оперой. Весною 1908 года он писал Туманяну: «Давно я начал музыку к твоей «Ануш» и порядочно написал. Но еще недостает многого, чтобы получилось, наконец, целое». Есть основание предполагать, что Комитас закончил оперу, но партитура ее исчезла бесследно. В его бумагах остался лишь титульный лист.

Поэма Туманяна заинтересовала не одного только Комитаса. «Не говоря о высокой художественности поэмы, — писал композитор Армен Тигранян^[45], — сама конструкция ее, замечательный пролог, скорбь фей и беззаветно влюбленных, серенада Саро (на рассвете) и т. д. — все это требовало облечь прелестную поэму в музыкальную форму, переложить ее в оперу.»

С большим воодушевлением Тигранян приступил к работе. В 1908 году он создал первую хоровую песню («Амбарцум яйла») своей будущей оперы «Ануш». Тема поэмы оказалась настолько ему близкой и созвучной, что ему легко удалось составить либретто, в котором с замечательным тактом и мастерством он сохранил особенности поэтического стиля Туманяна.

Опера «Ануш» Армена Тиграняна впервые была поставлена (в отрывках) в 1912 году силами учащихся в городе Александрополе^[33] и вскоре получила всенародное признание. Музыкальные достоинства поэмы Туманяна облегчили задачу композитора, который опирался на богатые традиции армянской народной мелодии и достиг полной гармонии между текстом и музыкальной формой. Композитору удалось настолько близко подойти к истокам народной мелодии, что многие песни из оперы были восприняты широкой массой как собственные творения. «Ануш» Тиграняна стала первой армянской национальной оперой.

Опера была создана, но не так легко было в условиях старой Армении

добиться ее сценического осуществления. Не было оперного театра, профессиональных исполнителей, не было, наконец, нужных материальных средств. Лишь после победы Советской власти в Армении, после того, как были созданы условия для большой творческой работы и был основан Государственный театр оперы и балета им. А. Спендиарова, в столице Армянской ССР городе Ереване опера «Ануш» прозвучала с полной силой. Она заслужила любовь народных масс и вошла в золотой фонд советской музыкальной культуры.

IX

Думы о судьбе парода, мысли о его вековой борьбе за свободу и счастье привели Туманяна к армянскому героическому эпосу. Им овладело желание написать поэму, опираясь на богатую фольклорную традицию сказа о сасунских богатырях. Какими же материалами располагал Туманян, приступая к осуществлению своего творческого замысла?

До семидесятых годов прошлого века армянские филологи мало интересовались фольклором. Лишь в 1874 году один из неутомимых собирателей памятников устного народного творчества Гарегин Сырвандзтян впервые записал и опубликовал один из эпизодов народного сказа о Давиде Сасунском. Через год изучением этого эпического памятника занялся проф. К. П. Патканов^[46]. В 1891 году появился первый русский перевод с предисловием и примечаниями Гр. Халатянца^[47], указавшего на родство образа Давида Сасунского с образами героев русских былин: Святогором, Ильей Муромцем, Алешей Поповичем и другими.

В 1889 году армянский ученый-филолог Манук Абебян записал и издал новый полный вариант «Давида Сасунского», появление которого было событием в культурной жизни Армении.

В течение последующих десятилетий было записано и издано множество новых вариантов, число которых ко времени празднования тысячелетнего юбилея героического эпоса армянского народа (в 1939 году) достигло шестидесяти. Тогда же возник вопрос об издании сводного текста, что и было выполнено научной редакцией во главе с проф. М. Абебяном^[48].

Еще предшественники Туманяна пытались воссоздать в литературе эпический сказ о Давиде Сасунском. Однако стоило появиться поэме Туманяна, как все более ранние попытки были забыты и его «Давид Сасунский» полностью овладел вниманием читателей.

Поэма Туманяна «Давид Сасунский» была завершена осенью 1902 года и появилась в печати спустя несколько месяцев на страницах издававшегося в Тифлисе журнала «Мурч» («Молот»). В примечании автора указывались четыре печатных варианта, на которые он опирался в работе над поэмой. В том же году Туманян подверг журнальный текст коренной переработке. В 1904 году поэма была издана отдельной книжкой. Для новой редакции Туманян использовал уже шестнадцать печатных

вариантов эпического памятника.

Первоначальный журнальный текст был освобожден от второстепенных эпизодов, ненужных подробностей, и поэма получила стройную, строгую форму. К «Давиду Сасунскому» Туманян возвращался и в более поздние годы. Он интересовался и новыми вариантами и новыми исследованиями памятника, собирал материал для второй части поэмы^[34].

Армянский героический эпос в передаче народных сказителей распадается на четыре группы повестей о славных делах четырех поколений богатырей. Первое поколение сасунских храбрецов — Санасар и Багдасар, второе — Мгер старший или Мгер, подобный льву, отец Давида; третье — Давид и Мгер младший, которым и завершается эпический сказ.

Темой для своей поэмы Туманян выбрал деяния Давида Сасунского, центральной фигуры эпического памятника. Давид изгнал врагов, восстановил армянское государство, и остался в народной памяти благородным, бесстрашным богатырем.

В работе над поэмой автор стремился оставаться как можно ближе к народным вариантам, послужившим для него материалом и источником вдохновения. Отвергая и принимая те или иные элементы и отдельные эпизоды, Туманян поэтическим чутьем, основываясь на глубоком знании множества вариантов, правильно определял основные линии эпоса и создавал свои картины, не противоречащие идейной и художественной правде народной поэзии.

В армянском героическом эпосе нашли отражение конкретные исторические события: порабощение Армении арабским халифом, ограбление и разорение страны, борьба народа против завоевателей, изгнание врага и восстановление независимости армянского государства. Упоминаемые в эпосе географические названия — реальны.

Не отрицая наличия исторических элементов в армянском эпосе, Туманян считал, что эпический образ Давида Сасунского не является воплощением какого-либо армянского средневекового князя-нахарара. «Ошибаются наши филологи, — писал Туманян, — когда хотят ключом армянской истории отомкнуть большой замок армянского эпоса или национальным светильником хотят осветить его темные уголки, предполагая, что это дворец того или иного армянского князя или царя.»

В «Давиде Сасунском» Туманян видел «собирательный образ армянского народа», запечатленный в национальном эпосе. Последний представлялся поэту, как огромный, освещаемый солнцем самобытный мир, где он искал выражение общенародных идеалов.

В устном повествовании о сасунских богатырях сын Давида Мгер

младший упорно борется со злом, чтобы восторжествовала, наконец, на земле справедливость. Но зло продолжает существовать. Не найдя другого выхода, не захотев больше видеть черные дела на земле, Мгер, похоронив свою подругу, удаляется от мира и скрывается в далекой пещере. Рассказывают, что, когда однажды раздвинулась скала Мгера, увидели люди:

Вошел пастух, глядит:
В пещере исполин сидит.
Спросил пастух:
«Когда отсюда выйдешь, Мгер?»
Ответил Мгер:
«Если встану, выйду на свет,—
Не удержит меня земля.
Пока этот мир полон зла.
Пока будет лжива земля,
На свете мне не жить.
Когда разрушится мир и воздвигнется вновь...
Тогда придет мой день.
Отсюда я выйду в тот день!»
Ушел пастух —
Вновь сдвинулись камни, друг в друга вросли!

(Пер. А. Кочетков)

В новой поэме, в основе которой лежит историческая тема, Туманян остался верен реалистическим принципам своего творческого метода. Он усилил жизненно правдивые элементы эпического памятника, внося в повествование отдельные штрихи, подробности и детали, придав ему в целом реалистическое звучание. Этому немало способствует и язык поэмы, показывающий, как автор широко пользовался сокровищницей живой народной речи.

В «Давиде Сасунском» Туманян, считаясь с эпическим характером сюжета, стремится к объективизации рассказа. Он последовательно излагает ход событий, не выражая ни свое восхищение, ни свое негодование. Тем не менее, присутствие автора — патриота, демократа и гуманиста — постоянно ощущается, что придает поэме особую теплоту и лиризм.

В понимании Туманяна «Давид Сасунский» не только включает в себе богатый опыт большого исторического пространства, но и воплощает в себе духовную силу, высокие человеческие идеалы, вековые думы и чаяния армянского народа. Однако поэт не увлекается заманчивой перспективой охвата эпического памятника в целом со всей многосложностью и многоплановостью его идейно-сюжетного развития. Он ограничился определенным тематическим кругом, выделив, со своей точки зрения, наиболее важное и существенное, характеризующее народный дух эпоса, его демократические элементы.

Работая над поэмой и добиваясь наибольшей силы выразительности, Туманян довел до минимума число действующих лиц: Мгер старший, подобный льву, он же сын Санасара и отец Давида; картиной его старческих лет и смерти начинается поэма Туманяна; Давид — образ народного героя, освободителя родины от ига завоевателей; Мсра-Мелик^[35] — враг Давида, грабитель и завоеватель земли Сасунской; Дзенев Ован — дядя Давида. Таковы главные действующие лица поэмы. Затем следуют эпизодические персонажи: старик-воин, Торос — дядя Давида, бедная старушка, мать и сестра Мсра-Мелика и, наконец, Бадин, Козбадин, Судин, Чархадин — сборщики дани Мсерского царя.

Центральное место в поэме Туманяна занял образ Давида. Он обладает не только невероятной физической силой, в нем не только воплощен символ могущества, твердости, непоколебимости и веры в правое дело народа; в его характере заложены высокие нравственные качества. Он простое и вместе с тем необыкновенное существо. В нем сочетаются элементы реального человеческого характера с чертами мифического героя. Биография его необыкновенна. В течение сорока лет правил страной Мгер старший, и за долгие годы его царствования даже птицы из чужой стороны не осмеливались перелетать через Сасунские горы. Гремела слава Мгера. Но вот он состарился и впал в уныние, потому что у него не было наследника, — кто же после его смерти будет защищать страну и народ от хищных соседей? Его страстное желание сбылось: у Мгера родился сын. Уже в мальчике в Давиде можно было узнать будущего богатыря:

Хоть мал был Давид, — силен до того,
Что всяк человек — комар для него.

(Пер. С. Шервинский)

Когда Давид был еще мальчиком, Мгер умер. Мсра-Мелик узнал, что нет больше в живых могучего Мгера и пошел войной на Сасун^[36]. Испуганный Дзенев Ован, дядя Давида, умолял Мсра-Мелика не разрушать страну. Тогда Мсра-Мелик потребовал, чтоб весь народ прошел под его мечом и дал клятву остаться под его властью. Все покорно последовали за Дзенев Ованом, и лишь один Давид, мальчик семи-восемью лет, отказался исполнить волю врага. Когда его захотели силой заставить пройти под мечом Мсра-Мелика, Давид:

... Людей разнес, раскидал всех врозь.
Мизинцем Давид коснулся кремня,—
Из кремня взвились вдруг искры огня!..
Не покорился он воле завоевателя.

Давид стоит на страже чести и благосостояния своего народа. Когда он узнал, что к дяде явились посланцы Мсра-Мелика: Бадин, Козбадин, Судии, Чархадин и требуют дань за семь лет, Давид поспешил туда, где трусливый дядя открыл отцовскую казну перед Козбадином.

Осерчал Давид, он мерку схватил,
Он меркою лоб Козбади разбил.
И стену пробил осколком Давид, —
И осколок тот доныне летит.

Мсра-Мелик тоже обладает фантастической физической силой. Палица его весит три тысячи лидров^[37]. От ее ударов колеблется весь земной шар. Какой необыкновенной силой обладал Мсра-Мелик показывает сцена, в которой арабы по требованию Давида начали будить великана, — он «привык семь дней без просыпу спать». Арабы

... Прут накалили на огне,
Царя по пяткам стали бить,
А царь лишь охает во сне:

«Ох! Невозможно час один
Забиться от проклятых блох!» —
Лишь глухо крякнул исполин.

Был царский безмятежен вздох.

Лемех достали от сохи,
Его калили на огне
И, раскаленным добела,
Царя хватили по спине.

«Ох! Не уснешь и час один
От трижды клятых комаров!» —
Вновь глухо крякнул исполин,
Зевнув опять, уснуть готов...

Но стоило ему увидеть перед собою Давида, как он быстро пришел в себя, вскочил и

... начал дуть изо всех сил,
Чтоб великана прочь умчать.

Глядит — тот с места ни ногой.
Он в страхе — подошла гроза! —
И взор свой, кровью налитой,
Вперил в давидовы глаза.

Как увидал, — так мощи в нем
На десять убыло волов.
Присел на ложе, — а потом
Поток полился льстивых слов...

В противоположность открытой благородной натуре народного героя — Мсра-Мелик тщеславен, коварен и лжив. Зная, что в честном единоборстве ему не победить Давида, он прибегает к хитрости, нести. Он заманивает сасунского богатыря в свой дом; войдя, Давид падает в глубокую яму. Враг могуч и коварен, но Давид сильнее. На его стороне вера и правда; молния-меч в его руках творит чудеса. В единоборстве с врагом Давид перенес страшные удары Мсра-Мелика, от силы и тяжести палицы которого «заколебался шар земной». Давид обладает благородством и великодушием. Он дважды пощадил Мсра-Мелика. Первый раз по просьбе

матери мсерского царя, второй раз — сестры. Третий удар он сохранил за собой. Чтобы спастись от удара сасунского храбреца, Мсра-Мелик

... вырыл яму...
Под земляной забрался кров,—
Забился он под сорок шкур,
Залег под сорок жерновов.

Но ничто не спасло Мсра-Мелика. Могучий удар меча-молнии Давида

Сквозь сорок буйволовых кож.
Сквозь сорок мельничных камней
Он пополам рассек царя
И вглубь прошел на семь локтей.

Не сразу Давид осознает свою богатырскую силу. Она как бы дремлет до той поры, когда наступает час расплаты с врагом, когда решается судьба родины. О своем могуществе Давид узнает от бедной одинокой старушки, открывшей тайны, тщательно скрываемые от Давида его трусливым дядей Дзенон Ованом. Она говорит герою об отцовском коне, о его доспехах, меча-молнии и ратном кресте. Не случайным является то обстоятельство, что глаза Давиду открывает бедная старушка. В тяжелый момент испытания для отчизны она выступает как представитель народной массы.

В «Давиде Сасунском» Туманян рассказал об одном из интереснейших периодов истории армянского народа, нашедшем своеобразное преломление и широкое обобщение в эпическом памятнике. Обращаясь к далекому прошлому, к событиям тысячелетней давности, автор поэмы, сохранив дух народного образца, насытил ее современной социальной проблематикой. Война всегда волновала Туманяна. В его ранней незавершенной поэме «Стенания» старик крестьянин в беседе с юным гостем делится своими мыслями:

Болтают у нас, будто три государства,—
Однако, не верится что-то мне,—
Решили, чтоб тот, кто войною ударит,
Престола лишился в своей стране.

Кто слышал, чтоб чудо случилось такое?
В природе ли царской, в природе ль князей,
Чтоб в страны чужие не шел он войною,
Не грабил бы земли, не резал людей?

(Пер Б. Серебряков)

В этих словах с позиции простого народа осуждаются грабительские войны, которые затевают цари и феодалы. Старику не верится, что они могут сговориться между собою. Он не верит в их «миролюбие».

Давид вышел из недр народа, который наделил его чертами, свойственными народным героям. Он — правдив, честен, благороден, великодушен. Он человек добродушный, наивный и простой. Как справедливо отмечает Мартуни «мужицкие свойства крепко сидят в нем, хотя он и «благородного» происхождения». Его «мужицкие свойства» сказались в глубоком сочувствии к простому народу, к трудовому крестьянству. Демократизм Давида с наибольшей яркостью проявился в описании эпизода кровавого боя, когда он напал на вражеское войско и стал беспощадно истреблять его. Тогда из среды вражеских солдат выступает вперед старик и обращается к Давиду со словами:

Чем провинился этот люд?
Его ты губишь — почему?
Они — все дети матерям,
Они — светильники в доме,
Иной — супругу бросил там,—
Вдаль тяжело глядеть ему,—
Иной — младенцев полон дом,
Двух стариков и всю семью,
А кто — с завешенным лицом
Жену недавнюю свою.

(Пер. С. Шервинский)

Старик говорил о том, что пришли они в Сасун не по своей доброй воле, они «бедные земледельцы и царь силой собрал и погнал» их на войну. «У нас нет вражды к тебе, — говорит старик-воин, — царь — твой враг,

хочешь воевать — вой с ним. Зачем избиваешь бедный народ своим мечом-молнией. И меч-молния богатыря повисает в воздухе», — писал Туманян, поясняя идею своей поэмы. — «Правду молвишь ты, старик, — отвечает Давид Сасунский, — и, оставив простой народ, он поворачивает своего коня, направляя его к царскому шатру.»

Бедная старушка, которая открыла глаза Давиду, рассказала ему об отцовском коне и доспехах, в поэме Туманяна не случайно осталась без имени, так же как не имеет имени старик-воин, который своей смелой правдивой речью останавливает кровопролитие.

Нужно полагать, что по идее Туманяна и бедная старушка и старик-воин представители народной массы. Они появляются в определенные решающие моменты и своими советами помогают Давиду понять, кто враг и против кого следует направить удар.

После победы над Мсра-Меликом Давид обращается к солдатам противника со следующими словами:

Жизнь ваша, пахари, темна!
Голодный, голый вы народ.
.....
Что взяли стрелы, взяли лук,
Пришли — в чужих полях засесть?
У нас ведь тоже дом и плуг,
И старики и дети есть.

Иль опостылел вам покой
И ваши сельские труды...

Основная тема поэмы — изгнание чужеземных завоевателей, борьба за свободу и независимость родины. Но у Туманяна нет духа национализма и идеи национальной исключительности. В солдатах противника он не видит врага. Виновники войны — это правящие верхи, цари, феодалы, жаждущие завоеваний и богатств ценою крови и страданий трудящегося люда. Туманян знал цену их миролюбивым речам. Он знал, что под многословными елейными речами и рассуждениями о человечности и всеобщем мире скрываются разбойничьи замыслы захватчика.

Военно-грузинская дорога. С фотогр. 1890-х г.

Туманян всем сердцем сочувствовал справедливой, освободительной войне народа, он воспевал героизм Давида, идущего в бой с врагами родины. Вместе с тем, Туманян с великим гневом говорил о несправедливой, захватнической войне, как о народном бедствии. Туманян выступал против поджигателей разбойничьих войн. Он утверждал, что подобные войны «...всегда устраивались со стороны правителей стран, правительственных кругов и руками правителей... И всегда это делалось против воли и желания простого народа, трудящегося человека».

После того как Давид одержал победу над Мсра-Меликом, он обращается к его солдатам потому, что не в них видит настоящего врага. Вот слова Давида:

Идите, люди, как пришли,
В свой Мсыр родимый сей же час.
Но, если из своей земли
Вы вновь подыметесь на нас,—

Лежи под жерновом Давид,
Будь он в глубокой яме скрыт —
Вас вновь меч-молния пронзит:
Давид Сасунский вас сразят.
Бог весть, при встрече боевой
Кто пораскается в тот час, —
Мы — в грозный вышедшие бой,
Иль вы — напавшие на нас!

Устами Давида говорит сам автор. Он не только призывал солдат Мсра-Мелика вернуться в свою страну, к мирному созидательному труду, но и предлагал твердо запомнить, что ожидает их, если они вновь поднимут свои мечи против свободной Армении. Слова Давида, обращенные к врагам родины, звучат грозным предостережением.

В конце XIX века в жизни Закавказья произошли большие перемены. После русско-турецкой войны в 80-х годах начала развиваться промышленность. Строится разветвленная сеть железных дорог. В 1883 году была построена линия Баку — Батум, в 1898 году — Тифлис — Александрополь, в 1901 году — Александрополь — Эривань.

Железные дороги способствовали проникновению капитализма в Закавказье. Начинается бурный рост промышленности, добычи и обработки нефти, угля, меди, марганца. Баку становится центром мирового значения. Строятся алавердские, кафанские рудники и медеплавильный завод в Армении. Растет марганцевая промышленность в Чиатурском районе Грузии, начинается добыча каменного угля в Тквибули. Особое значение приобретает Батум, где располагаются заводы по обработке и экспорту бакинской нефти.

Характеризуя процесс втягивания русским капитализмом Кавказа «в мировое товарное обращение», В. И. Ленин писал: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея...»^[38]

С развитием промышленности рос и рабочий класс Закавказья. Усилился процесс обнищания деревни и пролетаризации крестьянских масс. Росли крупные пролетарские центры: Баку, Батум, Тифлис. Богатели промышленники, а положение рабочего класса было крайне тяжелым: нищенская зарплата, длительный рабочий день, отсутствие трудового законодательства, произвол фабрикантов и заводчиков. Широко применялась эксплуатация женского и детского труда.

«Грузинский рабочий, — писал Ладо Кецховели^[49] в 1901 году в газете «Брдзола»^[50], — эксплуатируется вместе с русским и армянином, мучается, страдает, задыхается в царстве насилия со связанными руками, прикованный к бездушной машине, продукт которой целиком достается ее собственнику, а трудящемуся перепадает остатки, объедки со стола, позволяющие ему тянуть мученическую лямку. На одной стороне — трудящийся, на другой — собственник орудия производства; на одной

стороне — бедность, на другой — богатство и роскошь. Первый создает богатство, а сам изнывает в бедности; второй — даром, без затраты труда присваивает это богатство и развлекается пирами во дворцах».

В деревне царила нищета; на каждом шагу давали себя чувствовать пережитки феодально-крепостнических отношений. Лучшие земли были в руках помещиков. По данным 1886 года 72 процента земли принадлежало в Армении помещикам и лишь 28 процентов — крестьянам. Значительно ухудшали положение деревенской массы косвенные налоги на предметы первой необходимости: соль, керосин, спички. В закавказской деревне долго господствовали отсталые формы обработки земли и примитивные орудия труда. Крестьянская масса влачила полуголодное существование.

В конце 90-х годов после грозной волны стачечного движения, прокатившейся по всей Российской империи, начинается новое наступление реакции. По инициативе жестокого сатрапа царского правительства, наместника Кавказа князя Голицына, были закрыты армянские школы и конфискованы земли, принадлежавшие церковно-приходским школам. В 1900 году правительством была запрещена деятельность кавказского армянского издательского товарищества. Усилилось гонение на армянские журналы и газеты, свирепствовала цензура. Начались обыски, аресты и ссылки передовых деятелей армянской литературы. В числе «неблагонадежных» оказались писатели Агаян и Ширванзаде.

Реакционные мероприятия царских властей, гонения и репрессии способствовали развитию народного самосознания и росту революционного движения. Наступление правительства на жизненные интересы широких масс вызвало целую волну недовольства и протестов. Начались волнения.

В 1901 году, по инициативе товарища Сталина, в Тифлисе было организовано первое открытое политическое выступление закавказского пролетариата — первомайская демонстрация, которой предшествовала грандиозная стачка рабочих-железнодорожников.

С 1902 года в различных пунктах Армении, под руководством товарища Сталина, возникают социал-демократические группы, объединившиеся потом в «Союз армянских демократов», который в своем манифесте заявлял о полной солидарности с Российской социал-демократической рабочей партией и выражал готовность «бороться вместе с нею за интересы русского пролетариата вообще и армянского в частности».

Рабочий класс Армении накануне революции 1905 года составлял, по

сравнению с сельским населением, небольшой процент. Основная часть его была сконцентрирована в алавердских и кафанских медных рудниках. Однако нужно принять во внимание, что большое количество армянских рабочих было занято в главных промышленных центрах Закавказья: Баку, Тифлисе, Батуме. Первая забастовка в Армении была организована в 1903 году рабочими алавердских рудников.

Перед революционной бурей 1905 года усилилось в Армении и крестьянское движение. В 1902 году в селении Ахпат, где из десяти тысяч десятин земли девять с половиной принадлежало помещикам и кулакам, вспыхнуло восстание крестьян. Это послужило примером. Крестьянские волнения возникали по всей Армении.

В марте 1903 года в Тифлисе состоялся первый съезд кавказских социал-демократических организаций, по решению которого был создан Кавказский союз РСДРП.

В авангарде революционного движения на Кавказе становится в эти годы бакинский пролетариат. Во главе всей идейно-политической борьбы кавказских большевиков стоял товарищ Сталин, под руководством которого в декабре 1904 года была организована грандиозная стачка бакинских рабочих, предзнаменовавшая начало подъема революционного движения в Закавказье. Вскоре эта стачка охватила все южные области России.

В одной из прокламаций тифлисского комитета Кавказского союза РСДРП 1903 года говорилось: «Мы бьем тревогу! Борьба закипела повсюду за счастье, свободу и лучшую долю. Мы накануне великих событий. Россия всколыхнулась. Кавказ поднимается...»

Революционное движение все больше и больше охватывало и деревню. Ширились и росли крестьянские восстания.

Наиболее значительного размаха борьба достигла в Гурии.

Туманян внимательно следил за назревающими политическими событиями. В 1903 году тифлисская социал-демократическая организация готовилась к первомайской демонстрации. Для революционной листовки необходимо было перевести на армянский язык строки из оды Пушкина «Вольность»:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

По предложению Степана Шаумяна обратились к Туманяну, который охотно согласился, и листовка с переводом армянского поэта была распространена в день демонстрации в тысячах экземпляров.

В январе 1904 года началась русско-японская война, которая расшатала основы самодержавия и воочию показала всю несостоятельность и гнилость царского строя. В народных массах росла ненависть к самодержавию.

Под напором революции 1905 года царское правительство вынуждено было сделать ряд уступок. В числе этих уступок была и отмена распоряжения о закрытии армянских школ и культурно-просветительных обществ и учреждений.

В Армении, кроме РСДРП, существовали еще контрреволюционная буржуазно-националистическая партия «Дашнакцутюн»^[51] и группа армянских социал-демократов, которые называли себя «гнчакистами», по названию своего печатного органа «Гнчак» («Колокол»). Они вели раскольническую политику в революционном движении, требовали автономии Армении и представляли собой партию армянской буржуазии. Прикрываясь флагом борьбы за национальную независимость, дашнаки защищали интересы национальной буржуазии.

Туманян был врагом национализма. Он беспредельно любил свою родину и был пламенным ее певцом. Вековое стремление армянского народа к свободе, к мирному существованию, нашло яркое отражение в мировоззрении и в поэзии Туманяна. Патриотизм его очень близок к тому высокому гражданскому чувству, четкое определение которого дано В. Г. Белинским:

«В полной и здоровой натуре тяжело лежат на сердце судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознает свое кровное родство, свои кровные связи с отечеством... Любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому».

У Туманяна всегда «на сердце лежали судьбы родины», судьбы своего народа. Но вместе с тем он осуждал тех, которые «в пылу слепого национализма провозглашали свой народ божьим избранником и начинали бредить о славе и величии».

Мотивы дружбы народов встречаются уже в ранней поэзии Туманяна. В стихотворении «Примирение», в котором горы символизируют народы, Арарат обращается к Казбеку со словами:

«Мы старою славой с тобой близки
Друзья по страданиям мы, старина,
Хоть розно стояли мы, далеки,
Но буря над нами была одна.

.....

Дай руку, товарищ, жить вместе нам.
А ну, погляди-ка вокруг хоть раз.
Мы братья, ровесники по векам,
И пламя одно пожирает нас.

(Пер. В. Звягинцева)

В годы первой русской революции национальный вопрос на Кавказе принял особую остроту. Перепуганное царское правительство не останавливалось перед жесточайшими мерами для того, чтобы подавить революционные выступления рабочих и крестьян. Но вместе с тем оно прекрасно понимало, что одними репрессиями невозможно остановить растущую боевую активность масс. Тогда самодержавие решило при помощи провокаторов натравливать народы России друг на друга, чтобы расколоть силы революции.

Наместник Кавказа Воронцов-Дашков делал все для того, чтобы разжечь межнациональную борьбу. Царские сатрапы таким путем пытались упрочить пошатнувшиеся под мощным напором революционного движения основы самодержавия. Осуществляя свои планы, Воронцов-Дашков опирался на реакционно-националистические организации дашнаков, грузинских меньшевиков и азербайджанских мусаватистов^[52].

В Армении буржуазно-националистическая партия «Дашнакцутюн» стремилась отравить сознание масс ядом шовинизма, разжечь вражду между армянами и азербайджанцами. Дашнаки хотели подчинить своим интересам растущее национально-освободительное движение армянского народа. Агенты самодержавия поспешили воспользоваться услугами дашнаков.

«Мы знаем также о том, — говорил товарищ Молотов на приеме делегации Армянской ССР в Кремле, в декабре 1935 года, — что идею национального освобождения армянского народа пытались использовать в своих интересах армянские буржуазные националисты — дашнаки, сыгравшие, подобно русским меньшевикам и эсерам, а также меньшевикам и эсерам других национальностей, предательскую роль в отношении своего

народа. Но дашнаки этим и обрекли себя на позор и на гибель, разделив, как показал опыт пролетарской революции, судьбу всех и всяких агентов буржуазии, будь то буржуазии русской, армянской, грузинской, тюркской, украинской и любой другой. Туда им и дорога! Кому теперь не ясно, что тот, кто еще называет себя дашнаком, не может играть никакой другой роли, кроме роли врага Советской Армении, ставшей на путь славного национального возрождения! Кому теперь не ясно, что дашнак — жалкий агент выметенной вон из нашего дома белогвардейщины и вместе с тем агент иностранной буржуазии».^[39]

В исторические дни революции 1905–1907 гг. во Главе большевиков Закавказья стоял товарищ Сталин, который, в ответ на спровоцированные царским правительством межнациональные раздоры, призывал закавказских трудящихся примкнуть к революционным выступлениям рабочего класса России и объединенными силами поднять восстание против самодержавия. Товарищ Сталин, раскрывая сущность кавказских событий 1905 года, писал о том, как царское правительство «кровью и трупами граждан» старалось «укрепить свой презренный трон». «Да, граждане! — писал он. — Это они, агенты царского правительства, натравили несознательных из татар на мирных армян! Это они, лакеи царского правительства, раздали им оружие и патроны, одели в татарскую форму полицейских и казаков и пустили на армян!» Товарищ Сталин писал о том, как «жалкие рабы жалкого царя» старались поднять в Тифлисе «братоубийственную войну». В конце революционной прокламации он обращался к народам Кавказа с призывом: «Они требуют вашей крови, они хотят разделить вас и властвовать над вами! Но будьте бдительны! Вы, армяне, татары, грузины, русские! Протяните друг другу руки, смыкайтесь теснее и на попытки правительства разделить вас единодушно отвечайте: Долой царское правительство! Да здравствует братство народов!»^[40]

Товарищ Сталин отмечал единение трудящихся. На «фарисейскую политику царского правительства» трудящиеся Тифлиса ответили мощной демонстрацией единения сил. Товарищ Сталин писал о том, как «... многотысячная толпа из армян, грузин, татар и русских, как бы назло царскому правительству» «клянётся поддерживать друг друга «в борьбе с дьяволом, сеющим рознь между нами»».^[41]

Весть об армяно-тюркских столкновениях произвела тяжелое впечатление на Максима Горького. Ему было больно слышать о том, как мирные народы поддались провокации и подняли меч друг против друга. Он писал: «Бывая на Кавказе, я всюду видел, как дружно и мирно работали

рядом грузин с татаринком и армянином, как детски весело и просто они шутили, пели и смеялись, и как трудно было поверить, что эти простые славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекающей их злой и темной силе».^[42]

Не хотел поверить этому и Ованес Туманян. Он боролся с национальной враждой. Он с белым флагом объезжал азербайджанские и армянские деревни Борчалинского, Газахского и Лорийского уездов, убеждая крестьян не поддаваться провокации, сохранить добрососедские, мирные отношения между собою. И нужно сказать, что армянский поэт, пользовавшийся любовью не только армянского, но и азербайджанского населения, достиг многого. Благодаря его убежденному слову, горячей пропаганде эти районы были спасены от братоубийственной войны.

Туманян, правильно оценив сущность кавказских событий 1905 года, писал с горькой досадой: «Занятые этой низкой и постыдной войной, мы очутились в стороне от освободительного движения в России». Тем не менее, он имел полное основание гордиться тем, что сумел «убедить поднявшиеся друг против друга народы, вложить мечи в ножны», и тем спасти многие тысячи жизней.

После поражения революции 1905 года снова наступила полоса реакции. По приказу царя и его чиновников тысячи людей были брошены в тюрьмы. Малейшего подозрения было достаточно, чтобы оказаться за решеткой. Активная общественная деятельность Туманяна, в особенности его участие в событиях 1905–1907 гг., привлекала внимание жандармерии, и за ним был установлен тайный надзор. Жандармские шпики следили за каждым его шагом. 28 декабря 1908 года Туманян был в гостях, а когда пришел домой, в полночь у него на квартире был произведен обыск, его арестовали и посадили в Метехскую крепость. В соседней камере сидел А. Исаакян.

Дело было поручено черносотенным министром Щегловитовым следователю Лежину, который не спешил с окончанием и действовал со всей суровостью.

В это время, весной 1909 года, в Москве происходили торжества, посвященные 100-летию со дня рождения Гоголя. Ал. Цатурян в письме из Москвы высказал пожелание, чтобы и армянские писатели приняли участие во всероссийском гоголевском празднике, хотя бы поздравительной телеграммой. Агаян на предложение редактора журнала «Мурч» Арасханяна о посылке телеграммы с горечью сказал: «Где армянские писатели? где наша литература? Вон наш Ованес уже несколько месяцев сидит в тюрьме. Дети остались, кормить некому. Завтра должны броситься

в воду...»

Говорил он эти слова, и слезы светились в его добрых глазах. Он рассказывал, как на днях Лежин первый раз вызвал Туманяна на допрос, как об этом узнали его дети. Они, чтобы увидеть отца, караулили на углу улицы, по которой должна была вести его стража. Агаян, обращаясь к Арасханяну, сказал с грустью: «Да, правильно говоришь, надо что-то делать... Обязаны... смеяться сквозь слезы». Телеграмма была составлена и послана в Москву на имя юбилейного комитета.

Тем временем друзья усиленно хлопотали об освобождении поэта. Мария Марковна, которая пользовалась известным положением и благосклонностью со стороны высокопоставленных лиц, добилась приема у наместника. Она говорила о Туманяне, как о большом писателе. На ее доводы наместник отвечал: «Я охотно верю вам, что Туманян великий поэт, но это не мешает быть ему политически неблагонадежным человеком...» В июне 1909 года Туманян был освобожден из заключения, после того, как один из его ближайших друзей и покровителей Филиппос Вартазарян внес пять тысяч рублей в качестве залога. Туманяну было запрещено выезжать из Тифлиса.

В крепости Туманяном была написана сказка в стихах — «Капля меда», явившаяся злой сатирой на царей и правителей. Автор показывает, как из-за случайного ничтожного пустяка завязывается конфликт, который, все больше и больше разгораясь, приводит к невиданному кровопролитию. Начинается эта сказка так: лавочник взвешивает для пастуха из соседнего села мед, и случайно капля меда падает на пол. На мед садится муха. На муху налетает кот. На кота бросается собака пастуха и душит его. Озлобленный лавочник ударом молотка убивает собаку. Пастух, увидев гибель своего верного пса, убивает лавочника. Односельчане, узнав об убийстве лавочника, убивают пастуха. Крестьяне соседнего села, до которых доходит весть об убийстве своего односельчанина, вооружившись палками и вилами идут мстить за своего пастуха. Враждующие две деревни оказались пограничными; они платят дань разным царям, которые, пользуясь случаем, объявляют друг другу войну и начинается жестокая битва. В сказке «Капля меда» Туманян изобразил войну, как бессмысленное, страшное кровопролитие, как народное бедствие, приносящее много страданий и горя миллионам не повинных ни в чем людей:

В огне деревни, города,
Повсюду стоны, кровь, нужда,

Везде следы кровавых дел
смерд непогребенных тел.
Идут года,
В зной, холода
Работы нет. В крови земля,
И не засеяны поля.
Убила мирный труд война.
Объята голодом страна.
За голодом приходит мор,
И смерть повсюду...

(Пер. Н. Панов)

Сказка Туманяна написана в годы реакции, в тюрьме, что заставило его высказать свои мысли в завуалированной форме. Тем не менее ее основная идея ясна. Она заключается в желании автора доказать, что войны можно было бы избежать, если бы не цари и правители, которые по сути дела и являются виновниками кровавых событий. Туманян издевается над царями, произносящими высокопарные лицемерные и фальшивые речи о причинах, заставивших их взяться за оружие. Не менее ярко в сказке Туманяна выражена мысль о том, что простому народу война вовсе не нужна. Смелое, сатирическое слово поэта направлено против разбойничьих войн, когда во имя новых завоеваний чужих земель стоящая у власти кучка грабителей ввергает в пучину страшных страданий миллионы людей.

Туманян прекрасно понимал величие освободительной войны и воспел образ народного героя Давида Сасунского, идущего на бой с врагами отчизны. Вместе с тем, он клеймил позором империалистических захватчиков, поднимающих меч против созидательного труда и мирной жизни народов.

Не менее характерным является его стихотворение «Перевал», которое было написано Туманяном в крепости, в день своего рождения, когда поэту исполнилось сорок лет. В этом стихотворении автор как бы подводил некоторые итоги пройденного им жизненного пути:

.....
С младенчества обрывистой тропой
По круче горной
Иду, упорный, —

И вот, нашел на высотах покой.

Покинул я внизу, в глубокой мгле,
Почет, богатство,
Зависть, злорадство —
Все, что гнетет свободный дух к земле.

И вижу я (прозрачна даль в горах)
С моей вершины, —
На дне долины
Как просто все и пусто! Душный прах!

Легка сума: в пути я не устал.
Песней и смехом
Играю с эхом —
И весело схожу за перевал.

(Пер. Вяч. Иванов)

Сцена из оперы «Алмаст» (Ереванский Гос. театр оперы и балета им. А. А. Спендиарова).

Тифлис. С фотогр. 1890-х г.

Шестимесячное пребывание в тюрьме не сломило волю Туманяна. Более того, он теперь ощущает в себе прилив новой силы, творческой энергии. В стихотворении «Перевал» встает во весь рост образ поэта. Он спокойно и уверенно смотрит вперед, в будущее.

XI

Двери дома Туманяна были широко открыты перед гостями. Хозяин принимал их приветливо, с радушием. Современники, рисуя внешний облик поэта, вспоминают его ясный светлый взор, его добрую улыбку. «Вспоминая Туманяна, — пишет Степан Зорьян^{53}, — прежде всего представляешь его лучистую улыбку, постоянно освещающую глубоко-одухотворенное лицо поэта». Об этой мягкой, чарующей улыбке говорит в своих воспоминаниях о Туманяне грузинский поэт Иосиф Гришашвили^{54}. «Нельзя было сказать, — вспоминает художник Егише Тадевосян^{55}, — что лицо Туманяна было красивым или особенно оригинальным. Нисколько. Лицо его было обыкновенным. Но широкий лоб, глубина задумчивых глаз и своды черных бровей составляли гармоническое целое».

Туманян, по натуре своей общительный и жизнерадостный, любил душевную беседу, за которую, как говорит Аветик Исаакян, «он был готов душу отдать». И когда бы к нему ни заходили, как бы он ни был занят, ради беседы оставлял все свои дела.

Бывало соберутся друзья, и Туманян, сверкнув улыбающимися глазами, со свойственным ему мягким юмором расскажет какую-нибудь занимательную историю.

Часто доставалось известному романисту Прошяну, который славился своими странностями.

Ширванзаде в автобиографических записках приводит эпизод, послуживший для Туманяна темой маленького забавного рассказа о Прошяне.

Однажды, в дни русско-японской войны, Агаян, Ширванзаде, Туманян и другие стояли на Эриванской площади Тифлиса у здания городской думы. Один из них читал последние телеграммы, другие слушали. Вдруг со стороны гостиною двора показался Прошян. Он шел не торопясь, с палкой через плечо, на конце которой висел цветастый узел. По мере того как Прошян приближался становилось ясным, что он шел с базара. Из плохо завязанного узла выглядывал хлеб, торчали будто проросшие пучки зеленого лука. Заметив знакомых, Прошян подошел и молча стал слушать известия. Ширванзаде покосился на его оттопыренные карманы, которые явственно шевелились. Он глазами обратил внимание Туманяна на это странное явление, и тот, с трудом сдерживая смех, вытащил из кармана Прошяна бумажный мешочек, в котором было что-то живое.

Оказалось, что Прошян только что купил живой рыбы «цоцхали» и, вероятно, боясь, что она выпрыгнет из узла, положил в карманы.

Туманян, впоследствии изображая эту сцену, красочно, с тонким юмором и наблюдательностью передавал черты своеобразной натуры Прошяна, и перед слушателями будто воочию возникала его колоритная фигура.

В доме Туманяна нельзя было скучать.

В своих воспоминаниях литератор и искусствовед Гарегин Левонян^[56] пишет: «Вы видели когда-нибудь Туманяна в роли тамады, распорядителя за пиршественным столом? Весьма трудная роль: нужно быть веселым, сделать так, чтобы и другим было весело, острить и обрисовать каждого участника в комических тонах, пить и угощать других, но не пьянеть и не стать излишне болтливым...» Туманян пользовался славой чуть ли не лучшего тамады во всем Тифлисе.

Много способствовал популярности Туманяна его открытый благородный характер. Он всегда и всюду держался просто и непринужденно и был доступен для всех. Каждый мог подойти к нему, познакомиться, побеседовать с ним. «Он был в жизни великим психологом, — говорит о Туманяне С. Зорьян, — и знал когда, с кем и о чем нужно говорить. Особенно хорошо он умел успокаивать людей». И как поэт и как человек большой и отзывчивой души Туманян был окружен уважением и любовью широких масс. «Популярность Туманяна, как поэта, огромная, — писал в 1916 году В. Я. Брюсов, — и, кажется, нет во всем Тифлисе человека, кто не знал бы характерной седой головы поэта и не любил бы его как благородного и прекрасного писателя».

В начале 1897 года Туманян пригласил к себе группу писателей с целью создать литературное содружество армянских беллетристов; он пытался тогда организовать такое объединение, которое было бы в состоянии в необходимых случаях защищать права деятелей литературы. В числе приглашенных находились, кроме самого инициатора, Агаян, Прошян, Ширванзаде, Мурацан и другие, всего 12 человек. Прошло немного более года, как это содружество армянских писателей окончательно оформилось. На первых же собраниях, как об этом рассказывает Исаакян, возникла мысль дать название литературному объединению. Туманян напомнил при этом, что братья Гонкуры имели свой литературный кружок, собрания которого происходили на верхнем этаже дома Гонкуров, и по этой причине они называли свой кружок «амбаром» или «чердаком». Кто-то из присутствующих, в этой связи, предложил назвать творческое объединение армянских писателей «Вернатуном» («Горницей»),

с чем все единодушно согласились. Название соответствовало и тому месту в квартире Туманяна, где обычно происходили литературные собеседования. Поэт занимал четвертый этаж высокого здания на Бебутовской улице (ныне ул. Энгельса) в Тбилиси. Чтобы добраться до «Вернатуна», нужно было подняться по длинной лестнице, насчитывающей более ста ступеней.

Литературные собрания происходили в просторном зале, рядом с кабинетом Туманяна, где помещалась его библиотека. К залу примыкал балкон, откуда открывался вид на склон горы ботанического сада. Внизу был небольшой тенистый сквер, украшенный кипарисами и водопадом. «Уголок этот был очень поэтичным, — пишет в своих воспоминаниях Акоп Акопян, — в особенности в лунные ночи». Почти круглый год спал Туманян на балконе, под брезентовым навесом.

В первый период на литературных занятиях в «Вернатуне» бывали немногие. Агаян, Демирчян, Исаакян и некоторые другие из друзей Туманяна систематически собирались, чтобы поделиться мыслями и впечатлениями. «Его дом был нашим местом сбора, — говорит Исаакян в своих воспоминаниях о Туманяне. — Пили чай, ужинали, говорили. Зимой, сидя у пламенеющего очага, вели беседу, шутили, спорили». «Вернатун» не имел специальной программы. Темы разговоров были самые различные: текущие события литературной и общественной жизни, история народов, вопросы искусства, философии, но более всего говорили о литературе.

Душою «Вернатуна» был гостеприимный хозяин дома. Широкая и открытая поэтическая натура Туманяна вносила в литературные беседы теплоту и задушевность. Горячие споры и собеседования происходили в дружеской среде, где не было места ни зависти, ни лести и лицемерию. Обсуждались новые рукописи участников «Вернатуна», произведения других армянских писателей, произведения русских и западноевропейских классиков, а также античных авторов. Знакомились с памятниками устного народного творчества, восхищались русскими былинами, сербским эпосом, «Давидом Сасунским».

На литературных собеседованиях первое слово обычно принадлежало Агаяну. В «Вернатуне» его называли «патриархом». Он радовался успехам своих товарищей и «воодушевлялся ими, как юноша». К молодым авторам он проявлял чуткость и отеческую заботу: покровительствовал и поощрял их. По настойчивым просьбам друзей иногда он пел песни своего любимого народного героя Кёр-оглы.

Со временем «Вернатун» вырос. Литературные собрания теперь стали посещать не только писатели, но и художники, музыканты, филологи. Здесь

бывали известный историк Акоп Манандян^{[157](#)}, композитор Комитас, армянские художники: Георг Башинджагян^{[158](#)}, Фанос Терлемезян^{[159](#)}, Егише Тадевосян. Последний в своих записях вспоминает, как однажды, когда он сидел с Туманяном у камина, поэт сказал: «Огонь — это зимний цветок». Сравнение пламени с цветком очень понравилось художнику.

Вскоре «Вернатун» завоевал широкую известность среди интеллигенции города.

Подобные очаги армянской литературы существовали и в других городах Закавказья. В конце 90-х годов нечто похожее на «Вернатун» возникло в Баку. Группа армянских интеллигентов, преимущественно учителей, создала свое общежитие, под названием «Очаг», которое выполняло роль литературного клуба. Когда Туманяну или Агаяну приходилось бывать в Баку, то они останавливались в «Очаге».

В 1908 году Туманян из своей старой квартиры переехал на Вознесенскую улицу (ныне Давиташвили) в дом 18, где и жил постоянно, почти до конца своей жизни. Традиции «Вернатуна» были сохранены на новой квартире поэта.

Старое помещение «Вернатуна», где в 1910 году обосновался на жительство Акоп Акопян, стало теперь конспиративной квартирой. «Не менее важную роль сыграл «Вернатун», — говорит Акопян в своих воспоминаниях, — и для большевистской партии», там происходили встречи революционеров и тайные собрания.

Не раз темой обсуждений и споров в «Вернатуне» становились вопросы развития детской литературы.

Агаян и Туманян и в своей творческой практике уделяли большое внимание делу воспитания юношества.

Редко кто из армянских писателей, начиная с Хачатура Абовяна, не занимался педагогической деятельностью. Абовян писал о народной жизни и для народа. Но ему трудно было довести свое пламенное слово до широких масс в силу царившей в Армении неграмотности. И, продолжая свои литературные занятия, Абовян со страстным рвением отдался делу народного образования. Распространение грамотности, просвещения, создание народных школ, — стали для Абовяна животрепещущими, неотложными задачами.

Учитель и друг Туманяна Газарос Агаян также вошел в историю армянской педагогической мысли как один из передовых деятелей народного просвещения. Его произведения пользуются широкой популярностью в армянской школе и любовью детского читателя.

После Агаяна Армения лучшими произведениями для детского чтения обязана Туманяну. Он отдал много сил и энергии делу развития детской литературы.

С осени 1905 года в Тифлисе начал выходить журнал для юношества «Аскер» («Колосья»), где были напечатаны многие сказки, легенды и стихотворения Туманяна. В 1907 году, совместно с литератором и этнографом Степаном Лисицяном^[60], он начал издавать учебник «Лусабер» («Светоч»), в котором, наряду с оригинальными произведениями, были помещены переводы из Пушкина, Крылова,

Кольцова, Тургенева, Достоевского, Чехова и других русских писателей. «Лусабер» получил всеобщее признание и в течение многих лет служил учебником родной речи в начальной школе. В 1909 году три армянских писателя — Агаян, Туманян и Папазян^[61] — предприняли издание в двух томах хрестоматии «Армянские писатели», ставшей любимой книгой юношества.

В 1904 году студент Петербургской Академии Художеств Г. Ерицян иллюстрировал легенду Туманяна «Ахтамар» и издал ее с параллельным армянским и русским текстом в переводе К. Д. Бальмонта. Эта небольшая книжка достойна внимания еще и потому, что она явилась первым иллюстрированным изданием произведений Туманяна. Через четыре года тот же Г. Ерицян издал с красочными рисунками детскую сказку в стихах «Пес и Кот» тиражом в 5 000 экземпляров. Не прошло несколько месяцев, как сказка Туманяна вышла вторым изданием в таком же количестве экземпляров. Для армянского печатного слова того времени такой тираж был необычайным. Успех сказки Туманяна объясняется и ее художественными достоинствами и одновременно огромной потребностью в книжках для детского чтения.

Вслед за сказкой «Пес и Кот», при материальной поддержке М. М. Туманян, была издана «Детская библиотечка Ов. Туманяна» в пятнадцати выпусках с цветными иллюстрациями Ерицяна и Роттера. «Детская библиотечка» сразу же завоевала любовь юных читателей.

Туманян придавал большое значение художественному слову, видел его огромную нравственно-воспитательную силу в формировании личности, в пробуждении и развитии высоких гражданских чувств. Естественно поэтому, что в произведениях армянского писателя для детей значительное место занимает нравственно-воспитательный элемент. При этом Туманян глубоко сознавал справедливость положения Белинского о том, что «нравоучений и резонерства не любят взрослые, а дети просто

ненавидят», и в своих произведениях оставался верен жизненной правде. Он знал, что дети особенно чувствительны к надуманности и фальши. Близким и понятным был для него детский мир. Обращаясь к своим юным друзьям, в 1915 году Туманян говорил:

«Я такой же как и вы: близки и родны мне дети, близок мне ваш мир, который также и мой мир. Самые лучшие, самые светлые минуты вы дали мне, дорогие дети; с вами я был, вами я жил...»

Стихотворения для детей — один из самых трудных видов поэзии. От писателя требуется особое умение беседовать с детьми о близких и любимых ими предметах на понятном и ясном для них языке. Нужно чуткое понимание детского мира, особенностей психологии ребенка. Туманян любил писать для маленьких. Его произведения для детей отличаются простотой и ясностью темы, естественностью речи.

Стихотворения Туманяна, написанные для маленьких читателей, условно можно разделить на две группы — пейзажные и жанровые, бытовые.

«Осень» — лучший образец пейзажного цикла Туманяна. В нем весьма просто и доступно рассказано об охватившем поэта грустном чувстве, когда он увидел перед собою в холодном тумане обнаженные поля и услышал свист осеннего ветра, который «гонит и уносит желтые листья».

Другое из пейзажных стихотворений Туманяна «Речка» проникнуто радостным чувством. Источник этой светлой радости — природа. Она передана поэтом просто и естественно, с сохранением особенностей детского восприятия. Мальчик, играя на зеленом берегу, обращается к речке:

Куда бежишь
Так быстро,
Эй ты, резвая,
Красивая речка?
Остановись, поиграем
Под этой ивой...
«Нет, мой маленький,
Я должна спешить.
Видишь мельницу
Около села:
Я должна дать силу,
Чтоб вертелась она...

А внизу, на лугу,
Ожидают меня
Благоухающие
Цветы и травы;
Усталые, жаждущие
Стада...
Вот видишь, дорогой,
Путь мой усеян
Тысячами дел.
Ну, прощай,
Нет для меня покоя
До моря».

(Подстрочный перевод)

Создавая цикл стихотворений для детей, Туманян часто обращался к переводам. Но в этих случаях он настолько самостоятельно разрабатывал общеизвестные темы, что несправедливо было бы назвать его стихи просто переводами или подражаниями. Они органически входят в общий поток его оригинальных произведений. К числу их относится стихотворение «Жалобы котенка»:

Сидит котенок
В темном углу,
Нахмурился, бедный.
Слезы горько льет.
Подходит к нему
Другой котенок:
— О чем ты плачешь,
Мой милый дружок?
— А что же мне делать,
Коли не плакать.
Амо^[43] тайком
Сметанку^[44] поел.
Пошел к бабушке,
Сказал, что это я.
Теперь все они:
Медвежонок Сурен,

Ано и Мосо
Схватили по палочке,
Ищут меня: —
Где? — говорят они,—
Где вор котенок?
Ах, если мы найдем,
Покажем сметанку.
Вот что подстроил
Этот злой Амо...
И что же мне делать,
Коли не плакать?
И сидит котенок
В темном углу,
Нахмурился, бедный,
Слезы горько льет...

(Подстрочный перевод)

Такие стихи, как «Жалобы котенка», предназначены для самых маленьких и пользуются у них огромным успехом. И тема, и форма изложения, достоинства которой трудно передать в дословном переводе, близки и понятны ребенку.

Для детей старшего возраста Туманян писал прозу. Прежде всего это его сказки, а затем и рассказы. Среди последних особое место занимают рассказы о животных.

Охота у лорийцев пользовалась особым почетом. Еще мальчиком маленький Ованес был свидетелем многих волнующих его картин, связанных с охотой. В зрелые годы он возвращается к воспоминаниям детских лет и пишет свой замечательный цикл рассказов о животных. Они представляют интерес и для понимания некоторых особенностей мировоззрения автора. Доброта, мягкость и сердечность были не только чертами широкой любвеобильной натуры Туманяна, но и составляли некоторую особенность его гуманистического мировоззрения. В рассказах о животных (как и в сказках, во многом близких им по своей идейной основе) Туманян стремился развить в юных сердцах любовь к животным. В его сказках и рассказах животные часто выступают в роли не только действующих лиц, но и чувствующих существ, которым, подобно человеку, свойственны страдания.

Особенно характерен в этом отношении рассказ «Олень». В нем описывается агония смертельно раненного животного.

«Под вечер, — рассказывает Туманян, — мы нашли оленя в лесной чаще. Он лежал и при виде нас протянул к нам свою гибкую шею. Я заметил, что он с трудом держит голову и смотрит на нас мутным, беспокойным и неясным взглядом. Вдруг, как бы сообразив, он сделал усилие встать, но, чуть поднявшись, снова упал с бессильным тяжелым вздохом в лужу собственной крови.

Охотник кинулся к нему... Я хотел что-то сказать, но постыдился... Он схватил голову оленя и оттянул его прелестную шею... Я снова хотел вмешаться... но опять не решился. И вот блеснул кинжал.

Я отвернулся, делая вид, что гляжу на горы. Сзади послышался глухой стон... и, не знаю почему, стал я думать о жизни и смерти...»

Красной нитью проходит через многие произведения Туманяна чувство безграничной любви к природе. В его мировосприятии люди, животные, цветы и травы — неотделимые частицы величественной природы, где поэт искал гармонию и красоту. Вот вольный, гордый олень, который несколько минут тому назад величаво и счастливо шагал по зеленой чаще, теперь лежит «в луже собственной крови, с мутным, безжизненным, равнодушным взглядом».

Произведения Туманяна для детей, в частности его стихотворения, привлекли внимание украинского поэта П. Г. Тычины, который перевел некоторые из них на украинский язык.

Из разнообразного богатого наследия Туманяна украинский поэт не случайно выбрал детские стихотворения. Павло Тычина отметил особое умение армянского поэта говорить с детьми простым и ясным языком. «А как он умел беседовать с детьми! — пишет Тычина. — Его стихи для детей, его сказки, рассказы — это настоящие жемчужины мировой поэзии»^[62].

Наряду с рассказами и стихотворениями для детей, перу Туманяна принадлежит более пятидесяти сказок. Лучшие из них созданы в период 1905–1909 гг.

Темы своих сказок Туманян черпал из самых разнообразных источников, в большинстве случаев из сохранившихся в народной памяти устных рассказов. Порою он отправлялся и от печатного варианта народной сказки. Бывали случаи, когда невежественные критики, обнаружив в сказках армянского писателя родственные с печатными источниками мотивы, обвиняли его в плагиате. Тогда Туманян вынужден был терпеливо разъяснять, что «сказки не люди литературы сочиняют, а их заимствуют у

народа и рассказывают... Вся мудрость заключается в том, чтобы знать, что изменить, что выбросить, что сохранить, каким языком и стилем рассказать, чтобы получилось и красиво, и в то же время не потерялось непосредственное обаяние и благоухание народного образца». В этих немногих словах ясно выражено принципиальное отношение Туманяна к сказке, как жанру литературы.

В статье «Литературные ничтожества в роли критиков» Туманян защищал право писателя обращаться к богатой сокровищнице народного творчества, но вместе с тем он осуждал легкомысленно-поверхностное отношение к сказке и считал ее одним из самых трудных литературных жанров.

Туманян долго и кропотливо работал над сказкой, собирал устные образцы интересующего его сюжета, знакомился с печатными вариантами. Его не смущало существование нескольких печатных вариантов сказки, он всегда радовался, когда находил новые элементы, обогащающие содержание.

Варианты сказок вместе с известными поэту устными образцами помогали более глубокому осмыслению сюжета, сложному творческому процессу его очищения и кристаллизации; они помогали писателю найти наиболее совершенную художественную форму, полностью отвечавшую духу народного образца.

Оптимизм, которым проникнуты сказки Туманяна, сближает его с Агаяном. И Агаян, и Туманян своей светлой верой в победу доброго начала над злым были обязаны, прежде всего, фольклорным традициям, о которых Горький говорил: «Не взирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно — рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами». В гнетущей обстановке тяжелой безрадостной жизни народ видел в сказке, по выражению Горького, «просвет в другую жизнь». Народ вкладывал в сказки свои мечты о лучшем, справедливом мире, чем и объясняется оптимистический характер сказок, в которых добро в конце концов одерживает победу над злом.

Туманян бичевал алчность и жестокость угнетателей народа.

В сказочной поэме «Конец зла» Туманян рассказывает, как хитрая и жадная лиса, пользуясь простодушием и беззащитностью бедной кукушки, одного за другим пожирает ее птенцов. Каждый раз, являясь к кукушке, лиса заявляет, что и гора, и дерево принадлежат ей и, угрожая топором, заставляет исполнять свои жестокие требования. Но вот появляется ворона,

которая открывает глаза кукушке, разъясняя, что «гора в равной мере принадлежит всем». Сказка кончается знаменательными строками о том, что зло рано или поздно будет наказано, и что справедливость восторжествует. Жадная лиса была растерзана собакой крестьянина.

Туманян верен духу народной сказки. Какой бы силой ни обладали дэвы, колдуны, злые люди и как бы они ни были коварны, не взирая на все их козни и ухищрения, побеждает доброе начало и торжествует справедливость.

Завистливая злая старуха и ее дочь в сказке «Братец-барашек» получают заслуженную кару, а добрая сирота, красавица Мануш избавляется от напастей. И когда старуха и ее уродливая дочь, олицетворявшие в сказке зло, были похоронены на дне морском, на земле снова наступил мир и пришло счастье для всех.

Но зло не сразу удастся разоблачить и победить. Оно совершает свои страшные дела, прибегая к хитрости и коварству. Так, в сказке «Безрукая девушка» завистливая, злая невестка не останавливается ни перед чем, лишь бы погубить свою золовку. Чего она только не придумывала лишь бы поссорить брата с сестрою. Увидев, что муж на все ее выходки реагирует спокойно, она решилась на страшный поступок. «Однажды ночью она зарезала в колыбели своего ребенка и окровавленный нож тайком спрятала в карман спавшей золовки». Ценою преступления она наконец добилась своего. Возмущенный народ потребовал наказания и прекрасную, неповинную ни в чем Лусик повели на суд. Над нею учинили жестокую расправу: отрубили руки, затем отвезли далеко-далеко и бросили в глухом лесу. Царевич, охотившийся в лесу, встретил девушку невиданной красоты, но безрукую. Она рассказала печальную повесть своей жизни, царевич полюбил ее и женился на ней. Сказка кончается разоблачением злодейки, которую «привязали к конскому хвосту и пустили по широкому полю».

В сказках Туманяна дэвы и всякие иные чудовища, злые старухи и колдуньи вызывают гнев и презрение окружающих. Другое дело — положительные герои, большею частью — добрые люди из народа; они не обладают ни богатством, ни властью, но наделены и внешней и душевной красотой. Они страдают в мире несправедливости и зла, но им сочувствуют и помогают такие же, как и они, простые люди, добрые духи.

Бедную безрукую девушку Лусик выгнали из дому, привязав к ее груди младенца. «И побрела Лусик с ребенком на груди, обливаясь слезами, по глубоким ущельям, по темным лесам, по безлюдным лугам и попала, наконец, в голую, безводную пустыню. Идет она, идет по этой голой, безводной пустыне, — долго ли, коротко ли — одному богу ведомо, — и

добирается до колодца. Смотрит она в колодец, ей кажется, что вода близко. Наклоняется напиться, и ребенок падает в колодец. Кричит и мечется несчастная над колодцем.

Вдруг голос позади:

— Не бойся, дочка, не бойся, доставай...

Обернулась Лусик — перед нею старец с белой по пояс бородой.

— Как же я достану, дедушка, если нет у меня рук?

— Достань, достань, дочка, есть у тебя руки, протяни.

Лусик нагнулась — у нее сразу выросли руки, и она спасла ребенка. Обернулась она поблагодарить старика, а его уж нет...

Таким образом магической силой обладают не только злые, но и добрые духи, которые в решающую минуту спешат на помощь, выручают из беды.

Животные также принимают деятельное участие в людских делах. В сказке «Царь Чахчах» бедный мельник достигает счастья при помощи лисицы, которую он пожалел и отпустил из капкана.

В основу сказки «Говорящая рыбка» легла народная поговорка: «Сотворив добро, хоть в воду его кинь — оно не пропадет». Бедняк нанялся к рыбаку в работники. Однажды поймал он красивую рыбку. Сидит работник на берегу, смотрит на рыбку и думает: «Ведь рыба тоже тварь, есть же у нее, как и у нас, родители, друзья, смекает же она что-нибудь, чувствует и радость и горе...»

Вдруг рыбка заговорила человеческим голосом:

— Послушай, братец-человек! Играла я с сестрицами в струях реки. От радости забылась и нечаянно попала в рыбачьи сети. Теперь, наверное, родители ищут меня, плачут, а сестрицы опечалились. И сама я мучаюсь, задыхаюсь без воды. Хочется мне опять в реку, жить и резвиться в холодных прозрачных струях. Уж так я хочу, так хочу!.. Сжался надо мной и кинь меня в воду...

Тихо, еле слышно говорила рыбка, с трудом раскрывая пересохший рот. Работнику стало ее жаль, взял он, да и закинул рыбку в реку:

— Ступай, красавица, пускай не плачут твои родители. Пускай не печалятся твои сестрицы. Ступай, живи и радуйся с ними. — Рыбак, узнав о случившемся, прогнал работника. Но рыбка не осталась в долгу. Она появилась в ту минуту, когда бедняк оказался во власти чудовища, и спасла жизнь своего благодетеля.

Герои сказок Туманяна действуют из благородных побуждений. Постоянное стремление трудовых масс к справедливости и всеобщему счастью — вот что составляет идейную основу народных сказок Туманяна.

Армянский поэт часто обращался к фольклорным источникам других народов. В основу его сказок легли не только армянские, но и русские («Василиса Прекрасная», «Аленький цветочек»), итальянские, немецкие, французские, ирландские сказочные мотивы. Туманян не мог быть равнодушным и к восточной сказке с ее красочным миром народной фантастики. Им были широко использованы арабские, индийские, японские сказочные сюжеты. Армянский поэт не замыкался рамками национальной сказки: он умел всюду найти жемчужины творческого гения народа. Ему были важны добытые вековым опытом народная мудрость, жизненность идеи, выраженные в такой простой, общедоступной форме.

Туманян мечтал создать восточную сказку в стихах «Тысячеголосый соловей», к которой он неоднократно возвращался и которую все же ему не удалось закончить. В 1895 году в деревне Вардаблур Туманян впервые услышал сказку «Азаран блбул» — «Тысячеголосый соловей». Тема настолько взволновала его, что он тогда же задумал, опираясь на мотивы народной сказки, написать восточную поэму. В течение многих лет Туманян собирал материалы. Достаточно сказать, что им было записано более шестидесяти вариантов сказки. В 1899 году он писал своему другу: «Я хочу в качестве материала взять две сказки: «Тысячеголосый соловей» и «Тайна царя Синам» и сочинить восточную поэму. Интересуясь этим, нашел, что сюжет неоднократно печатался, все народы его имеют, он рассказан в тысячах форм, даже ученые объяснили, что тема сказки — приход весны, но после всего этого я не только не оставил свою сказку, а еще больше уцепился за нее, еще более воодушевился этой темой. Кто как бы ни писал, я тоже по-своему скажу, и даже имел смелость, в противовес утверждениям ученых, выдвинуть свое толкование, заметить в сказке другую мысль, развить ее и воспеть. Как известно тебе, по-моему, тема сказки — рождение поэзии и музыки».

По первоначальному замыслу, как это можно заключить из письма, события в поэме должны были развиваться на широком сказочном фоне, с использованием собранного автором богатейшего материала. Легко представить себе, каким монументальным памятником сказочной литературы могла быть «восточная поэма» Туманяна. Но он не успел осуществить свой замысел. Остались лишь два незавершенных отрывка: «Скорбь певца» и «Арэг в темном царстве». В первом изображен навсегда потерянный певцом светлый мир мечты, во втором описан подвиг героя Арэга, который попадает в «темное царство» и убивает семиглавого дэва. Дэв — символ черных сил, воплощение зла. Арэг^[45] — доброе начало. Его образ тесно связан с традициями армянской народной сказки. Арэг

приносит с собою животворящие лучи солнца, и, когда он убивает семиглавого дэва, темное царство озаряется светом. У мифологического образа сына солнца кудри должны быть светлыми, огненными. В сохранившихся образцах древнейших армянских эпических песен рождение героя Ваагна^[46] изображается в виде восхода солнца.

Небеса и земля были в муках родин,
Морей багрянец был в страданье родин,
Из воды возник алый тростник,
Из горла его дым возник,
Из горла его пламень возник,
Из того огня младенец возник,
И были его власы из огня,
Была у него брада из огня,
И как солнце был прекрасен лик.

(Пер. В. Брюсов)

Ваагн — герой армянского мифа, в сущности прототип Арэга в сказке Туманяна. Он так же, как и Арэг, «поглотитель вишапов», то есть дэвов, драконов, которые выступают и в мифах и в народных сказках как символ темных сил, как символ зла.

Особый цикл составляют сказки Туманяна, в которых преобладают реалистические зарисовки и нет ничего фантастического или сверхъестественного. Они с большой глубиной отражают типические явления жизни. В них много точных и метких характеристик, живых и верных картин. В этих сказках все правдоподобно, иногда даже обыденно и прозаично, но для большей убедительности автор пользуется весьма характерной для народных бытовых сказок чертой — методом преувеличения, гиперболизации. К такому типу относится сказка «Храбрый Назар»; ее Туманян считал лучшей из всего, написанного им в этом жанре.

В основу «Храброго Назара» легли около двадцати вариантов одной и той же сказки. Подавляющее большинство их кавказские: армянские, азербайджанские, грузинские, чеченские, талышские и другие. Тема русской сказки — о «счастье по случаю» — также послужила источником для «Храброго Назара». Однако во всех и русских и кавказских вариантах решающую роль играет не столько счастливый случай, сколько сметливость, сообразительность и хитрость героя. В русских вариантах

Фома, а в других случаях Агафон или просто портной, действует не в одиночку, а с двумя богатырями (Ильей Муромцем и Алешей Поповичем или с двумя безыменными богатырями), с которыми он подружился тоже при помощи хитрости. Фома одерживает победу за победой, умело пользуясь услугами своих товарищей. Там же, где ему приходится действовать самому, он прибегает не только к хитрости, но и к коварству.

Сопоставление народных вариантов сказки с «Храбрым Назаром» Туманяна показывает, что армянский писатель, отправляясь от фольклорных памятников, оставался свободным художником; он не следовал за традиционной трактовкой сюжета и создал оригинальное, яркое произведение мировой сказочной литературы. В «Храбром Назаре» сохранен местный колорит. Место действия, лица, события носят не отвлеченный, а конкретный характер. Автор остается верен принципу реализма и народности. Глубина мысли, естественность и типичность ситуации и действующих лиц, простота речи, неподдельный юмор — отличительные черты сказки Туманяна.

Назар — никчемный, ленивый, трусливый человек, не обладающий никакими достоинствами, пользуясь случайными обстоятельствами, добивается до царского трона.

Свою «силу» Назар осознал совершенно неожиданно для себя. Однажды ночью рассерженная жена Назара вошла в дом и заперла за собой дверь. Назару пришлось притулиться у стенки и дрожа просидеть до утра.

«Разобиженный Назар лежит на солнышке, дожидается, чтобы жена его впустила, и размышляет. Время же летнее, мухи одолевают, а сам Назар до того ленив, что неохота ему даже нос вытереть. Мухи облепили ему лицо. Когда же они начали уж слишком донимать его, поднял он руку и — хватить себя по щеке. Как шлепнет по лицу, так мухи и попадали. — Вот те на!.. — удивился Назар. Хотел пересчитать, сколько мух он убил одним махом, да сбился. А сдается ему, что не меньше тысячи,

— Вот это дело! — говорит. — А мне и невдомек, что я такой молодец... Я, что одним махом могу прикончить тысячу тварей, чего же сижу около этой негодной женщины?..»

С этого момента, куда бы ни шел Назар, где бы ни очутился, — везде и во всем ему везет. Из самых трудных положений выводит его счастливая судьба. Секрет постоянного успеха Назара заключается в том, что все его действия, вызванные одной лишь трусостью, воспринимаются окружающими в совершенно противоположном духе.

«Назар орет от страха в лесу, а крестьянин, решив, что это разбойники, бросает оседланного коня и бежит в чащу. Назар подъезжает на своем осле,

видит — посреди дороги конь точно дожидается его...»

Вот встреча Назара с богатырями: «Спрятался Назар за свое знамя и от страха задрожал как осиновый лист. А богатыри, до которых тоже молва докатилась о храбрости Назара, решили, что он сердится, вот-вот одним махом прикончит их всех. И повалились они ему в ноги. Богатыри торжественно его привели в свой замок и выдали за него замуж красавицу-сестру».

В народных вариантах герой сказки не только трусливый, но и хитрый, даже коварный человек. У Туманяна основное ударение сделано на момент удачи, счастливого случая. Однако было бы ошибочно назвать Назара глупым и бездеятельным. Он пассивен до тех пор, пока удачный случай не покажет ему легкий путь к славе. Он обладает достаточной бойкостью и не лишен практического ума. Назар не теряется, умеет быстро ориентироваться и пользоваться счастливым случаем. С самого начала сказки, наряду с двумя основными чертами его характера — трусостью и ленью, выступает и третья — хвастовство, черта, которая с наибольшей полнотой раскрывается в эпизоде встречи с тигром.

Основные идеи сказки «Храбрый Назар» вытекают из мировоззрения автора, его социально-политических взглядов, его демократизма.

Горький говорил о Пушкине, что он «украсил народную песню и сказку блеском своего таланта», и что особенно важно, в своих сказках «насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пушкин не скрыл, не затушевал, а напротив, оттенил еще более резко».

Эти слова по праву могут быть отнесены и к Туманяну, который издевался над царями и воспевал труженика. В сказках Туманяна цари занимают свой трон не по праву, а волею случая, часто выступают в роли глупцов и всегда выглядят людьми никчемными. В сказочной миниатюре «Непобедимый петух» царь глуп и смешон, в другой миниатюре армянского писателя «Лжец» царь пустой болтун.

«Жил-был царь, — начинается сказка. — Объявил этот царь по своей стране:

— Если кто придумает такую небылицу, что я скажу: «это ложь», тому дам полцарства.

Приходит пастух.

— Долго здравствовать царю, у моего отца была такая дубинка, что он доставал ею до неба и перемешивал звезды.

— Мудреного нет, — ответил царь. — У моего деда был чубук, так он, бывало, один конец держит во рту, другим прикуривает от солнца.

Почесал пастух в затылке и ушел.

Является портной.

— Прости, — говорит он царю, — я малость запоздал. Вчера гроза разразилась, и от молний лопнуло небо; я ходил штопать его.

— Хорошее дело. Только заштопал ты неладно — нынче утром опять дождик моросил.

Ушел и портной ни с чем.

Входит бедняк-мужик, а подмышкой у него мера.

— Чего тебе? — спрашивает царь.

— Ты должен мне меру золота, за ним вот я и пришел.

— Я тебе меру золота? Это ложь!

— А коли это ложь, отдай мне полцарства.

— Нет, нет, это правда! — хотел вывернуться царь.

— Если правда — отсыпай меру золота!»

Туманян всегда на стороне простого народа, бедных, обездоленных масс.

«И что интересно, — пишет П. Тычина по поводу этой сказки-миниатюры армянского поэта, — во лжи этой царя изобличает обыкновенный бедный крестьянин».

Сказка «Лжец» обладает простотой и краткостью, ясностью и глубиной мысли. Туманян руководствовался принципом, о котором он часто любил говорить: «В искусстве и в жизни самое важное простота; мудрость — в простоте».

Слова армянского поэта совпадают с горьковской формулой: «В простоте слова — самая великая мудрость». Совпадение отнюдь не случайное. И Горький и Туманян, в значительной степени воспитанные на фольклоре, исходили в этом случае из богатого, векового опыта устного народного творчества. В подтверждение своей мысли о том, что «в простоте слова — самая великая мудрость», Горький ссылался на пословицы и песни, которые, по словам великого писателя, «всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги».

В богатейшей сокровищнице устного поэтического творчества Туманян искал и находил подлинные жемчужины. Он учился у народа точности мысли, меткой выразительности.

«Лжец» и «Непобедимый петух» являются блестящими образцами сказочной миниатюры. Только большой художник слова, связанный кровно с народом и его творчеством, мог в такой предельно лаконической и простой форме выразить народную мудрость.

Демократизм Туманяна с наименьшей силой проявился в другой его сказке: «Хозяин и работник».

Социальные мотивы, затрагиваемые в сказке армянского писателя, встречаются и у других народов. Ближайшей аналогией могла служить пушкинская «Сказка о попе и его работнике Балде». И тут и там наниматель-хозяин жесток и скуп, всеми правдами и неправдами хочет наживаться за счет чужого труда, платить гроши за тяжелую работу, а иногда и вовсе не платить, если удастся обмануть простодушного работника. О том же написана и сказка Туманяна, в которой, в конечном счете, бедный труженик оказался умнее богача-нанимателя.

Не только в оригинальных сказках, но и в тех случаях, когда Туманян перерабатывал мотив армянской народной сказки или заимствовал сюжет из устного творчества других народов, он всегда оставался оригинальным художником.

Между всеми сказками Туманяна существует тесная идейная связь. В них нашли яркое отражение мечты поэта о счастливой, светлой жизни народа. Труженики в них показаны как носители народной мудрости и справедливости. По адресу же царей и богачей в сказках Туманяна находим лишь язвительную насмешку и презрение.

Социальные проблемы у Туманяна переплетаются с нравственными. В небольшой стихотворной сказке под заглавием «Великан» автор затрагивает чрезвычайно острую проблему социальной действительности. Его волнует вопрос о взаимоотношениях между сильными и слабыми. В основе сказки лежит мысль о том, что сильный не должен угнетать слабого, большой не должен обижать маленького. Туманян защищает идею равенства и права каждого на жизнь и счастье.

Туманян — величайший, непревзойденный мастер сказки в армянской литературе. В сказках в большой степени и с большой силой сказалась связь его творчества с фольклором. Он всегда любил подчеркивать эту связь. «Мои легенды взяты мною у народа, — писал он в 1913 году, — все сказки я также взял у народа, из народного быта и всегда стараюсь, насколько возможно, остаться ему близким и родным».

Фольклор был основой творчества Туманяна, тем живительным источником, который обогащал и развивал творческую мысль армянского поэта и сделал его вдохновенным певцом своего народа.

XII

К произведениям русской классической литературы Туманян постоянно питал живой интерес. Они были близки и дороги ему своей правдивостью и идейным богатством. Отмечая связь передовых армянских деятелей с русской культурой, Туманян говорил: «С любовью и благоговением мы чтим имена великих гениев русского народа — Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Гоголя, Тургенева. Под влиянием русской литературы воспитывались многие наши писатели и интеллигенты.».

Близкими и понятными были Туманяну русские народные песни, вызывавшие в нем чувство глубокого уважения к великому народу и его поэтическому творчеству. Не менее привлекала Туманяна проникнутая народностью поэзия Некрасова. В кругу близких друзей, вместе с Агаяном, он любил читать стихи Некрасова, в которых русский поэт воспевал бескрайние равнины своей родины и с болью сердечной поведал миру о горькой доле тружеников земли. С волнением Туманян повторял слова Некрасова:

... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?..
.....
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...

Не трудно понять, почему именно эти строки более всего нравились Туманяну. Они были созвучны народной музе армянского поэта и вполне соответствовали его собственным настроениям.

Вслед за Пушкиным, Лермонтовым и Некрасовым творческое внимание Туманяна было поглощено «титаническим гением» Толстого. Наброски армянского поэта, явившиеся непосредственным откликом на

смерть Толстого, свидетельствуют о том, что Туманян хорошо знал произведения великого русского писателя, в котором он видел воплощение «громальной силы художественной литературы своего времени». По мысли Туманяна, отличительным свойством творческого гения Толстого явилось его умение в одном произведении «заключать огромное пространство жизни», его изумительное мастерство охватить явление «сверху донизу», во всей его глубине. В многогранной, сложной личности Толстого более всего нравилось Туманяну его «сильное тяготение к природе и к крестьянину-мужику», его сочувствие к униженным и оскорбленным, его негодующий голос против социального гнета, его бичующее слово и мучительное искание выхода из мрака жизни.

Кончина Толстого вызвала глубокие переживания у Туманяна. «День его смерти, — говорил армянский поэт, — стал днем скорби всего просвещенного человечества, днем печали не только для русской, но и всей мировой литературы; днем печали для всех угнетенных, которые в трудные минуты жизни привыкли слушать его могучий голос; днем скорби для всех добрых сердец, которые знали, что еще жив Толстой...»

Осенью 1910 года Туманян выступил на страницах журнала «Колосья» с переводом рассказа Толстого «Старая лошадь», которому была предпослана статья, адресованная к юным читателям. В ней Туманян говорил о гуманизме Толстого, о мировом значении русского «титанического гения».

Мысли о Толстом переплетались у Туманяна с размышлениями о судьбе литературы, о ее роли и значении в жизни общества. Его тревожило положение армянских передовых писателей, их материальная необеспеченность, постоянная борьба их с нуждой. Туманян выступал в печати с призывом создать нормальные условия для труда писателя.

В 1910 году, по почину группы литераторов, в Тифлисе была открыта книжная лавка «Печатное слово», ставящая своей целью улучшение материального положения писателей, освобождение их от произвола и эксплуатации книгопродавцов. В числе первых пайщиков книжной лавки был и Туманян.

Одной из наиболее эффективных мер для мобилизации внимания общественности к вопросам литературы были в то время юбилеи писателей. Ими порою пользовались для оказания материальной поддержки. В год смерти Толстого, по инициативе Тифлисского армянского драматического общества, шла подготовка к тридцатилетию литературной деятельности выдающегося писателя и драматурга, одного из крупнейших представителей критического реализма в армянской прозе Александра

Ширванзаде.

В связи с приближением юбилейной даты Туманян выступил в печати со специальной статьей, в которой он писал: «В лице юбиляра народ венчает славой самого себя, свою духовную мощь, и, оценивая творчество Ширванзаде с этой стороны, мы считаем, что автор «Одержимой», «Хаоса», «Артиста» и многих других произведений заслуживает всенародного внимания».

В мае 1911 года литературная общественность праздновала юбилей Ширванзаде. Туманян написал письмо юбиляру. Он убеждал своего собрата по перу, что жизненные невзгоды, лишения и страдания ничто, «пустые звуки перед тем чудесным сознанием, что служишь прекрасному и правде».

В этом же письме Туманян говорил о «благородной дружбе и бесконечной любви друга-писателя», как о «могучем утешении в неприветливой жизни». Вообще, дружбе поэт придавал исключительное значение и очень дорожил этим чувством. Друзей у Туманяна было не мало, но первое место среди них, несомненно, принадлежало Агаяну. Легко представить, каким тяжелым ударом была для Туманяна смерть Агаяна, скончавшегося внезапно 20 июля 1911 года.

Агаян был для Туманяна «великим человеком, большим писателем и мыслителем», но «в тысячу раз» он был дороже ему как близкий друг. «За последнее время я впал в какое-то сонное состояние, — писал он. — Смерть Газароса глубоко подействовала на меня и стала одной из моих постоянных дорогих скорбей». Туманян сравнивал Агаяна с «умолкнувшей навсегда песней», о которой рассказать словами невозможно. В своих воспоминаниях Исаакян так рисует облик Агаяна: «Я с восхищением смотрел на него — здоровый, красивый, жизнерадостный. Было много в нем стихийного. Казалось, он вышел из сказок и шагал в нашей действительности полководцем-князем, храбрым горным охотником, главой кочующего из мира в мир каравана. Я мысленно сравнивал Агаяна с Туманяном. Они оба показались мне людьми одной категории, в одном стиле, в одном колорите. Они целиком соответствовали друг другу, гармонично дополняли друг друга, создавая одно целое, одно понятие — силу, мудрость земли и слова древнего армянского народа».

Народн, арт. Арм. ССР Т. Сазандарян в роли Алмаст (опера «Алмаст»).

Засл. арт. Арм. ССР Г. Габриелян в роли ашуга (опера «Алмаст»).

После смерти Агаяна Туманян переживал гнетущее чувство одиночества. Поэт потерял самого близкого человека, который так хорошо его понимал и в трудные минуты жизни поддерживал своим задушевым, дружеским словом. Он горько оплакивал смерть друга, но Туманяну не было свойственно чувство отчаянья и безнадежности. «Оптимизм, — говорит А. Исаакян, — всегда брал верх в натуре Туманяна. Подавленность настроения у него была минутной».

Начало 10-х годов XX столетия было периодом кипучей общественной

деятельности Туманяна. Он становится активным членом целого ряда культурно-просветительных обществ, широко выступает в печати. Будучи демократом, он, однако, был связан с кругами буржуазной интеллигенции, и подчас его общественная деятельность не выходила далеко за рамки буржуазного просветительства. Выходец из крестьянской среды, Туманян был последовательным выразителем демократических дум и чаяний крестьянских масс и в то же время и их колебаний. Окружающая его в городе интеллигентская среда только укрепляла эти его колебания. Чувствуя отращение к буржуазно-националистическим партиям, Туманян не мог примкнуть ни к одной из них. В это время он не нашел такого органа, который целиком отвечал бы его идейной позиции, и вынужден был выступать со своими статьями в разных газетах и журналах. С конца 1909 года армянский поэт стал печататься на страницах издававшейся в Тифлисе ежедневной газеты «Оризон» («Горизонт»), которая являлась органом буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн».

Сотрудничество армянского поэта в дашнакском органе явилось случайным моментом в его политической биографии и ни в какой степени не характеризует общественную позицию Туманяна. Реакционные националистические взгляды дашнаков и в этот небольшой отрезок времени были чужды народному поэту. Недаром Туманян по поводу своего сотрудничества в «Оризоне» писал, что это было не его место и он чувствовал там себя «только гостем». Это формальное сотрудничество, повидимому, послужило поводом к тому, что 7 ноября 1911 года Туманян был вторично арестован. Более месяца пробыл он в Метехской крепости в Тифлисе, а затем по этапу был отправлен в Петербург, в дом предварительного заключения, где еще более полугода просидел в камере № 121.

Туманяна обвиняли в причастности к буржуазно-националистической армянской партии «Дашнакцутюн». Конечно, члены этой организации хотели бы видеть великого поэта в своих рядах, но он был идейно далек от них. Ему дороже всего были интересы трудового народа, и он резко отрицательно относился к авантюристической деятельности дашнаков.

Неприветливо встретило поэта петербургское хмурое небо. «Погода скверная, и небо всегда пасмурное и мрачное, — писал он дочерям. — Нет ни солнца, ни солнечных лучей». Из дома предварительного заключения в письмах к близким, Туманян сообщал, что он стал жертвой клеветы, что он спокоен и уверен в своей правоте. «Я чувствую себя очень хорошо, — писал он из тюрьмы. — Великое дело быть чистым и правдивым. Это дает и бодрость и спокойствие, и все, все, и здоровье». Дело тянулось, и

писатель терпеливо ожидал суда, того момента, когда дадут ему возможность подробно изложить все обстоятельства. «Так в этом мире и добро наказывается, — писал поэт — и даже больше. Ничего. Есть конец всему, а справедливость и невинность всегда побеждали в мире и победят, и я не обижаюсь, что это не скоро бывает...» Эти слова говорят об убежденности в своей невинности и душевной чистоте поэта. Но вместе с тем они звучат наивно. В них скорее выражена жажда справедливости, чем чувство реальности. Он хотел видеть в чиновниках людей не глухих к голосу правды и совести, хотя отлично знал, что представляли собой царские судьи. Однако важно отметить, что Туманян, находясь в тюрьме, не поддавался царившему в годы реакции общему настроению упадка и уныния.

Более четырех месяцев длилось судебное разбирательство, и лишь 22 марта 1912 года Туманян был освобожден.

В русских литературных кругах тогда уже было известно имя армянского поэта и в Петербурге группа русских литераторов пригласила Туманяна на ужин, где он познакомился с В. Г. Короленко. «Хороший человек был, настоящий русский человек», — рассказывал о нем Туманян впоследствии своим друзьям. После ужина направились вместе домой. По дороге разговор зашел о Пушкине. Короленко спросил Туманяна о том, какое из произведений Пушкина произвело на него самое сильное впечатление и какое из них он более всего любит. «Он думал, — рассказывает Туманян, — что я назову что-либо из крупных вещей Пушкина, и когда я сказал: «Зимний вечер», он был крайне удивлен».

Туманян прекрасно понимал, что по силе и верности выражения сложного и богатейшего тончайшими оттенками мира чувств и мыслей, по простоте и удивительной ясности языка, по музыкальности поэзия Пушкина — явление исключительное. Он восхищался стихотворением «Зимний вечер», как высоким образцом реалистической лирики. Он видел в этом стихотворении черты подлинной народности, его поражала точность в выражениях, стройность и гармоническая цельность поэтической мысли. Нет сомнения, что в оценке «Зимнего вечера» руководили Туманяном и известные слова Белинского: «Каждое слово в поэтическом произведении должно до того исчерпывать все значение требуемого мыслью целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его. Пушкин в этом отношении величайший образец».

Туманян был в Петербурге в то время (март 1912 года), когда среди армянской интеллигенции, в связи с празднованием 1500-летнего юбилея изобретения армянского алфавита^{[\[63\]](#)} и 400-летия армянского

книгопечатания¹⁶⁴ был поднят вопрос об организации Армянской Академии наук. Состоялось специальное совещание. Такого же рода совещание с участием поэтов А. Цатуряна и В. Терьяна было проведено в Москве. Туманян горячо взялся за это большое культурное дело. Он считал, что наступило время, когда нужно объединить научные силы и в первую очередь всерьез заняться историей армянского народа. Еще в 1909 году, указывая на то, что «немногие народы имеют такую богатую историю», Туманян сожалел, что по этому вопросу в современной ему специальной литературе нет еще ни одной фундаментальной работы.

Внимание русских ученых истории Армении привлекала давно. На базе Лазаревского института восточных языков возникла русская школа армяноведения.

Теперь, казалось Туманяну, назрел вопрос о создании центра армянской научной мысли.

Туманян призывал изучать историю армянского народа не для бесплодного копания в прошлом, не для упражнений отвлеченной мысли, а для глубокого понимания настоящего, для того, чтобы события прошлых времен, озаренные светом науки, показали, «как и какими путями добрались мы до настоящего». Туманян смотрел на историю, как на факел, освещающий путь народу к светлому будущему. Он говорил о вековой борьбе армянского народа, об его упорстве и стойкости:

«Мы удивительно жизнеспособный народ, — писал поэт в 1916 году, — Я непоколебимо верю в это. Верю в эту жизнеспособность в самом высоком и благородном ее значении. Ничье варварство и тирания не смогли сломить могучий дух армянского племени».

Истории вековой борьбы армянского народа, его неустанному стремлению к свободе посвящено стихотворение «Наша клятва», в котором Туманян говорит:

Мы поклялись стремиться к свету,
И нас с дороги не свернуть.
Туманом сумрачным одетый,
Безвестен наш далекий путь.

Мы шли, изранив грудь и ноги,
Сквозь ветры, пламя и клинки,
Но не свернули мы с дороги,
Мечам и бурям вопреки.

И пусть разорваны знамена,
И мы скитаемся в пыли,
И нет нам права и закона,
И горек хлеб чужой земли,—

Но мы бороться не устали,
И не забыли мы завет,
И ловит взор в небесной дали
Священной клятвы горний свет.

(Пер. М. Павлов)

Историей Армении занимались и в России, и на Западе, но все, что было написано на эту тему, далеко не отвечало цели, намеченной Туманяном. Он предлагал прежде всего собрать разбросанные повсюду рукописные материалы, создать научные библиотеки, организовать подготовку языковедов, историков, литераторов и искусствоведов. Туманян с болью говорил о плачевном состоянии армянского театра, музыки, живописи, об их полной зависимости от воли и желания частных лиц, богатых меценатов. Будущая академия должна покровительствовать искусствам, способствовать их расцвету.

В условиях царской России организовать академию в Армении, конечно, не удалось, но Туманян не унывал. В Тифлисе он продолжал думать о создании центра армянской научной мысли и предпринял некоторые практические шаги.

После освобождения из тюрьмы и недолгого пребывания в Петербурге и в Москве в апреле 1912 года Туманян вернулся в Тифлис. В том же году летом он вместе со всей семьей уехал в родное село Дсех, чтобы отдохнуть.

Осенью 1912 года, по инициативе. Туманяна и под его председательством, в Тифлисе было организовано Кавказское общество армянских писателей. Общество преследовало цели: объединить все литературные силы, всячески способствовать развитию литературы, оказывать материальную помощь нуждающимся писателям и защищать их права.

По четвергам происходили открытые собрания Общества, на которых можно было слушать лекции не только об армянской литературе, но и о литературном творчестве соседних народов: грузин и азербайджанцев. Отдельные вечера были посвящены Шекспиру, Сервантесу, Л. Н. Толстому,

А. С. Грибоедову, Генриху Сенкевичу. Идейным знаменем массово-пропагандистской работы товарищества служили слова Туманяна: «Нет более благородной почвы и более великой связи для лучшего сближения и познания народов и внедрения в них взаимной любви и уважения, чем литература, в которой выявляются их лучшие чувства, их национальный гений и дух».

С. Зорьян, который был постоянным участником литературных вечеров, организованных Кавказским обществом армянских писателей, в своих воспоминаниях рассказывает о том, что эти вечера привлекали многочисленную аудиторию интеллигенции, учащейся молодежи, музыкантов, врачей, служащих. «Одним словом, там были все, кто интересовался армянской литературой».

Доклады и лекции проходили бурно. Возникали ожесточенные споры, полемика. Туманян в качестве председателя произносил вступительное и заключительное слово. «С особым тактом, — пишет Зорьян, — имея собственные суждения, он умел уважать все оттенки мысли. «Истина рождается в столкновении различных взглядов и мнений», — любил говорить Туманян древнее изречение и своим заключительным словом «усмирял» страсти разгоряченных оппонентов».

На вечерах Общества происходили творческие встречи деятелей искусства, работников науки и культуры. Впервые армянские народные певцы — ашуги выступали совместно с писателями. Участие талантливых исполнителей музыкантов привлекало массу слушателей. Туманян работал с неиссякаемой энергией, с огромным воодушевлением он строил все новые и новые планы. Желаемому размаху деятельности Общества препятствовало отсутствие средств. Все важные культурные начинания поддерживались главным образом неимущими слоями населения. Армянская буржуазия как всегда оставалась равнодушной к судьбам литературы. Туманян прилагал большие усилия, чтобы не только сохранить Общество, но и обеспечить его нормальную деятельность. Оно несомненно сыграло в истории армянской литературы свою положительную роль. «Мне думается, не ошибусь, — пишет Зорьян в своих воспоминаниях, — если скажу, что в 1913–1915 гг. вечера общества писателей были самыми интересными явлениями армянской культурной жизни».

Интенсивная деятельность в Кавказском обществе армянских писателей не мешала Туманяну выступать в периодической печати.

В своих статьях на историко-литературные темы Туманян с чувством уважения и благодарности произносил имена основателей армянской письменности Месропа Маштоца и Саака Партева^[65], писателей

Хоренац^{66} и Нарекац^{67}, Шнорали^{68} и Кучака^{69}, Саят-Новя и Абовяна, Налбандяна и Сундукяна, Агаяна и Прошяна и многих других, которые, по словам поэта, обогатили армянскую литературу «своими великолепными делами».

Туманян защищал и обосновывал творческие принципы реализма и народности. По мысли армянского поэта, дух каждого народа находит свое наиболее яркое отражение в литературе, включая в это понятие и устное народное творчество. Под влиянием русской революционно-демократической мысли, эстетической теории Чернышевского, Туманян понимал значение литературы в борьбе за лучшую жизнь народа и ставил перед нею широкие просветительские задачи. Литература должна быть активной силой, которая не ограничивается задачей правдивого воспроизведения действительности, но и произносит свой приговор над жизнью. «Литература не только зеркало, — говорил Туманян, обращаясь к молодежи, — и если даже зеркало, то весьма странное, волшебное зеркало. Она не только отражает время, события и лица, но дает жизни свое тепло и свой свет».

В историко-литературных экскурсах и размышлениях о назначении литературы Туманян ставил основной вопрос о типе писателя. Он говорил о том, как литература постепенно освобождалась от опеки царей и меценатов, как она, наконец, стала выходить на широкий простор народной жизни. Он искренно сожалел, что Гете жил в Веймарском дворце, что Фирдоуси был певцом Махмуд-шаха^{70}, что Руставели воспевал царицу Тамару^{71}. «Я уже не говорю, — писал Туманян, — о Корнеле, Расиме и других, которые вне дворца другой жизни и не понимали». Туманян противопоставлял им Беранже и Бернса, в песнях которых он видел яркое проявление реализма и народности. «Речь идет не о величине талантов, — разъяснял армянский поэт свою мысль, — а о духе, направлении, мировоззрении... В одном случае жизнь господствующей прослойки, в другом — жизнь народа. В одном случае в роли зрителей — народы, в другом — цари».

Туманяну больше по сердцу поэты, которые были с народом, «воспевали его горе, воодушевлялись его мечтами, выбирали своих героев из его среды». И тогда «вместо царской мантии появилась повседневная одежда простого человека, вместо дворцовой драпировки и парков раскинулась свободная природа, и вместо напыщенных трескучих фраз начал господствовать народный язык со своими живыми оттенками, строгим стилем и прозрачной ясностью».

Литературные симпатии Туманяна не ограничились рамками армянской и русской литературы. Наряду с Пушкиным и Лермонтовым он особенно любил Байрона и Шекспира. В годы молодости, в 1894–1896 гг. он перевел на армянский язык «Шильонского узника» и два отрывка из первой песни «Чайльд Гарольда». По всей вероятности, интерес к английскому поэту возник не без влияния Лермонтова, который принадлежал к числу любимейших поэтов Туманяна.

С творчеством Шекспира Туманян познакомился еще в ученические годы. Ему посчастливилось видеть на сцене знаменитого армянского трагика Петроса Адамяна^[72] в роли Гамлета. Туманян был потрясен игрой актера и шекспировской трагедией.

Последовавшая за спектаклем ночь, по признанию самого Туманяна, имела решающее значение в его литературной биографии. Он настолько полюбил образ Гамлета и творчество его создателя Шекспира, что принялся писать драмы, темы которых он черпал из исторического прошлого Армении. Первая из них, написанная в 1894 году, называлась «Артавазд II». Сюжеты двух последующих — «Царь Ованес» и «Виген Мамиконян», оставшихся незавершенными, он взял из истории Ани — древней столицы Армении. Однако взыскательный автор не был удовлетворен работой и уничтожил свои пьесы. В архиве писателя сохранились лишь черновые наброски, относящиеся к ранним драматургическим опытам. Позже Туманян уже не возвращался к драме, хотя мысль о работе над ней постоянно волновала его. Шекспир остался его любимым писателем и «драма в поэзии» была любимой формой поэтического творчества.

Особый интерес к Шекспиру, признание огромного значения его наследия для будущего развития литературы вызвали специальную статью Туманяна, посвященную разбору нового армянского перевода «Гамлета». В этой статье Ованес Туманян сделал обстоятельный анализ армянского текста. Сравнив перевод с русскими изданиями, он указал на плохой язык и смысловые искажения, допущенные в армянском переводе.

В 1900 году Туманян вновь возвращается к «Гамлету» в связи с появлением следующего перевода шекспировской драмы. На этот раз автор рецензии не ограничился лишь разбором армянского текста, а высказал целый ряд общих, принципиальных суждений о проблеме художественного перевода, о сложности самой задачи воспроизведения поэтического текста на другом языке.

Образ Шекспира жил в сознании армянского писателя и в зрелые годы его литературной и общественной деятельности как символ победы разума

и света, как мощный голос освобожденного от средневековых пут человечества. В 1916 году, к 300-летию со дня смерти Шекспира и Сервантеса, Туманян писал: «Этот день спешит навстречу страдающему человечеству, как символ международного единения, как свидетельство того, что народы шлют друг другу не только разрушающие снаряды, но и все самое возвышенное, о чем может мечтать человек: что есть у народов священные связи, крепкие и нерушимые даже тогда, когда рвутся и попираются договоры, скрепленные королевскими печатями.». Армянскому писателю особенно дорога была мысль о «нерушимой, крепкой, священной» связи между народами. Шекспир и Сервантес и подобные им гиганты художественной мысли, по утверждению Туманяна, скрепляют, делают нерушимой эту «священную связь» и общность высоких духовных интересов и конечных целей, помогая всем передовым силам человечества объединиться в борьбе за мир и счастье народов.

«Шекспир и Сервантес, Гамлет и Дон Кихот! это они освободили человеческую мысль от... средневековой мистерии... — писал Туманян, — вывели искусство и литературу за стены дворцов и монастырей в просторный и необъятный солнечный мир». Для Туманяна с его широкими демократическими взглядами было особенно важно отметить великое освободительное значение творчества Шекспира и Сервантеса, указать, что благодаря им литература вырвалась из затхлой атмосферы монастырей и дворцов в «солнечный мир», что они «развенчали перед народами их властелинов и раскрыли перед ними человеческую душу».

В своих выступлениях в печати Туманян затрагивал вопросы развития литературы, языка, театра, музыки. Разнообразный характер и тематическое богатство статей армянского поэта свидетельствуют об обширном круге его интересов. Его выступления по вопросам литературы часто носили полемический характер, что в значительной степени объясняется недостаточной развитостью и отставанием критики. Армянскому поэту нередко приходилось буквально отбиваться от нападков и нелепых обвинений невежественных авторов. Вступая в вынужденные споры, Туманян опирался на русскую критическую мысль, в особенности на Белинского. Статьи армянского поэта вообще показывают, как хорошо он был осведомлен в области русской литературы и журналистики. Так, например, отвечая своему критику, Туманян подробно воспроизводил полемику вокруг «Руслана и Людмилы» Пушкина. Он напоминал, что реакционная критика, консервативно настроенные литературные старожилы враждебно встретили в свое время появление сказочной поэмы Пушкина, в которой автор выступал как новатор, ставя и разрешая по-новому проблему

народности.

В статьях на литературные темы Туманян уделял большое внимание вопросам языка. Но он никогда не был склонен к умозрительным, отвлеченным рассуждениям. Он был человеком, всегда твердо стоявшим на земле, для которого спор о языке имел практическое значение. Вопросы языка он считал насущными вопросами развития литературы. Теоретические обобщения Туманяна тесно были связаны с его творческой практикой.

Язык Туманяна складывался в результате длительного процесса. В раннем творчестве стремление оставаться как можно ближе к народной речи, в частности к местному лорийскому говору, приводило к злоупотреблению диалектизмами. В период зрелой творческой мысли вырабатывалось более осознанное и строгое отношение к языку, происходила кристаллизация поэтической речи Туманяна. Язык писателя обогащался из трех основных источников, и, прежде всего, это был живой, разговорный язык народа со всем богатством и оттенками различных наречий. Для Туманяна, стоявшего на демократических позициях, признававшего творцом языка народ, живой, разговорный язык в развитии литературы должен был занять особо почетное место. Туманян боролся против тех, которые ревностно защищали «чистоту» книжного языка, и тех, которые стояли на реакционно-консервативных позициях и с пренебрежением относились к народной речи. «Нашим могучим и живым литературным языком, — говорил Туманян, — будет слияние народных наречий, «грабара» и существующего ныне литературного языка». Положение это не явилось для Туманяна лишь теоретическим рассуждением, а вытекало из его творческой практики. Оно уже было проверено и оправдано жизнью самой литературы. Ваан Терьян первый правильно определил место и значение Туманяна в развитии языка литературы: «Туманян сейчас довел свой язык до такой степени кристаллизации и ясности, — говорил Терьян в 1912 году, — что приблизил его к языку Пушкина. Это и следует считать одной из величайших заслуг Туманяна».

Сравнивая язык Туманяна с языком Пушкина и придавая этому огромное значение, Терьян хотел подчеркнуть особо важную роль Туманяна в развитии армянского литературного языка. Характер языка Туманяна, его богатство и культура были обусловлены теми большими сдвигами, которые произошли в армянской литературе в конце XIX — начале XX вв. Именно в этот период значительно обогащается словарный состав литературного языка, усиливается процесс растворения диалектов в

едином общенациональном языке.

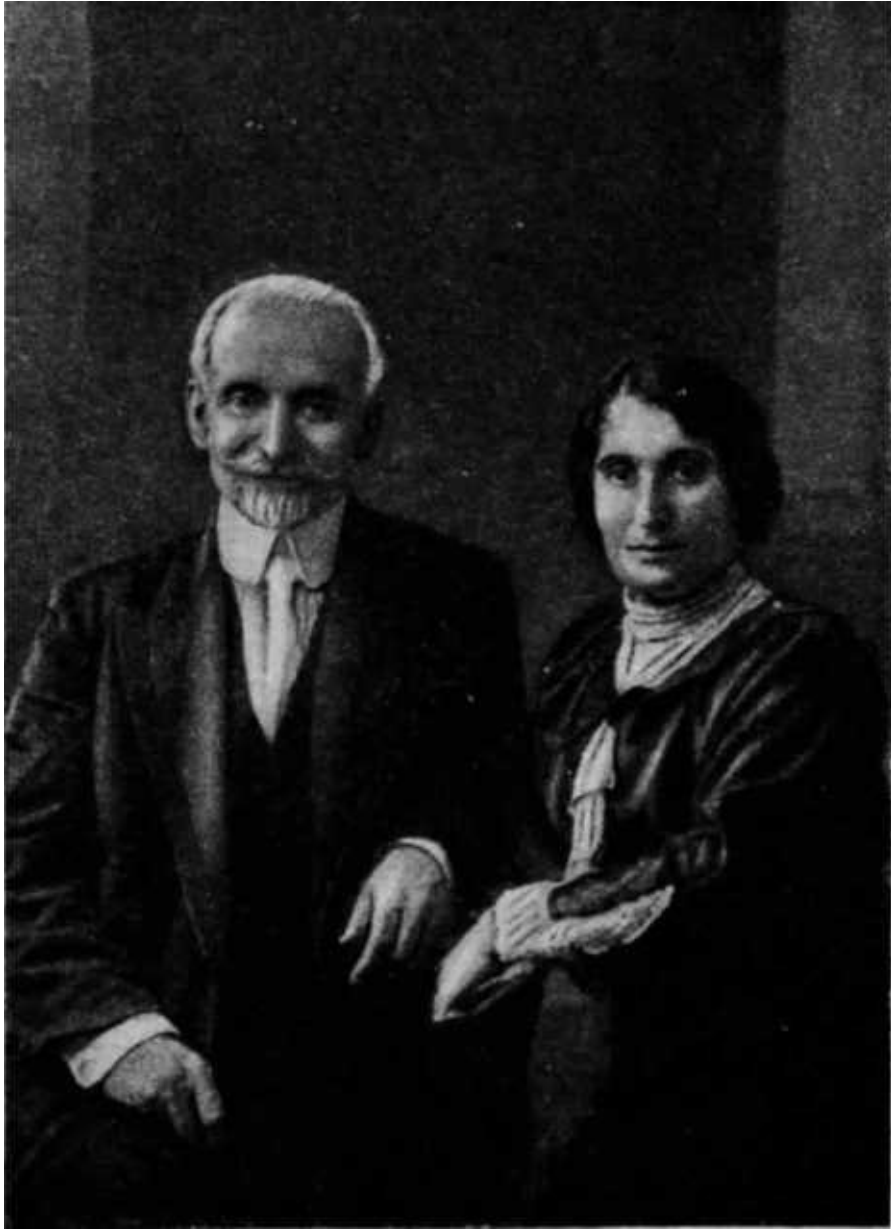
Туманян жил широкими общественными интересами. Не было ни одного животрепещущего, жизненно важного вопроса, мимо которого он прошел бы равнодушно. Вопрос о будущем Армении, проблема мирного сосуществования и дружбы народов Кавказа, вопросы народного просвещения, искусства и литературы, — все глубоко волновало Туманяна.

Не было ни одной важной отрасли культурной жизни, которая не привлекала бы внимание армянского поэта. Но особо нежные чувства он питал к музыке, которая, по собственному признанию Туманяна, была для него «самым драгоценным и святым даром» из всего того, что было ему доступно «в мире и жизни». Музыка в его понимании, среди других искусств, является той «волшебной силой, которая способна непосредственно и всецело овладеть всем существом человека и уносить его туда, куда она пожелает».

Туманян придавал музыке исключительно важное значение. Он отмечал ее огромную силу в нравственном воспитании человека. В конце декабря 1912 года инициаторы тифлисского армянского музыкального общества обратились к Туманяну с просьбой принять участие в работе организационного комитета. Болезнь помешала поэту присутствовать на первом заседании, и он ответил на приглашение письмом, в котором с воодушевлением говорил о «чудесном мире родных звуков». Туманян в этом же письме писал о том, что он любит «древнее слово», и кратко излагал содержание старинного сказания, темой которого была сила воздействия музыки на человека. Армянскому поэту близка и созвучна была мысль, выраженная в известных строках Шекспира:

Всё, что бесчувственно, сурово, бурно,
Всегда, на миг хоть, музыка смягчает.
Тот, у кого нет музыки в душе,
Кого не тронут сладкие созвучья,
Способен на грабеж, измену, хитрость;
Темны, как ночь, души его движенья...

(«Венецианский купец». Пер. Т. Л. Щепкина-Куперник)

Туманян с женой. С фотогр. 1915 г.

Дом в Тифлисе, в котором жил Туманян.

С первых дней возникновения тифлисского музыкального общества Туманян стал одним из его деятельных членов. Об активном участии поэта в работе общества рассказывает в своих воспоминаниях Азат Манукян, которому принадлежит первая попытка создания армянской оперы для детей, по мотивам стихотворной сказки Туманяна «Конец зла». В числе руководителей музыкального общества был композитор Романос Меликян [\[73\]](#), с которым поэт был хорошо знаком. Еще летом 1910 года, в Абастумане, Р. Меликян, поглощенный тогда составлением сборника

армянских народных песен, часто навещал Туманяна. Теперь, на почве совместной работы в музыкальном обществе, они еще больше сблизились. На квартире Меликяна после деловых бесед они часто слушали музыку. На одном из вечеров впервые был исполнен известный романс Р. Меликяна на слова стихотворения Гёте «Роза», в прекрасном армянском переводе Туманяна.

Народные песни в духовном развитии Туманяна занимали весьма существенное место. Он был ими пленен с детства. С наслаждением он слушал не только армянские, но и русские, украинские, азербайджанские и грузинские песни. Особую симпатию Туманяна завоевали протяжные, печальные песни Востока. Он ощущал органическую связь между музыкой и поэзией. Он говорил о том, как древние мелодии раскрывают с еще большей силой «пленительную сладость» восточной поэзии.

Туманян был в числе организаторов литературно-музыкальных вечеров. С горечью он наблюдал иногда, что кое-кто из публики во время концерта прогуливался по залу, разговаривал, смеялся. Туманян искренне радовался, когда талантливые исполнители своей музыкой «заставляли даже самую недисциплинированную публику застыть на месте, молчать и слушать».

Осенью 1916 года в Тифлисе состоялся концерт А. А. Спендиарова^{74}, на котором исполнялись его широко известные «Крымские эскизы» и симфоническая картина «Три пальмы». Дирижировал сам композитор. На вечере Туманян говорил о «широкой и многообразной духовной жизни армянского народа», о плодотворной деятельности выдающихся музыковедов Кара-Мурза и Екмаляна, инициаторов и организаторов музыкального общества. В заключение своей речи он горячо приветствовал возвращение Спендиарова на родину. «Знаменитый армянский композитор, — говорил Туманян, — завоевавший славу в европейском мире, вернулся в свою родную семью. Он познакомил нас со своими блестящими творческими планами, залогом осуществления которых служит его огромное дарование и высокое мастерство».

В музыке Туманян видел «самое сильное выражение духовной жизни народа». Верный своим творческим принципам, и в этом случае он указывал на богатейший источник будущего развития армянской музыкальной культуры — народные песни. С радостью он отмечал тот факт, что армянские композиторы в своем творчестве все больше и больше обращаются к народной мелодии. Сам Туманян горячо любил песни и часто слушал их в исполнении искусных музыкантов. Композитор А. Манукян вспоминает, как втроем — Туманян, Спендиаров и Меликян, в

одном из кафе на Авлабаре назначали время для слушания песен ашуга Гокора из Шулаверы.

В 1915 году Спендиаров вместе с Туманяном обсуждал вопрос о создании нового оперного спектакля. Выбор пал на поэму «Взятие крепости Тмук», и в 1918 году армянский композитор, положив в основу сюжет этой поэмы, начал писать оперу «Алмаст». Преждевременная смерть Спендиарова прервала работу. Он не успел написать музыку к четвертому акту. Пробел этот был заполнен впоследствии Максимилианом Штейнбергом, учеником Н. А. Римского-Корсакова.

«Алмаст» и «Ануш» и ныне не сходят со сцены Армянской государственной оперы в Ереване.

Многообразной и плодотворной была в эти годы общественная деятельность Туманяна. Это был период, когда поэт много сил и времени отдавал делу воспитания литературной молодежи. Он был другом и учителем начинающих писателей. Строгий и взыскательный к своему творчеству, он ненавидел эпигонов, бесцветных жалких людей, которые суетились около литературы. Еще в ранней рецензии 1892 года поэт писал о сборнике стихотворений ныне давно забытого П. Мочорянца: «Не достоинство заставляет говорить по поводу этой книги, а то обстоятельство, что молчание обманет автора, и он, вообразив себя поэтом, совершит напрасное и даже вредное для литературы дело».

Мочорянцев и им подобных Туманян считал типичным явлением литературной жизни и с возмущением говорил о том, что это невежественные люди с примитивной психологией, «ворующие темы, мысли, уродующие их, плетущие рифмы, и воображают себя на вершине Олимпа». Поэт говорил также о жалком тщеславии, определяющем поведение этих бездарных людей: «В их сердцах, — писал он, — не горит священный огонь поэзии, а шевелится беспокойный червячок, заставляющий суетиться, что-то делать, чтобы не исчезнуть бесследно и как-нибудь заработать себе славу». К таким людям Туманян был беспощаден. Не менее вредными и опасными для общества он считал окололитературных дельцов, невежд, проходимцев и карьеристов, пробравшихся в писательскую среду со своими мелкими корыстными интересами. В душе Туманян их глубоко презирал. Они вызывали в нем раздражение и серьезную тревогу. Вместе с тем, он проявлял поистине отеческую заботу, когда в произведениях начинающего автора замечал проблески дарования, когда в них он ощущал огонь поэзии. В таких случаях Туманян сам воодушевлялся, искренне радовался появлению нового яркого таланта.

Туманян в литературных кругах пользовался большим авторитетом, и многие из начинающих писателей обращались к нему за советом и помощью.

В конце апреля 1908 года молодой поэт Ваан Терьян, перед выходом в свет своего первого сборника «Грезы сумерок», побывал у Туманяна.

В разговоре Туманян сказал Терьяну: «Мой первый вопрос к начинающему писателю: приносит ли он что-либо новое, или обнаруживает ли признаки, обещающие это новое. В отношении вас должен ответить положительно. Вы — поэт. Это самое важное. Вы не играете словом. Вы начинаете лучше, чем мы...»

Легко представить, как много значила для молодого поэта высокая похвала такого взыскательного художника, каким был Туманян. Он одним из первых оценил дарование Терьяна и дал верную и глубокую характеристику его лирики. «Скорбь и мечты Терьяна, — говорил он, — ... не чужды духу нашей страны. Я бывал в той близкой небу горной долине, где родился Терьян, и мне казалось, будто она полна туманной печали и нежных грез, столь характерных для поэта... Прочтите лучшие песни Терьяна, и вы найдете в них жемчужины поэзии, которые доставят вам истинное эстетическое наслаждение...»

Об исключительно чутком и внимательном отношении Туманяна к литературной молодежи говорит в своих воспоминаниях С. Зорьян. Он рассказывает, как однажды с группой начинающих писателей побывал у Туманяна. Поэт принял их в своем просторном рабочем кабинете, где на одном из книжных шкафов стоял бюст Данте. Знаменитый итальянский поэт принадлежал к числу любимых авторов Туманяна. Беседа длилась до поздней ночи. Просто и убедительно, подробно излагая свои взгляды на общественное назначение литературы, Туманян говорил о том, что писатель должен всегда твердо стоять на земле, не изменять чувству реальности и правды, должен хорошо знать народную жизнь, постоянно изучать ее. Выдвигая свои высокие требования к литературе, он ссылаясь на великих русских писателей-реалистов,

В беседе с начинающими писателями Туманян, обращаясь к истории, любил напоминать о проверке ценности произведения самим временем: «Прошлое, оставившее нам много назидательного, — говорил он, — убеждает нас, что время — самый объективный и самый беспощадный критик и ценитель литературы. С течением времени очень многое теряет свое обаяние, известность, и каждый находит, в конце концов, свое место в созвездии литературных величин, кто более яркое, кто более скромное...»

Молодых писателей Туманян воспитывал в духе оптимизма, внушая

им веру в свои силы, призывал не бояться трудностей и бодро двигаться вперед. «Смотрите на мир и на человека, — говорил он, обращаясь к начинающим писателям, — добрым и ясным взором. Как солнце, смотрите на мир...» Туманян призывал молодежь любить свой народ.

Залог будущего расцвета армянской литературы Туманян видел в свободной Армении. Тогда, говорил он: «... придут и новые писатели, чьи сердца не будут изранены: они увидят свободный, бодрый народ, окрепнут от его чистого и живого дыхания, громко и радостно зазвучат их голоса перед всем миром».

Туманян почти всегда находился в водовороте событий и постоянно был занят общественными делами. К нему обращались за содействием отдельные лица и целые организации и различные культурные объединения. Бывали такие периоды, когда он уставал, когда появлялось у него желание тишины и покоя, чтобы отдохнуть, собраться с мыслями, а затем, если удастся, заняться осуществлением своих творческих замыслов. Лучшей формой такого отдыха для Туманяна были путешествия. И вот летом 1908 года Туманян совершил небольшую поездку по Военно-Грузинской дороге. Он восхищался «первобытной суровой красотой» Кавказских гор. В письме из Гудаури поэт делился своими путевыми впечатлениями: «Со всех сторон давят высоко вознесенные величественные горы, — писал Туманян. — Здесь идет грозная борьба природы. Бурные и шумные потоки непрестанно разрушают горы, извергают громадное количество камней и целых скал, засыпая ущелье и заграждая путь. Дорога проходит все время по узкому глубокому ущелью, с обеих сторон нависают мрачные скалы, зеленые вздыбленные горы, а по их склонам там и сям ютятся несколько домов, или едва виднеется, затерянная в густых деревьях, одинокая хижина». Горные ландшафты заставили Туманяна вспомнить своего любимого поэта: «Сейчас, когда пишу эти строки, рядом со мною высятся снежные вершины, а впереди расстилается Кайшаурская долина, о которой вспоминает Лермонтов в эпилоге своего «Демона». Туманяна потрясла и другая обыденная, жизненная картина: оборванные, босые дети горцев, одни танцуя лезгинку, другие кувыркаясь и гримасничая, бежали за экипажем и просили денег...

Поэт всегда лелеял мечту о дальних путешествиях. Такая возможность поездки за границу подвилась в 1908 году. В назначенный день и час, когда все были готовы к отъезду и ждали Туманяна, входит он весь промокший. Попал под сильный дождь. Настроение невеселое. Оказалось, что ему не только не удалось достать необходимые деньги на дорожные расходы, но по пути домой встретил одного из своих многочисленных заимодавцев,

который пригрозил завтра же обратиться в суд, если он не вернет долг.

Мечта о дальних путешествиях была связана у Туманяна с его желанием побывать в других странах, ознакомиться с жизнью разных народов, обогатиться новыми впечатлениями.

В 1910 году Туманяну стало известно, что его сказка «Злосчастные купцы», переведенная на русский язык и опубликованная в библиотеке детского журнала «Пчелка», по странной оплошности преподносилась юным читателям как «американская» сказка. Узнав об этом, Туманян с огорчением и не без иронии писал: «Возможно слово «армянское» в результате типографской ошибки превратилось в «американское», но каким образом это могло произойти... во всем виноваты издатели. Очевидно, они считали, что слово «американское» превратит мое произведение в «заграничный товар».

Туманян был равнодушен к антинародным новейшим течениям упаднического искусства на Западе. Более того, его отношение к буржуазно-декадентской литературе было резко отрицательным.

В 1902 году по поводу перевода одного из французских пошлых романов, армянский поэт писал: «Болезненное явление, характеризующее современное искусство. Подобные произведения мне вовсе не нравятся. Пахнет спальней. Не знаю, чьи слова здесь вспомнились мне, говорит — разбейте окна, выходите из этой тяжелой атмосферы на свежий воздух, под ясный и чистый свод неба...»

«Свежим воздухом», «ясным и чистым сводом неба» были для Туманяна прежде всего лучшие произведения передовой русской литературы. Неслучайно в эти годы обращение Туманяна к творчеству М. Горького, «Валашскую легенду» которого он переводит на армянский язык.

В Туманяне были сильны здоровые народно-демократические традиции армянской литературы. Он тысячами нитей был связан с жизнью масс, вместе с ними он переживал горе и радость. К 1908 году относятся два его стихотворения — «Веретено» и «Тяжелый год», в которых поэт раскрывает перед читателем мир «горестей, ран, зла и нужды».

Ты вертись, веретено,
Не ленись, веретено,
Для сирот, веретено,
Ты оплот, веретено.
Лунный свет в окно упал,
На веретено упал.
Ночь я целую пряду,

Пряжу белую пряду.
Я пряду сквозь слезы нить,
Чтобы сирых прокормить.
Ты вертись, веретено,
Не ленись, веретено,
Для сирот, веретено,
Ты оплот, веретено.

(Пер. Т. Спендиарова)

Значительным социальным содержанием насыщено и второе стихотворение Туманяна, в котором автор говорит о безвыходном положении земледельца в «тяжелый год», когда кругом требуют денег, а расплатиться нечем.

В поле пахарь поет о своей горестной жизни:

Ты паши, паши, мой плуг.
Год тяжелый — вон из рук.
Деда старшина сволок:
Требует: «отдай налог!»

— Денег нету... Нелегко...
— Нету? — Отберу Шеко.
— Жизнь отдам, пойду в огонь,
Только буйвола не тронь.

Вспашем, как придет весна.
Долг отдам я, старшина.

.....

(Пер. Г. Крейтан)

Через два года после появления в печати замечательных народных песен: «Веретено» и «Тяжелый год», ставших образцами демократической лирики, Туманян в 1910 году выступил с новым стихотворением «Ты мою родину видел? Скажи!». Оно было написано в форме отклика на раннее стихотворение Ованисяна, где в романтических красках был обрисован

облик родины: цветущие поля и луга, зеленеющие сады с жемчужными гроздьями винограда, под вечно голубым небом... В таких же тонах была изображена «раскинувшаяся в долине» армянская деревня, вокруг которой цветут благоухающие сады, золотятся спелые колосья, тихо журчит родник и жаворонок поет свою нежную песню. Стихотворение Туманяна явилось полемическим выпадом против всех тех, которые, увлекаясь природой и ее красотами, идеализировали реальную тяжелую жизнь народа, изображали ее в виде безмятежной идиллической картинке, где нет ни диссонансов, ни противоречий социальной действительности. Туманян как бы предлагает разблудившемуся поэту опуститься с романтической выси на землю, заглянуть в бедные хижины армянского крестьянина. Тогда он увидит, как «расхищают свои и чужие» плоды тяжелого труда, как по родным полям льются потоки крови и слез, как грабят тружеников «роскошного сада». С горькой иронией Туманян спрашивает:

Видел ли ты, в одиноких селеньях,
Грязь, нищету — результаты оков?
Видел ли дикие распри, гонения,
Суд беспощадный старшин и попов?
.....
Ты мою родину видел? Скажи!

(Пер. Т. Алибекова)

Обращаясь к тем, кто не хотел видеть гнетущих картин реальной действительности армянской деревни, автор предлагал проникнуть в глубины крестьянского быта, тогда бы они увидели, как страдает народ в когтях мироедов-кулаков, старшин и попов. И у Туманяна было полное основание утверждать, что тот, кто не замечает нищету и горе своего народа, не видит погибающих в грязи и невежестве тружеников земли, тот не имеет права говорить, что он видел родину, знает ее.

Стихотворение Ованисяна послужило Туманяну лишь поводом, чтобы поднять большие принципиальные вопросы, стоявшие перед армянской литературой. Он, так же как Чернышевский и Добролюбов в 60-х годах прошлого века, выступил против идиллического взгляда на крестьянскую жизнь.

«Многие потому только воображают, что они знают народную жизнь, что проезжали через деревню и встречались с крестьянами, — писал Н. А.

Добролюбов. — Они часто представляют, что мужичок сидит у ручейка и жалобно поет чувствительную песню или, выгнавши в поле стадо, садится под тень развесистого дерева и сладко играет на свирели».

Стихотворение Туманяна интересно также с точки зрения политических настроений автора. Выраженные в нем мысли были предметом его постоянных мучительных дум. В 1913 году, когда Туманяну вновь пришлось путешествовать по родному краю, когда перед его взором открылись привычные картины крайней бедности и безысходной нищеты деревенской массы, он с болью писал: «Мы плохо знакомы с нашим народом. Неизвестно нам его экономическое положение. Я бывал у себя дома на собрании представителей почти всех наших деревень. В течение многих дней обсуждали, считали, и после всего этого указали деревни, где семья для дневного пропитания имеет 12 копеек...» Туманян с горечью спрашивал: каким образом семья в состоянии удовлетворить все те руки, которые жадно направлены к этим 12 копейкам? «Я видел семьи, где не имеют понятия о постели, — писал Туманян. — Живут грязно, более грязно, чем скот...»

Туманян знал, что придет время и озарится лучами счастья жизнь армянского народа. И когда на Кавказе уже ощущалось дыхание великой освободительной силы Октябрьской социалистической революции, Туманян приветствовал и благословлял будущих строителей нового мира. «Пусть над вашей молодой жизнью откроется счастливый расцвет, — говорил он в 1918 году на вечере молодежи, — о котором мечтали мы в бурные, темные ночи».

XIII

Летом 1914 года Туманян жил в Цагверах на даче и работал над своей восточной сказкой «Тысячеголосый соловей». Вспыхнула мировая война. Родная земля — в который раз! — стала ареной жесточайших битв.

«Армянский вопрос» вновь приобрел особую остроту. Турция, при содействии кайзеровской Германии и молчаливом попустительстве Англии, разработала программу уничтожения турецких армян. Началась резня, во время которой погибло более миллиона армян.

В эти страшные дни судьба Армении взволновала многих честных людей и передовых мыслителей мира. В Париже, на манифестации 9 апреля 1916 года, взволнованную речь произнес Анатоль Франс. Он говорил: «Франция сразу познала причину мучений Армении. Франция поняла, что вековая, неравная борьба между турком и армянином была борьбой деспотизма, борьбой варварства против справедливости и свободы».

Великий писатель Франции, говоря о том, как вассал Германии, Турция, истязает Армению, закончил свою речь словами: «Армения умирает, но она возродится. Немного крови, что у нее осталось, — драгоценная кровь, из которой родится героическое потомство. Народ, который не хочет умереть, не умрет никогда!».

К трагической судьбе армянского народа были обращены мысли и чувства лучших людей русской передовой интеллигенции. В годы первой империалистической войны, когда подняли голову темные силы реакции, когда появились открытые проповедники национализма и шовинизма, отравляющие сознание широких масс, М. Горький с энтузиазмом взялся за организацию сборников национальных литератур. Первой из намеченных книг этой серии вышел сборник армянской литературы под редакцией М. Горького, сразу получивший признание в передовых слоях русского общества.

В эти же годы В. Брюсов, с большим увлечением работая над антологией «Поэзия Армении», восхищался литературой народа, с поэтическими богатствами которого лишь недавно познакомился, и возмущался равнодушным отношением к судьбе западной Армении: «Нужны мировые катастрофы, нужны беспримерные ужасы турецкой резни или дикого преследования целой нации, чтобы мы вновь обратили внимание на бедствия «многострадального народа», — писал тогда русский

поэт. — Мы... вспоминаем об армянах лишь в те дни, когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления озверевшими полчищами султана. Между тем, есть у армян более высокое право на наше внимание и на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества».

В сложной обстановке первой мировой войны для общественной позиции Туманяна были характерны колебания, сомнения и разочарования.

Чем глубже проникал Туманян в тайники жизни, тем больше росла в нем тревога за судьбу трудового народа, тем настоятельнее он искал выхода из окружавшего его мрака. Он сознавал противоречия социальной действительности, был свидетелем безотрадной, темной жизни крестьянских масс, видел произвол, жадность и жестокость сильных, богачей, правителей. Он видел войны и разорения, бесчисленные раны народа. Туманян не мог не отрицать эту действительность. Он прекрасно понимал, что так жить нельзя. Порою он обращался к прошлому, где искал опоры, нравственные идеалы, мир и гармонию. Но и тут он сталкивался со страшными диссонансами жизни, до него доносились сердцераздирающие вопли и стоны несчастных жертв темных адатов, суеверия и предрассудков. Оплакивая их печальную участь, Туманян отвергал строй жизни, породившей этот страшный калейдоскоп уродливых явлений. Он с болью и нежностью рассказывал о простых людях из народа, ищущих счастья и света. В произведениях Туманяна мы видим, как в свое время справедливо писал Мартуни, «насмешки над богачами, царями, феодалами и горячую симпатию, сочувствие к угнетенным трудовым массам крестьянства».

Для идейного развития Туманяна характерными явились и мотивы протеста. Их можно проследить, начиная с ранней поэмы «Стоны», в которой выражена идея народной партизанской войны, до его легенды «Царь и чарчи». В ней Туманян говорит: «Пока существует шах и пленник, хозяин и раб, — не быть на земле ни правдивому слову, ни жизни, ни любви...» П. Тычина, сопоставляя легенду Туманяна с «Прогулками по Риму» Стендаля, в которой «римские ремесленники... дают сдачу, когда их бьют», писал: «Дают сдачи злобному шаху и армянские бедняки, невзирая на то, что одного из них шах мечом зарубил». Мотивы стихийного протеста несомненно составляют одну из самых сильных сторон творчества армянского поэта.

Если в критике и отрицании старого мира Туманян выступал

реалистом, то необходимости изменения существующего порядка революционным путем он не понимал и часто становился на позиции идеализма. Вообще для положительной программы армянского поэта характерна некоторая наивность, утопичность.

Туманян неоднократно возвращался к своему социальному идеалу, нашедшему яркое отражение в его сказке «Золотой город». В ней поэт рисует утопическую картину всеобщего счастья, где миру «зла и горя» противопоставлен «золотой город», в котором нет хозяев и рабов и все живут спокойно, наслаждаясь плодами своего труда.

Мирный созидательный труд Туманян считал основой будущего разумного общественного строя, но он не указывал конкретных путей достижения конечной цели.

Были такие периоды, когда Туманян искренне верил, что проповедью идеи мира и братства можно достигнуть всеобщего счастья на земле. Порою он проявлял удивительную наивность. Перед первой империалистической войной, в раскаленной атмосфере ожесточенной классовой борьбы, когда надвигались грозные события, Туманян взывал к человечности, обращаясь к людям различных партий и направлений: «Неужели не настало время, чтобы быть более широкими сердцами, более терпеливыми, более прощающими и любящими». Он горько жаловался на то, что люди слишком окаменели, слишком привыкли к желчи и ненависти. «Неужели останется для нас чуждым и недоступным светлое чувство любви, — говорил Туманян, — неужели не можем мы сблизиться друг с другом, смотреть друг на друга глазами добра, видеть друг в друге хорошее? Нет ведь человека, который был бы лишен положительных черт...» И когда его слова о братстве и любви, подобно «гласу вопиющего в пустыне», повисали в воздухе, Туманян глубоко огорчался, скорбел...

Основная слабость мировоззрения Туманяна заключалась в том, что он ясно не представлял перспективы реального выхода, не сразу он оценил значение растущей, новой социальной силы, в лице пролетарского революционного движения, способного разрубить этот страшный узел и открыть путь к светлому грядущему.

Однако Туманян не был и далеким от жизни кабинетным писателем. В годы первой мировой войны он не оставался в стороне от грозных событий. С группой литераторов и общественных деятелей он дважды побывал на фронте. В письмах к друзьям поэт делился тяжелыми впечатлениями: он видел разрушенные деревни, видел обезображенные трупы убитых, был свидетелем невиданных страданий народа. «Трудно рассказать в письме о виденном и слышанном... Страшные картины не дают покоя...»

Война повсюду сеяла смерть и разрушение. В Армению хлынул огромный поток беженцев. Тысячи людей умирали с голоду, и тысячи сирот остались без крова и хлеба. Туманян прилагал огромные усилия, чтобы облегчить участь пострадавших: он организовывал помощь раненым, беженцам, принимал деятельное участие в устройстве приютов для сирот.

Летом 1915 года Туманян поехал в Эчмиадзин для организации помощи беженцам. Там, под открытым небом, во дворе древнего монастыря, в грязи, в лохмотьях валялись голодные люди: женщины, дети, старики. Трагические события войны не могли не отразиться и на общем душевном состоянии Туманяна. В письмах к друзьям он жалуется на усталость. «Вот уже два года, как кружусь в этом кошмаре, — писал он. — Хотя я к жизни и миру отношусь весьма философически и имею верное и спокойное отношение к смерти, тем не менее, все это очень подействовало на меня...»

В эти годы Туманян пишет свои «Четверостишия».

Редко кто из армянских поэтов обращался к этому труднейшему жанру, требующему максимальной экономии слов, до предела сжатых, строгих форм. В «Четверостишиях» сказалось стремление к осмыслению пройденного поэтом жизненного пути, к философским обобщениям. В «Четверостишиях» нашли отражение настроения и переживания поэта в последний период его жизни. В этом смысле они являются «биографией души» автора. Их можно рассматривать как определенный этап в развитии лирики Туманяна, но не как синтез всего его творчества.

«Четверостишия» написаны преимущественно в годы первой империалистической войны и в период недолгого, но кровавого господства в Закавказье буржуазно-националистических партий. Еще в 1903 году Туманян написал стихотворение «Армянское горе — безбрежное море». Ужасы войны, жестокость, кровь и слезы невинных, толпы беженцев, голодные дети, безутешное горе матерей, потеря любимого сына во многом определили содержание и скорбный характер «Четверостиший». В них отразились глубоко волновавшие поэта грустные события личной и общественной жизни. В них явственно видна смятенность чувств Туманяна:

Где вы?

Все те, кто сердцу мил, где вы?

Я к вам взывал и плакал, и искал...

Быть может, скрыл вас мрак могил, где вы?

(Пер. К. Арсенева)

Горчайшую из всех потерь — тебя найду,
Лишь путь мне укажи и верь: скорбя, найду.
Блуждаю я в необоримой тьме,
Но в дом, где ты живешь, я дверь, любя, найду.

(Пер. К. Арсенева)

В гуле военных лет, в лихорадочной обстановке быстро сменяющихся событий Туманян с нежностью и тоскою вспоминает вечно милые сердцу родные поля:

Запели песнь любимые,
Певцы мои, незримые,
И кто теперь вас слушает,
Сверчки мои родимые?

(Пер. Б. Серебряков)

В «Четверостишиях» поэт предается тяжелым раздумьям, философским размышлениям о мире, о путях человечества, о цели существования, о жизни и смерти. Он повторяет свою излюбленную тему о том, что нет в мире ничего устойчивого, что все проходит...

В мир входят люди каждый день,
Проходят люди, словно тень.
Тысячелетние дела
Мы начинаем каждый день.

(Пер. К. Липскеров)

Эй, вы, дороги, дороги,

С древней пылью, дороги!
Где исходившие вас?
Кто они были, дороги?

(Пер. С. Мар)

Туманян всегда был сторонником широкого, но разумного пользования жизненными наслаждениями. Он, в период расцвета творческих сил, летом 1904 года, сообщая о веселых пирушках под тенью деревьев, длившихся далеко за полночь, писал из Шулаверы: «Хотя и надо признаться, что вино и бессонные ночи вредят, но все равно. Потом ведь долго будем спать и думаю, что там и вина нет». Теперь, в условиях войны, поэт предавался размышлениям о скоротечности человеческого существования, о том, что «из этой бременной жизни все равно ничего не унесешь с собой», и, обращаясь к «кичливому и жадному человеку», советовал «мирно и радостно свершать свой короткий путь». Туманян в жизни всегда любил веселые пирушки в тесном дружеском кругу и теперь не без горечи писал:

Да, это все... что ж, друг, подыдем чару!
Уйдет и это вдруг, подыдем чару!
Жизнь, как струя, звеня, прольется в мире.
Спеши, нам недосуг, подыдем чару!

(Пер. Т. Спендиарова)

В «Четверостишиях» нашли выражение и социальные воззрения Туманяна. Он мечтает о «тихом уголке, безмятежном сне младенца, спокойном и мирном существовании человечества». В них выступает и образ народного певца, тесно связанного с массами. Они раскрывают богатый душевный мир, благородное сердце поэта-гражданина:

Пускаться в бегство? Тщетный труд,—
Я связан тысячами пут:
Со всеми вместе я живу,
За всех душой страдаю тут.

Я от многого сгорал,

Я сгорал, огнем я стал,
Стал огнем и свет давал,
Свет давая, угасал.

(Пер. О. Румер)

Временами Туманяну казалось, что он сделал немного, что он напрасно потерял и время и энергию. Он жаловался, что нет простора для развития творческой мысли, нет чувства внутреннего удовлетворения и каждый день приходится ожидать, что жизнь изменится.

Но народный поэт, так твердо стоявший на земле, так сильно любивший жизнь, не мог впасть в безнадежный пессимизм.

Скорбные мотивы в «Четверостишиях» совсем не характерны для оптимистического и жизнеутверждающего творчества Туманяна. Поэт обладал большой силой внутреннего мужества. В нем было развито живущее в сознании народных масс здоровое чувство оптимизма. «Поднялась буря, — писал он в гнетущие дни империалистической войны, — за тяжелым чувством последовали страшные потрясения и смятение, но и это пройдет, вновь взойдет яркое солнце и улыбнется мирный день... После нынешней войны с невиданной силой и глубиной встанет проблема мира во всем мире...»

Туманян с гневом говорил о германском империализме. Его волновал вопрос о будущем мире. «Единственная моя надежда, — писал он, — что этой войной Германия, и вместе с нею милитаризм погибнут... Австро-Венгрия и все германское эгоистическое племя получают достойное наказание, и мое руссофильство победит». Только тогда «мир надолго успокоится».

Все симпатии Туманяна были на стороне России, на Германию и Австро-Венгрию он смотрел, как на главных виновников войны. Поэт упускал из виду, что война 1914 года была захватнической «войной за передел мира и сфер влияния» и что ее виновниками были не только Германия и Австро-Венгрия, но империалисты всех стран, в том числе и царская Россия.^[47]

В 1914 году, в условиях войны, Туманян решил отметить в армянской печати 100-летие со дня рождения Лермонтова. В октябре он написал статью под заглавием «Великий приемный сын Кавказа», в которой с грустью отмечал: «Война помешала отпраздновать светлое событие, которое должно было вызвать ликование, волнение в миллионах сердец

всех народов и племен России». В этой статье была дана общая характеристика творчества русского поэта, по которой легко понять, что было особенно близко и дорого Туманяну в поэзии Лермонтова. Его прежде всего привлекала гордая, свободолюбивая натура русского поэта: «Он родился с пламенной, возвышенной душой, которая еще с детства искала новых путей в сумраке России прошлого столетия, — с душой, отвергавшей жизнь, закованную в чиновничий мундир.

И свершилась великая драма.

Да, самая ужасная из драм, драма великих душ. Лермонтов разделил судьбу своего великого предшественника Пушкина...»

Далее Туманян говорил о той «странной любви», которой любил Лермонтов отчизну, любви, которая «щедро звучала в его творениях», но тогда не могла быть понята и по достоинству оценена, потому что «жизненную арену занимали или ничтожества, или те, о которых он говорил, что «их подлые сердца облачены в мундиры». Враждебное поэту общество «голубых мундиров» изгнало его из своей среды. «Его преследовали тысячи глаз и рук... Ко всему этому прибавилось огромное горе. Лермонтов боготворил Пушкина и увидел его оклеветанным и сраженным пулей.

И тогда родилось и загремело по Руси полное огня и ненависти стихотворение «На смерть поэта». Поэт кинул в лицо царской России такие слова обличения и гнева, каких еще она не слышала. И это решило все.

Он должен был удалиться...»

Туманян выразил глубокое сочувствие к трагической судьбе великих русских поэтов. «Когда настанет время праздновать столетие со дня рождения Лермонтова, — писал Туманян, — мы, кавказцы, отметим это не только как праздник великого русского поэта, которому, как и всей русской литературе, мы многим обязаны, но и как праздник поэта, чей дух нам близок, кто является приемным сыном нашей общей матери — Кавказа, еще с детства мечтавшим о Кавказском небе и о его синих горах...»

В этих строках армянский поэт выразил чувство благоговения и большой любви народов Кавказа к Лермонтову.

В его поэзии Туманян находил богатейший источник вдохновения.

Летом 1917 года Туманян посетил памятные места, связанные с последним периодом жизни Лермонтова. «Побывал в домике Лермонтова, на месте дуэли и там, где он любил гулять, — писал армянский поэт из Пятигорска одному из своих друзей, — многое в его произведениях можно понять только здесь».

Туманян рассказывает, как однажды, возвращаясь с вечерней прогулки,

он, проходя по аллее, обратил внимание на множество мелких белых камешков, блестевших в темноте. Армянский поэт вспомнил стихотворение Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

«Я только теперь понял, — писал Туманян, — почему Лермонтов говорит: «Сквозь туман кремнистый путь блестит...» В письме к другу Туманян делился мыслями о том, какая тесная связь существует между песнями поэта и природой окружающего его мира.

Туманян обратился к Лермонтову и в некрологе Цатуряна.

Известно в каких тяжелых материальных условиях жило в прошлом большинство передовых армянских писателей. Но у некоторых обстоятельства жизни складывались особенно печально. Тяжелая борьба за существование, постоянная нужда в самом необходимом и чаще всего несправедливое, если не равнодушное, то враждебное отношение буржуазной критики, — все это в совокупности нередко доводило преждевременно до могилы многих талантливых людей. Так трагически сложилась и судьба поэта Александра Цатуряна.

Цатурян — современник Туманяна. Детство его было беспросветным и нерадостным. Он всегда жил в крайне стесненных материальных условиях. Литературный заработок не мог обеспечить его существования. В течение всей своей поэтической деятельности Цатурян получил всего лишь... 29 рублей гонорара. Вся жизнь поэта прошла в тяжелой борьбе за «хлеб насущный».

Еще в стихах раннего периода своего творчества Цатурян дал торжественную клятву воспевать лишь «справедливые дела» и быть готовым принять гонения «во имя песни неподкупной», отдать свои силы «бедным братьям» и «сражаться со злом до могилы». Он восстал против грубой власти силы и богатства — этих краеугольных камней старого мира. В его песнях много искреннего сочувствия к угнетенным массам — беднякам, нищим, труженикам, которых Цатурян называл «измученными братьями».

Представление о высоком гражданском долге поэта перед своим народом и родиной, мотивы беспощадной борьбы с «царством темноты», где «горечи полное море» и где поправа правда, во многом сближают Цатуряна с Некрасовым. Для Цатуряна поэт — прежде всего «воин» и

«вольный певец», который, презирая «молнии и громы врагов», спокойно и уверенно идет вперед. Он не приемлет мир, «где чувства не знают, где царствует злато».

Где мысли свободной — положен запрет.
А подлость живет на просторе.

По мысли Цатуряна, поэт — «боец за великое счастье людей», он должен «сражаться со злом до могилы». Его высокое назначение и гражданский долг — «бить тревогу», поднимать дух народа, призывать его к активной борьбе, чтобы сбросить навсегда цепи рабства:

Лети, моя песня, дыханьем весны
Туда, где нужда и печали.
Где люди забыли прекрасные сны
И ждать избавленья устали.
Лети, моя песня, лети и звени,
И людям надежду верни!

Лети, моя песня, призывом живым
Туда, где в молчаньи покорном
Трудится бедняк, — а богатый над ним
Царит в этом мире позорном.
Лети, моя песня, и в каждой груди
Спасительный гнев пробуди!

Лети, моя песня, как грозный набат,
Туда, где, к столбу пригвожденный,
Отважный герой, человечества брат,
Ждет жадно зари возвещенной.
Лети к нему, песня, под сумрачный свод!
Поведай, что солнце встает!

(Пер. Е. Полонская)

Цатурян поет «борьбы великой гимн мятежный». Он приветствует «рабочий люд», который с оружием в руках «спешит в поле боевое».

Туманян посетил Цатуряна за несколько дней до его смерти. Они долго говорили о текущих событиях, о будущем Армении, о литературе. «Однако, из всех этих больших и важных вопросов, — говорит Туманян, — с большой силой застряли в моей памяти две маленькие подробности. Во-первых, то, что он всегда был болен и давно бы умер, если бы не жена... И еще, как Цатурян, уже явно чувствуя, что нить его жизни скоро оборвется, приехал на родину и хотел ехать в Закаталы^[48], чтобы последний раз увидеть могилу матери и старое тутовое дерево у дома, на котором в детстве он так много бывал... Говорил: «После этого спокойно умру...» Через несколько дней, когда Туманяну сообщили, что Цатурян упал и потерял сознание, он поспешил к нему и увидел его в постели, с высоко поднятой головой, с закрытыми глазами, из которых текли слезы... «Я думал, — продолжает свой печальный рассказ Туманян, — не оттого ли текут последние бессильные капли слез, что он не увидел ни могилу любимой матери, ни старое тутовое дерево... Жена лихорадочно меняла лед, или поила из чайной ложки больного и говорила, без конца говорила... Вдруг она изменила тему: — Ах, как он хотел ехать на Кавказ, увидеть могилу матери и у дома старое тутовое дерево... а я, правду говоря, боялась этого. Каждый раз казалось мне, что его зовет земля родины, что как придет он — умрет...» Спустя некоторое время явился врач. Надежды больше не было. Жизнь тихо угасала. Через два часа он умер. «И, стоя перед теплым трупом, — писал Туманян, — думал о том, что он так и не увидел... И теперь, когда с болью говорят о его страдальческой жизни, о его литературной деятельности, об издании его сочинений, и о других больших вопросах, — с каким-то странным упорством мое сердце охватило это маленькое горе, его последнее заветное желание, к которому стремился он перед смертью — и не достиг... не увидел он ни могилу многолюбимой и многострадальной матери, той матери, которая в нищете, без огня, в холодной хижине брала к себе в постель своего маленького Александра и согревала... и старое тутовое дерево, которое в зимние бурные ночи своими голыми ветками стучало в стены и крышу их бедной лачужки...»

Вот почему эпитафией к этому своеобразному некрологу Туманян поставил строки из Лермонтова, любимого поэта Цатуряна:

Когда я стану умирать
— И, верь, тебе не долго ждать —
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...

Статья Туманяна по своей форме напоминает новеллу, в которой с такой большой душевной теплотой рассказано о последних минутах трагической жизни армянского поэта. Она имеет не только документальное значение для биографии Цатуряна, но и прекрасно характеризует самого автора. В каждой строчке слышно, как бьется большое человеческое сердце...

Цатурян был одним из первых армянских поэтов, обратившихся к славянским мотивам. В этом отношении он явился предшественником Туманяна.

К эпосу славянских народов привело Туманяна его увлечение русским фольклором. В 1908 году он перевел две русские былины: об Илье Муромце и Святогоре. В первом случае армянский поэт выбрал эпизод, в котором рассказывается, как Илья Муромец приезжает в Киев к князю Владимиру, открывает широко двери княжеских погребов, устраивает для «голи кабацкой» веселый пир. Во втором случае армянского поэта заинтересовала тема о силе земли.

В былине о Святогоре рассказывается эпизод встречи богатыря с Микулой Селяниновичем. Когда Святогор слез с коня, взялся за сумочку, прилачился к ней, «взялся руками обеими, во всю силу богатырскую натужился, от натуги по белу лицу ала кровь пошла, а поднял суму от земли только на волос, по колено ж сам он в мать сыру-землю угрыз»; тогда он спросил громким голосом: «Ты скажи же мне, прохожий, правду-истину, а и что, скажи ты, в сумочке наложено?». Взговорил ему прохожий да на те слова: «Тяга в сумочке от матери сырой земли». — «А ты кто сам есть? Как звать тебя по имени?» — «Я Микула есть, мужик я, Селянинович, я Микула — меня любит мать сыра-земля». Туманян не случайно выбрал для своего перевода именно эту былинку, в которой могучему богатырю Святогору не удалось поднять простую суму переметную крестьянского сына Микулы Селяниновича.

В русских былинах армянского поэта привлекала идея народной силы и могущества. Илья Муромец рисовался в сознании армянского писателя, как воплощение национального духа русского народа, а в образе Микулы Селяниновича Туманян видел олицетворение огромной стихийной силы, символическое обобщенное изображение трудовых масс русского крестьянства.

Интерес Туманяна к эпосу славянских народов был обусловлен и известными историческими обстоятельствами.

Многовековая борьба славянских народов, в особенности болгар и сербов, за свою свободу и независимость находила всегда отзвук в Армении, которой были особенно понятны муки и страдания славян под турецким игом. Вот почему армянские писатели так охотно обращались к тем страницам славянского творчества, в которых рассказывалось о жестоких битвах с врагами отчизны, о подвигах народных героев. Патриотические мотивы славянской литературы не могли не волновать армянского читателя. Он находил там для себя много близкого, родственного, созвучного его заветным думам.

В армянской печати часто появлялись переводы произведений славянских писателей, в которых воспевались герои народно-освободительной борьбы. Эти переводы обычно преследовали широкие пропагандистские цели, они указывали на живые примеры беззаветного служения родине, народу.

В 1892 году в Петербурге в числе первых книг «Славянской библиотеки» был издан рассказ Юрия Якшича «На мертвой страже». Книжка открывалась краткой биографией Якшича (1832–1878), составленной переводчиком Н. Н. Филипповым. Автор рассказа был участником народно-освободительной борьбы. Во времена событий 1848–1849 гг. он стал воином сербского народного ополчения. В числе черт, характеризующих облик Якшича как писателя, переводчик отмечал «глубокое лирическое чувство» и «светлые порывы к свободе».

Рассказ «На мертвой страже» был посвящен борьбе сербов за независимость. В нем рассказывалось о храбрости старого партизана Марко и его сына Тано, о верной любви сербской девушки Станы. Марко Лакович, рассказывая сыну о борьбе сербов, говорит: «Я сын великого славянского племени, а не одного только сербского народа». В словах молодого Тано чувствуется уверенность в своих силах, в правоте народного дела. Перед тем как отправиться на помощь братьям — боснийцам и герцеговинцам, — он говорит: «Пять веков изо дня в день мы боремся за свободу родины и должны же, наконец, завоевать себе ее, — эту желанную свободу! Не даром же проливали столько крови... Нет на свете народа, который бы столько боролся и который бы так мало упал духом, как наш сербский народ!».

Эти светлые порывы угнетенного народа, тема беззаветного служения родине — были близки и понятны Армении. Не прошло и двух лет после появления русского издания рассказа Якшича, как рукопись его армянского перевода поступила в Петербургский цензурный комитет. После долгих мытарств армянский перевод рассказа Ю. Якшича, наконец, был издан в

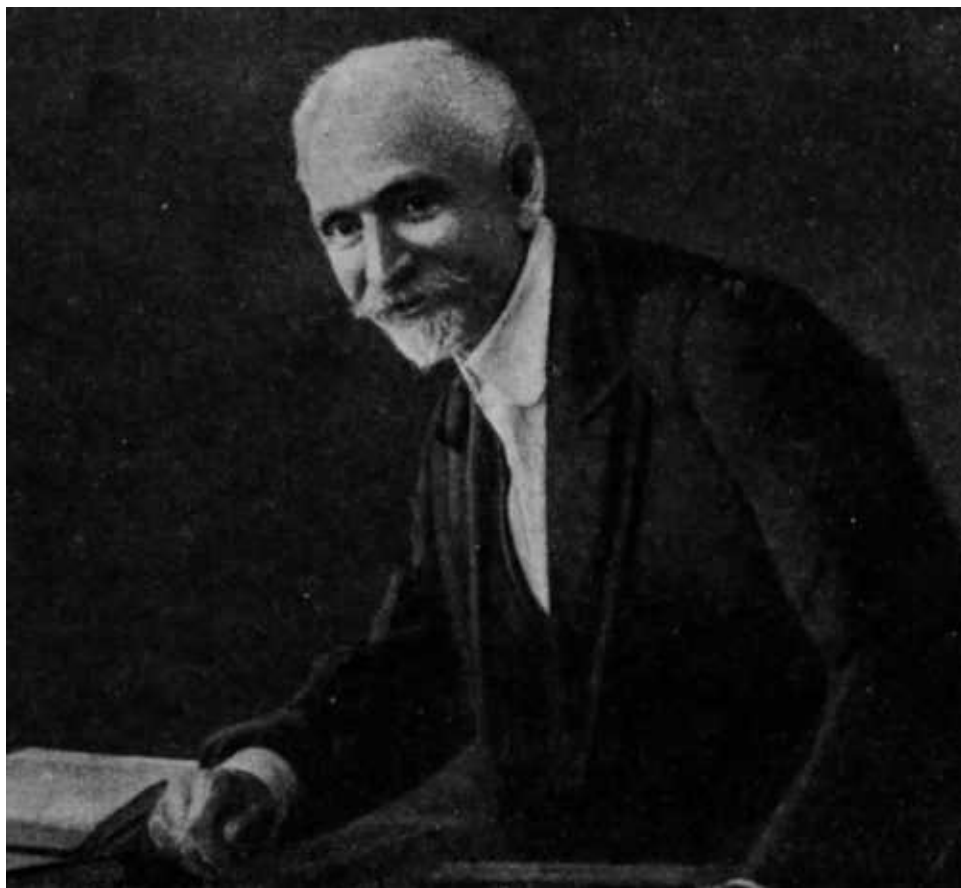
1896 году в Тифлисе, в числе первых брошюр «Народной библиотеки». Следует также отметить, что армянский читатель 80—90-х годов хорошо знал и рассказы болгарских писателей-демократов Ивана Вазова и Любека Каравелова.

До Туманяна к сербским мотивам обратился Цатурян. В 1889 г. он написал стихотворение «Беззащитная могила», первоначально имевшее подзаголовок: «Из сербских песен». В этой печальной песне говорится о забытой могиле героя, отдавшего жизнь за свободу отчизны. Над могилой склонилась зеленая ива, она тихо плачет и рассказывает погибшему герою о судьбах родины, о том, что под игом жестоких врагов все еще стонет и рыдает родная земля, не возшло еще долгожданное солнце свободы. Она говорит спящему храбрецу о том, что мало еще героев, а враг силен. Везде гнет, всюду развалины, вокруг стоны и рыдания. Умолкает ива, но не проходит и минуты, как она снова склоняется над одинокой могилой. Она скорбит, оплакивает судьбу несчастной, истерзанной врагами страны.

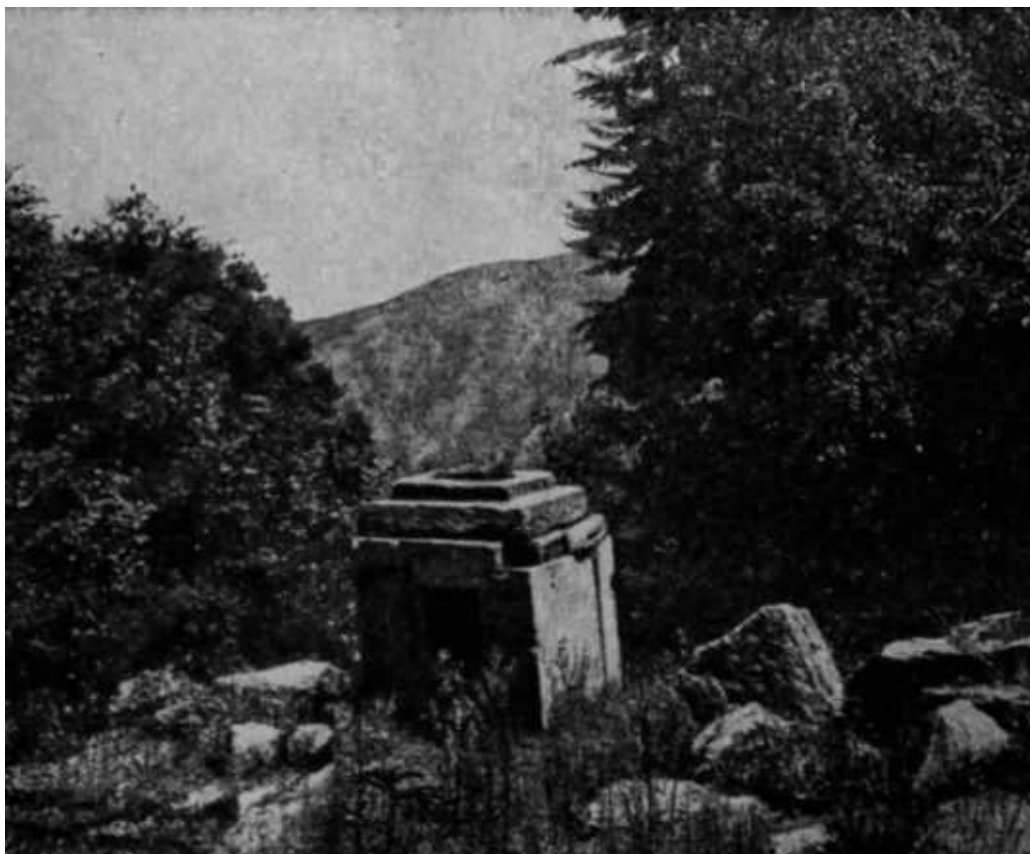
Цатурян развил мотив сербской песни, приблизил к армянской действительности, вложил в нее новое, оригинальное содержание.

Ованес Туманян также работал над переводами сербского народного эпоса. В 1915–1916 гг. на страницах издававшейся в Тифлисе газеты «Оризон» появились его переводы трех отрывков из героического эпоса сербского народа. «О том, что послал турецкий султан взамен подарков московского царя», «Марко пьет в рамазан вино», «Марко уничтожает свадебную пошлину».

К ним нужно присоединить еще перевод отрывка «Марко пашет», рукопись которого была обнаружена в бумагах армянского поэта.

Ованес Туманян. С фотогр. 1915 г

В окрестностях деревни Дсех (ныне Туманян).

Напечатанным переводам Туманян предпослал статью «Два слова о сербском народном эпосе». В ней он писал: «В сербском эпосе ярко живут воспоминания, исторические события и герои как до турецкого периода, так и времен турецкого владычества. Одним из героев был царь Вукашин, павший от руки врага. Пала и вновь возрождающаяся молодая Сербия, однако, пала, чтобы снова встать полной сил и благородных порывов. Величайшим героем сербского эпоса стал сын Вукашина — Марко, который воплотил в себе заветные национальные благородные чувства и стремления сербского народа, стал его Давидом Сасунским». Туманян говорил о страданиях сербов под вековым турецким игом, о том, как храбрый Марко, а впоследствии сербские патриоты вышли в родные горы и объявили борьбу против поработителей родины. «В XVII веке, — писал Туманян, — Сербии как-то раз удалось освободиться от турок, но европейские государства снова уступили ее султану, и так продолжалось до последнего, окончательного освобождения, после русско-турецкой войны 1878 года... В силу того, что Россия раз и навсегда встала против турок и

наносила врагу тяжелые удары, и Россия вошла в сербский эпос».

В словах Туманяна сквозит глубокое сочувствие к сербскому народу, к его освободительной борьбе.

Переводы Туманяна и Цатуряна показывают идейную связь между двумя народами, столь близкими друг другу чертами своих исторических судеб.

Мужественная борьба сербов и болгар за свою свободу вызывала сочувствие в Армении. Вот почему поэт армянского народа, наряду с русскими былинами, питал глубокий интерес и к сербскому эпосу.

XIV

Общение Туманяна с русской культурой не ограничивалось его знакомством с классической литературой прошлого. Были у Туманяна и русские друзья, среди которых нужно особо отметить В. Г. Короленко и В. Я. Брюсова. К сожалению, в силу обстоятельств своей жизни, Туманян непосредственно мало общался с русскими писателями, однако и случайные, единичные встречи оставили в нем глубокий след и яркие воспоминания.

В годы, когда Брюсов работал над антологией армянской поэзии, он завязал близкое знакомство с армянскими писателями и учеными. Со многими из них деловые отношения превратились затем в дружеские. Подружился Брюсов и с Туманяном, с которым он познакомился на Кавказе.

Брюсов высоко ценил Ованеса Туманяна как поэта и как человека. «Верьте, — писал он Туманяну, — воспоминания о моей встрече с Вами остаются, — и всегда останутся, — в числе самых дорогих мне. Увы, не так часто приходится и мне встречаться в сей жизни с поэтом, в полном, прекрасном смысле этого слова... Верьте, что я неизменно люблю Вас, как исключительного художника и глубокого поэта».

Брюсов приехал в Тифлис в январе 1916 года. Тепло и радушно встретила русского поэта литературная общественность города. В эти дни редактор будущего сборника «Поэзия Армении» выступал с публичными лекциями об армянской поэзии. Среди организаторов этих выступлений был и Ованес Туманян. Голос русского поэта прозвучал в трудные для армянского народа дни. В приветственной речи на вечере в честь Брюсова, выразив публично искреннюю и глубокую благодарность участникам сборника, Туманян сказал:

«В дни, когда мы изнываем от национального угнетения, чувствуем себя беспомощными и слабыми, в эти дни приезжает к нам с далекого севера... русский поэт Валерий Брюсов и говорит о нашем величии, о морально-духовной силе армянского народа. Армянская поэзия, — говорит он, — свидетельство благородства армянского народа. — И действительно, в поэзии нашей звучат самые сокровенные и самые нежные чувства человеческого сердца. И даже сегодня — истерзанный, истекающий кровью армянский народ не повергнут в отчаянии ниц. Он тяжело ранен и погружен в глубокое горе, но творческий дух его ни на миг не ослабевает».

Заслуги Брюсова перед армянской литературой немаловажны. Русским читателям широко известен сборник «Поэзия Армении», изданный в 1916 году под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями В. Я. Брюсова. Этот сборник сыграл большую роль в деле популяризации в России лучших произведений армянской поэзии, в частности и творчества Ованеса Туманяна.

После большой подготовительной работы Брюсов предпринял путешествие по Кавказу и Армении, во время которого познакомился с древней страной, с жизнью ее народа, с интеллигенцией и установил дружеские связи со многими выдающимися учеными, писателями и общественными деятелями Армении. «Никакие внешние соображения не могли бы заставить меня, — или кого другого, — признавал Брюсов, — совершить весь этот труд, прочесть все эти книги, столько учиться и так углубиться в дело! Побудить к этому могло лишь одно: то, что в изучении Армении я нашел неиссякаемый источник высших, духовных радостей, что, как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении — целый самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник, я увидел в поэзии Армении — такой же самобытный мир красоты, новую, раньше неизвестную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества».

И если Брюсов вначале категорически отказался от редактирования сборника, то теперь, когда он углубился в изучение армянской поэзии, когда перед ним открылись ее богатства, работа над книгой превратилась для него «в заветное, страстно любимое дело».

Брюсов широко использовал личные связи, свой авторитет для того, чтобы привлечь к работе в качестве переводчиков лучшие поэтические силы России того времени.

Трудно переоценить значение большого, культурного дела, которое было осуществлено коллективом русских поэтов.

Политика самодержавной России основывалась на поощрении и провоцировании национальной розни, ненависти народов друг к другу. Царское правительство видело в этом средство борьбы с влиянием революционной мысли и нарастающим освободительным движением. В условиях старой России нелегко было осуществить большие культурные начинания, преследующие цель, с помощью литературного общения, объединить передовые силы народов в общей борьбе за лучшую жизнь.

Брюсов, искренне восхищаясь армянской поэзией, выражал удивление по поводу того, что русские писатели до сих пор не были знакомы с такой

богатой литературой. Туманян попытался объяснить причину этого, казавшегося русскому поэту удивительным, явления: «... до сегодняшнего дня, — говорил Туманян, — из России посылались к нам полицейские — ловить воров и негодяев. Они приезжали и находили воров, разбойников и негодяев. Посылали к нам прокуроров — разоблачать убийц и преступников... Но никогда не посылали из России поэтов искать на Кавказе поэзию. И вот... приезжает к нам русский поэт... И теперь пройдет по России слух, что на Кавказе у армян есть поэзия и поэты...»

Выход в свет сборника «Поэзия Армении» был значительным событием в литературной жизни Армении и России. В ноябре 1916 года издательство «Парус», которое возглавлял М. Горький, сообщало Брюсову: «Ваш великолепный армянский сборник возбудил чувство зависти и желания добиться такой же художественной высоты в наших сборниках».

Перед выходом сборника в свет Брюсов не без чувства внутреннего удовлетворения писал Туманяну: «Не буду упреждать события и не буду говорить о достоинствах книги, — да мне, как ее редактору и главному сотруднику, это не пристало. Но считаю себя вправе похвалиться одним достигнутым результатом: еще до выхода в свет книги, она возбудила в широких кругах русских читателей интерес к армянской поэзии...»

Туманян искренне радовался этому процессу взаимного общения двух народов и установлению между ними более тесной, идейной связи.

Издание антологии «Поэзия Армении» и «Сборника армянской литературы» (под редакцией М. Горького) в годы первой мировой войны стоило немалых трудов. Можно с полной уверенностью сказать, что если бы не инициатива и не огромные усилия М. Горького и В. Брюсова, вряд ли эти книги увидели свет.

У Туманяна были серьезные основания, чтобы горячо приветствовать появление сборника «Поэзия Армении». Благодаря этому изданию русские культурные круги впервые получали возможность познакомиться с лучшими образцами армянской поэзии.

Сборник открывался вступительным очерком Брюсова, в котором автор на широком историческом фоне намечал важнейшие этапы развития армянской поэзии.

Среди поэтических богатств Армении Брюсов прежде всего выделил устное творчество. «Народная армянская поэзия, — писал он, — принадлежит к числу наиболее замечательных среди всех, какие мне известны: немногие народы могут гордиться, что их народные песни достигают такого же художественного уровня, так изысканно пленительны, так оригинально самобытны, при всей их непосредственной простоте и

безыскусственной откровенности...» Армянские народные лирические песни, думки о любви и природе, характерными особенностями которых являются изысканность поэтического чувства, непосредственная чистота и цельность ощущений, мягкая элегичность, — эти песни своей простотой и совершенством пленили русского поэта.

Высокую оценку дал Брюсов средневековой армянской лирике, о которой он писал: «Сияющая всеми семью цветами радуги, переливающаяся блеском всех драгоценных камней, благоуханная, как полевые цветы и как изнеженные ароматы, то лепечущая, как лесной ручей, то рокочущая, как горный поток, знающая усадительные слова нежной любви и обжигающие речи торжествующей страсти, всегда стройная, гармоничная, умеющая подчинять части общему замыслу, — средневековая армянская лирика есть истинное торжество армянского духа во всемирной истории...»

В характеристике Брюсова упускались из виду социальные мотивы. Русский поэт не говорил о том, как в армянской лирике «все сильнее звучал, — как говорит А. Исаакян, — протест против созданного богом мира, против рока и смерти, глубокая, ненависть к несправедливому общественному строю, ропот крестьянина, насмешки над духовенством». Развитие армянской поэзии на протяжении многих веков показывает, как росла ненависть народа к своим угнетателям.

Туманян радовался и от души приветствовал Брюсова, благодаря блестящим переводам которого русский читатель впервые знакомился с поэтическими богатствами Армении, в частности и с песнями известного ашуга — поэта XVIII века Саят-Нова.

В литературных кругах, где Туманяну принадлежала роль руководителя и вдохновителя, Саят-Нова был всеобщим любимцем. Творчеству армянского народного певца посвящались специальные вечера, на которых с исполнением его песен выступал ашуг Азири^[75] со своим ансамблем. Туманян придавал огромное значение популяризации наследия Саят-Нова.

Брюсов не был первым переводчиком Саят-Нова. Еще задолго до него, в самом начале 50—60-х годов прошлого века, русский поэт Я. П. Полонский впервые обратил внимание на богатое поэтическое наследие Саят-Нова. Он, будучи в Тифлисе, поместил на страницах газеты «Кавказ» статью, в которой рассказал о жизни и песнях армянского ашуга: «Бедный армянин по происхождению, ткач по ремеслу, сазандар или певец по влечению души своей, гуляка в юности, отшельник в старости и, наконец, христианин, с крестом в руках убитый врагами веры на пороге церкви, —

вот кто был Саят-Нова».

Русский поэт правильно определил характер высокого дарования Саят-Нова, как «поэта чисто лирического». «Для своего века, — писал Полонский, — для Тифлиса, состарившегося под игом мусульманского владычества, Саят-Нова — исключение в высшей степени отрадное. Чувствуешь невольно, как этот человек должен был страдать, потому что был выше своих современников».

В 1851 году Полонский написал стихотворение «Саят-Нова», которое по существу представляло русскую вариацию мотивов армянского народного певца. Полонский смутно чувствовал, что нашел нечто значительное в поэзии, но не мог еще дать полную, разностороннюю оценку этому выдающемуся явлению. Да и как можно было ожидать такой оценки, когда только через год после статьи Полонского были впервые опубликованы в Москве Георгом Ахвердяном армянские песни Саят-Нова, до того известные только в исполнении сазандаров-ашугов?

Саят-Нова поднял искусство народного певца на небывалую высоту. «Мощью своего гения, — писал Брюсов, — он превратил ремесло народного певца в высокое призвание поэта». По его словам Саят-Нова принадлежит к числу тех «первоклассных поэтов, которые силою своего гения уже перестают быть достоянием отдельного народа, но становятся любимцами всего человечества». Оценки двух русских поэтов — Полонского и Брюсова — совпадают с тем, что о Саят-Нова говорил Туманян. «Кто слышал хоть раз его стихи, — писал армянский поэт, — понял и полюбил Саят-Нова, тот никогда его не забудет».

Лучшие переводы из Саят-Нова принадлежат Брюсову, сохранившему народный дух подлинника и своеобразие его языка:

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан^[49] ты для меня!
Наполненный живой водой, златой пинджан^[50] ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне — стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!..

Последняя энергичная строка звучит как клятва, в которой выражена идея бесконечной преданности и верности любимой.

Туманяна привлекал «благородный, печальный облик» певца любви. Образ Саят-Нова, называвшего себя в своих песнях «слугою народа», был близок и дорог армянскому поэту, которого он представлял с сазом в руках,

с пламенным сердцем в груди, огненным словом на устах, тихо и задумчиво проходящим по миру, воспевающим красоту своей возлюбленной, рассказывающим людям о горестях своего народа. В одном из экспромтов в альбом своей дочери, Туманян говорит о «бездонной боли и неутолимой жажде любви», сравнивая свою жизнь с судьбою Саят-Нова, любившего ярким, возвышенным, кристально чистым чувством и не нашедшего в сердце возлюбленной взаимности. Народный певец был несчастлив в личной жизни. Туманян говорил о его песнях: «Вот где стоны и истинные страдания отвергнутой любви». Армянский поэт называет Саят-Нова «вечно пламенеющей душой, благородным и большим сердцем». Освещая творческий путь Саят-Нова, преклоняясь перед народностью его песен, Туманян развивал свою излюбленную мысль о том, что поэт может творить только на родной земле. Она одна лишь способна дать силу и мощь поэтическому слову.

Туманян в своих статьях рассказывал о трагической судьбе знаменитого поэта-ашуга. В 1795 году, во времена нашествия Ага Магомет Хана в Грузию, Саят-Нова был убит на пороге церкви. О событиях этих бурных дней Туманян писал: «В конце XVIII века, когда русские перешли границу Грузии, печальные картины открывались их взору в этой прекрасной, но несчастной стране. И вот одна из этих картин: разоренный Тифлис, где среди трупов лежал в дверях крепостной церкви труп неизвестного духовного лица. Это был труп Саят-Нова... Он лежал с печатью гения на челе, с христианским крестом в руке, с кинжалом в благородном и великом сердце...» Вот почему Туманян писал о любимом поэте, о его печальном жизненном пути:

С пеньем пришел, —
Тенью ушел Саят-Нова.
Любя пришел,
Скорбя ушел Саят-Нова.
С лучом пришел,
С мечом ушел Саят-Нова.
И все ж нашел
Любви слова Саят-Нова.

(Пер. Т. Спендиарова)

Трагическая судьба Саят-Нова являлась для Туманяна символом жизни

и страданий армянского народа. «Армянская история, — писал он в 1915 году, в страшные дни армяно-турецкой резни, — была многовековой и бесконечной борьбой, чтобы отвести этот смертоносный кинжал, занесенный над народом, и лучшие его сыны обессилели и погибли в этой борьбе. И сегодня сыны армянского народа, примкнув к великому русскому народу, протягивают свои руки, чтобы вынуть меч из сердца великого Саят-Нова. Нужно знать Саят-Нова, нужно познакомить с ним мир, убедить, что нельзя оставить навеки этот меч в его сердце».

Особо дорог был Туманяну Саят-Нова еще и потому, что он видел в нем знаменосца дружбы и братства народов. Саят-Нова слагал и пел свои песни на армянском, грузинском и азербайджанском языках. 15 мая 1914 года в день открытия памятника Саят-Нова в Тифлисе прозвучала речь грузинского литератора Иосифа Имедашвили. Он рассказал, как в этот день, праздник весны и цветов, от Абасабадской площади до церкви шли тифлисцы всех национальностей, толпы почитателей народного певца, как несомненно звучали его песни в исполнении ашуг-сазандаров. Воспоминания Иосифа Гришашвили прибавляют еще одну подробность: все «по мысли Туманяна, явились со значками цвета алой розы — любимым цветком Саят-Нова».

Туманян был инициатором первого народного издания песен Саят-Нова. Ему принадлежат более пятнадцати статей о творчестве армянского поэта-ашуга, и благодаря ему Саят-Нова получил в свое время должную оценку и всеобщее признание.

В годы, когда Туманян страстно пропагандировал творчество народного певца XVIII века, В. Я. Брюсов выступал с публичными лекциями об армянской поэзии. 28 января 1916 года в Москве он заключил речь «О задачах грядущих поэтов Армении» следующими словами: «Сквозь черные тучи, столько раз заволакивавшие горизонты армянской истории, сквозь грозную и душную мглу, столько раз застилавшую жизнь армянского народа, победно пробивались и сияют поныне победные лучи его поэзии».

После неудачных попыток 1912 года Туманян не отказался от мысли организовать центр армянской науки, литературы и искусства. В июне 1917 г. состоялось, наконец, учредительное собрание научного общества «Айказян», которое, по мысли его инициаторов, должно было стать основой Армянской Академии и Университета.

Вопрос о материальной обеспеченности писателей, работников искусства и науки был предметом постоянных дум армянского поэта. «Я не ошибусь, — говорил он в беседе с С. Зорьяном, — если скажу, что каждый из армянских писателей умирал, оставляя лишь перечень задуманных им, но не осуществленных произведений, порою в борьбе за кусок хлеба... И наша литература до сих пор создавалась самопожертвованием писателей и усилиями отдельных личностей». При этом Туманян указывал на отсутствие организованной поддержки и помощи писателю. «Нет такого учреждения, — говорил он, — которое помогало бы писателю, давало бы силу его перу, чтобы он свои мечты, лучшие свои замыслы превратил в осязаемое, реальное дело».

Туманян боролся за создание условий для писателя-профессионала, который пишет свои произведения не урывками между делом, а целиком посвящает себя литературе, глубоко сознавая ее высокое назначение. При этом Туманян исходил из реального положения. Даже самые талантливые из армянских передовых писателей в то время не могли своими литературными занятиями обеспечить себе и своей семье сравнительно безбедное существование. Они вынуждены были прибегнуть к побочным заработкам, что им не всегда удавалось. Достаточно вспомнить трагическую судьбу Абовяна, тяжелую жизнь Прошяна, Агаяна, Цатуряна, Нар-Доса и других. Вот почему Туманян с таким энтузиазмом взялся за дело. Ему казалось, что осуществляется, наконец, его давнишнее желание, и с созданием научного общества будет разрешена одна из самых сложных и трудных проблем воспитания кадров профессиональных деятелей науки, литературы и искусства.

В августе 1917 года Туманян из Пятигорска написал пространное письмо ученому — лингвисту, ныне действительному члену Академии наук Армянской ССР Грация Ачаряну^[76], в котором он говорил о перспективах организации Академии, когда армянские ученые, литераторы и люди искусства получат, наконец, возможность целиком отдаться своему

любимому делу. Была составлена программа и принято решение с осени 1917 года открыть филологический факультет университета. Но когда возник вопрос о профессуре, о преподавательских кадрах, то оказалось, что нужных сил нет.

Мечты Туманяна об университете и Академии осуществились лишь после установления советской власти в Армении^[77].

В условиях первой мировой войны была прервана нормальная деятельность Кавказского товарищества армянских писателей. Но Туманян горячо взялся за другое дело. Он ездил на фронт, посещал раненых, бывал у беженцев, среди которых свирепствовал тиф. Подвергаясь опасности, Туманян организовывал помощь пострадавшим.

Началась новая полоса националистической реакции. Возникло армяно-азербайджанское столкновение, подогреваемое дашнаками. Как в дни событий 1905–1907 гг., так и на этот раз, Туманян, верный своим убеждениям, выступал с призывом не поддаваться провокациям агентов царизма. Однако не так легко было предотвратить братоубийственную войну. Туманян, как рассказывает об этом в своих воспоминаниях С. Зорьян, вернулся из поездки по армянским и азербайджанским деревням взволнованный и возмущенный действиями дашнакских подстрекателей.

Много работал Туманян в Патриотическом Союзе. В то время почти в каждом армянском уезде существовал Патриотический Союз — общественная организация, в задачу которой входила всемерная помощь пострадавшим от войны, главным образом беженцам. Помощь эта выражалась в сборе денежных средств, в ходатайствах и переговорах с различными учреждениями. Каждый союз действовал в одиночку и редко достигал цели. Тогда возникла идея слить все эти союзы в единую организацию, в 1918 году было создано Объединение Патриотических Союзов, председателем которого был избран Туманян.

Армянский поэт с огромным энтузиазмом отдался кипучей общественной деятельности. На заседаниях Объединения подробно обсуждалось положение на местах, вырабатывались конкретные практические мероприятия, осуществление которых ложилось большей частью на плечи председателя. Туманян искренне радовался, его добрые глаза светились мягкой улыбкой, когда приводились факты, подтверждавшие силу дружбы и любви между народами. Например, если азербайджанская семья спасала армянина или армяне благородно защищали азербайджанца, то поэт воодушевлялся, он с жаром говорил об особой миссии писателя в условиях Закавказья: «Мы и наши соседние народы, — утверждал он, — намного отравлены ядом шовинизма: нам

нужно избрать другой путь, и писатели в этом должны играть исключительную роль».

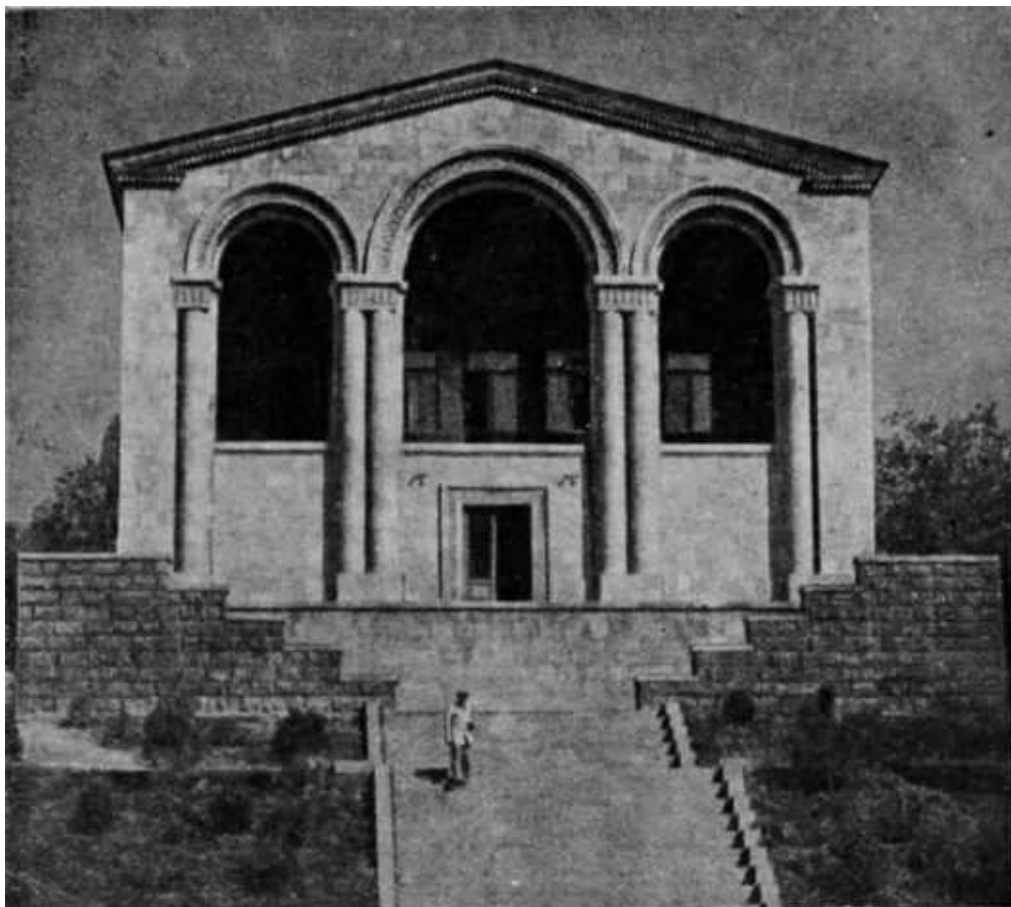
После февральской революции 1917 года в Закавказье создалась весьма сложная обстановка. Грузинские меньшевики, дашнаки и мусаватисты приветствовали захват власти Временным правительством и всецело поддерживали его. Они ставили перед собою цель: отвлечь широкие массы от непосредственных задач революционного движения, обмануть их.

Иосиф Виссарионович Сталин, характеризуя обстановку того времени, подчеркивал две особенности, которые не могли не сказаться на развитии пролетарской революции в Закавказье. Товарищ Сталин писал: «Из всех окраин Российской Федерации Закавказье, кажется, является самым характерным уголком в смысле богатства и разнообразия национального состава. Грузины и русские, армяне и азербайджанские татары, турки и лезгины, осетины и абхазцы, — такова далеко не полная картина национального разнообразия семимиллионного населения Закавказья.

Ни у одной из этих национальных групп нет резко очерченных границ национальной территории, все они живут чересполосно, попеременно между собой, и не только в городах, но и в деревнях. Этим, собственно, и объясняется, что общая борьба национальных групп Закавказья против центра в России сплошь и рядом заслоняется их ожесточённой борьбой между собой. А это создаёт весьма «удобную» обстановку для прикрытия классовой борьбы национальными флагами и побрякушками»^[51].

Дом-музей Туманяна в Ереване.

Второй особенностью товарищ Сталин считал экономическую отсталость всего края. «Если не считать Баку, — писал товарищ Сталин, — этот промышленный оазис края, движимый главным образом внешним капиталом, то Закавказье представляет аграрную страну с более или менее развитой торговой жизнью по краям, у берегов морей, и с крепкими еще остатками чисто крепостнического уклада в центре»^[52].

Характеристика товарища Сталина раскрывает конкретную обстановку, типичные особенности жизни края, те исключительно трудные и сложные условия, в которых в эти годы приходилось действовать большевистским организациям.

Как и в дни 1905–1907 гг., в авангарде революционных боев в Закавказье стоял бакинский пролетариат, который имел свою крепко сплоченную большевистскую партийную организацию, воспитанную И. В. Сталиным.

16 декабря 1917 года на заседании Совета Народных Комиссаров под

председательством Ленина было заслушано сообщение товарища Сталина «О Кавказе». На этом же заседании чрезвычайным Комиссаром по делам Кавказа «впредь до образования краевой Советской власти» был назначен Степан Шаумян.

В конце марта 1918 года бакинский пролетариат, преодолев сопротивление контрреволюционных сил, установил Советскую власть. В апреле того же года был образован Бакинский Совет Народных Комиссаров в составе С. Шаумяна, А. Джапаридзе, М. Азизбекова, И. Фиолетова и других товарищей.

Реакционные силы объединились для борьбы против Советской власти и Бакинской коммуны. Буржуазно-националистические партии, в страхе перед революцией, отдали Грузию и Армению на милость германо-турецким империалистам и открыли им путь в Азербайджан. Английские империалисты всерьез были встревожены возможностью захвата турками и немцами Закавказья и главным образом Баку. На Кавказе столкнулись интересы таких крупных империалистических держав, как Германия и Турция, с одной стороны, и Англия и Франция — с другой. Турецкие войска в конце июля 1918 года вплотную подошли к Баку. 16 июля контрреволюционные партии выступили на заседании Бакинского совета с требованием принять специальную резолюцию о приглашении англичан. Резолюция большинством голосов была отвергнута, однако объединившимся дашнакам, меньшевикам и эсерам удалось протащить свою резолюцию незначительным большинством голосов на следующем заседании Бакинского Совета 25 июля. Дашнаки, меньшевики и эсеры в своей агитации среди населения за приглашение англичан предательски использовали тяжелое положение на фронте, трудности с продовольствием и водой.

31 июля Бакинский Совет Народных Комиссаров сложил свои полномочия, а 4 августа в город вступили английские войска.

Ленин и Сталин напряженно продолжали следить за развитием событий. Но связь с бакинскими комиссарами была прервана.

В это время бакинские большевики, собравшиеся на партийную конференцию, принимают решение об эвакуации советских отрядов из города, находившегося во власти контрреволюционной «Диктатуры Центрокаспия» и англичан. На конференции было решено эвакуироваться в Астрахань с тем, чтобы продолжать борьбу с контрреволюцией и империалистами и подготовить восстановление в Закавказье власти Советов. Однако пароходы с советскими отрядами были задержаны военными кораблями «Диктатуры Центрокаспия» под командой англичан и

возвращены в Баку. 35 бакинских большевиков были брошены в тюрьму. 14 сентября, когда турецкие войска врываются в город, центрокаспийские «диктаторы» и англичане в панике бежали, и бакинским комиссарам с помощью оставшегося на свободе

А. И. Микояна удалось освободиться из тюрьмы. На пароходе «Туркмен» они добрались до Красноводска, но здесь снова попали в руки эсеров и англичан. 20 сентября 1918 г. ночью, недалеко от Красноводска, на глухом перегоне между станциями Перевал и Ахча-Куйма, на 207-й версте, 26 бакинских комиссаров были зверски растерзаны. Идейным вдохновителем этого злодейского убийства и непосредственным виновником был начальник штаба английских войск в Красноводске Тиг-Джонс.

Товарищ Сталин писал «... разве не ясно, что никогда Советская власть не расправлялась со своими противниками так низко и подло, как «цивилизованные» и «гуманные» англичане, что только империалистические людоеды, насквозь прогнившие и потерявшие всякий моральный облик, могут нуждаться в ночных убийствах и разбойничьих нападениях на безоружных политических работников противоположного лагеря?»^[53]

Что же происходило в эти грозные годы в Армении и Грузии? Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, 31 декабря 1917 года на страницах газеты «Правда» за подписью Народного Комиссара по делам национальностей товарища Сталина опубликовано было следующее обращение:

«Так называемая «Турецкая Армения» — единственная, кажется, страна, занятая Россией «по праву войны». Это тот самый «райский уголок», который долгие годы служил (и продолжает служить) предметом алчных дипломатических воцелений Запада и кровавых административных упражнений Востока. Погромы и резня армян, с одной стороны, фарисейское «заступничество» дипломатов всех стран, как прикрытие новой резни, с другой стороны, в результате же окровавленная, обманутая и закабалённая Армения, — кому не известны эти «обычные» картины дипломатического «художества» «цивилизованных» держав?

Сыны Армении, героические защитники своей родины, но далеко не дальновидные политики, не раз поддававшиеся обману со стороны хищников империалистической дипломатии, — не могут теперь не видеть, что старый путь дипломатических комбинаций не представляет пути освобождения Армении. Становится ясным, что путь освобождения угнетённых народов лежит через рабочую революцию, начатую в России в

октябре. Теперь ясно для всех, что судьбы народов России, особенно же судьбы армянского народа, тесно связаны с судьбами Октябрьской революции. Октябрьская революция разбила цепи национального угнетения. Она разорвала царские тайные договоры, сковывавшие народы по рукам и ногам. Она, и только она, сможет довести до конца дело освобождения народов России»^[54].

Совет Народных Комиссаров, за подписями В. И. Ленина и И. В. Сталина, опубликовал 31 декабря 1917 года на страницах газеты «Правда» специальный декрет о свободном самоопределении «турецкой Армении».

Однако националистическим партиям на Кавказе временно удалось захватить власть в свои руки. В ноябре 1917 г. в Тифлисе меньшевиками, эсерами, дашнаками и муссаватистами был образован Кавказский или Закавказский Комиссариат. Он просуществовал недолго, всего несколько месяцев, но принес много страдания и горя широким массам населения. Дашнаки, грузинские меньшевики и азербайджанские муссаватисты для того, чтобы расколоть силы революции и отвлечь внимание масс от грандиозных событий в России, искусственно разжигали национальную вражду между мирными народами.

«На Кавказе самый жестокий враг революции, — писал Шаумян в 1917 г., — всегда был национализм, который продолжает существовать и до сегодняшнего дня. Стихийный национализм азербайджанцев в 1905 г. привел к армяно-азербайджанской резне. Злой «шайтан» использовал существующий раздор между двумя народами и нанес смертельный удар революции 1905 г. на Кавказе».

Теперь повторилась та же коварная, злая игра. Реакционные националистические партии и на этот раз решили прибегнуть к тому же методу. Они начали сеять вражду между народами. Подняли голову темные силы реакции, появились открытые проповедники национализма: они отравляли сознание масс ядом шовинизма. И в это время, как и в дни событий 1905 года, Туманян был в первых рядах борцов против национальной вражды. Чтобы ослабить революционное движение на Кавказе, силы реакции провоцировали столкновения между народами, которые веками жили мирно бок о бок и боролись против общих врагов.

Туманян глубоко любил свой народ, с которым он был связан тысячами нитей. Ему было свойственно чувство национальной гордости и он был бесконечно предан своей многострадальной родине. «Нельзя быть интернационалистом в музыке, как и во всем, не будучи подлинным патриотом своей родины, — говорил товарищ Жданов на совещании работников советской музыки. — Если в основе интернационализма

положено уважение к другим народам, то нельзя быть интернационалистом, не уважая и не любя своего собственного народа».

Туманян умел уважать и ценить достоинство других народов. Всею душою он ненавидел национальную вражду и всех тех, кто ее разжигал, натравливая мусульман на христиан, грузин на армян.

Туманян знал и любил Грузию. Большую часть своей жизни он провел в Тифлисе. Армянский поэт был связан личной дружбой со многими деятелями грузинской культуры. В числе его друзей были поэт Иосиф Гришашвили, писатель Давид Клдиашвили, скульптор Яков Николадзе и многие другие. «Туманян, — говорит в своих воспоминаниях Гришашвили, — был близким другом многих грузинских писателей и общественных деятелей, был горячо любим нами...» По словам Гришашвили, «Туманян — один из любимых, популярных поэтов в Грузии и его важнейшие произведения вошли в учебники для средних школ». Двери дома армянского писателя были широко открыты перед всеми, кто способствовал укреплению братских отношений между народами Кавказа. «Мы, поэты Грузии, хорошо помним дом в Тифлисе, под Коджорской горой, — пишет Гришашвили, — в котором с замечательным радушием принимал своих друзей Туманян... Каждый раз мы уходили от него согретые его горячей, неиссякаемой верой в лучшие светлые дни. И каждый раз мы покидали его гостеприимный кров, обогащенные новыми сведениями о крае, о вековых узах, связывающих армянский и грузинский народ».

Туманян в своих статьях, в особенности в дни разгула националистической реакции, неоднократно возвращался к вопросу о взаимоотношениях между двумя народами. Он верил в их дружбу. Он пытался обосновать свои убеждения, прибегая к памятникам устного народного творчества Армении и Грузии, к истории их совместной борьбы против общих врагов. «В армянском эпосе всегда непоколебимо стоят рядом образы армянского богатыря Давида Сасунского и грузинского богатыря Георгия, где Давид приветствует Георгия, а Георгий принимает привет Давида; он предупреждает Давида о надвигающейся опасности, и ему безоговорочно верит Давид. Их мечи никогда не скрещиваются, и исключительно из-за любви и дружбы Давид едет в страну Георгия.

Вот вам выраженное мнение всего народа, поколениями укрепившаяся связь, навеки предначертанный путь. И кто сходит с этого пути, будь то армянин или грузин, — он изменяет духу своего племени».

Туманян говорил о дружбе, издревле связывающей эти два народа, о вековом опыте их жизни, пройденном вместе историческом пути:

«Они вместе изобрели свои письмена, — писал армянский поэт, — вместе создали свою духовную и светскую литературу, науку. Они вместе приняли христианство и вместе же веками страдали из-за него... Они вместе мучились, вместе боролись за свое будущее и вместе призвали русских в нашу страну. Они всегда действовали сообща».

18 декабря 1919 г. Туманян как председатель Совета Объединения Патриотических Союзов созвал чрезвычайное заседание, где были приняты решения о немедленном прекращении братоубийственной войны между грузинами и армянами. В решении говорилось: «Нет и не может быть между этими двумя родственными народами ни одного вопроса, который невозможно было бы разрешить мирным путем...» События 1919 года на Кавказе расценивались в решении как «небывалое в истории этих двух братских народов нарушение совместного сосуществования, равносильное совершению преступления против совести этих народов». Туманян верил в добрые чувства народов. «Решения и действия народов, — говорил он, — имеют больше ценности, чем решения и действия их правительств. Правительства — временные и меняются, а народы — неизменные, вечные».

В 1919 году на страницах газеты «Кавказское слово» были напечатаны открытые письма грузинского литератора и публициста Л. Кипиани к Туманяну, в которых автор просил указать пути сближения и создания нормальных дружественных отношений между армянами и грузинами. Туманян в своих «Ответах Левану Кипиани» выражал уверенность в том, что вражду и нетерпимость между народами, в частности между грузинами и армянами, искусственно создают «политики и правители», что «чувства любви и братства естественны, и они гораздо сильнее, чем это думают». Туманян предлагал взглянуть на жизнь простого народа, где отношения более справедливы и разумны. В подтверждение своей мысли он ссылался на конкретный пример из недавней истории армяно-грузинского столкновения:

«В Лорийском ущелье есть мост. На одном конце моста был поставлен на страже воин-армянин, на другом — грузин. Оба они с винтовками на плечах упорно следили друг за другом. Оказывается — они были товарищами, вместе годами воевали, вместе страдали, вместе радовались, вместе ели и пили. Теперь их привели и поставили друг против друга, как врагов. Однако, улучив минуту, они попросили находящихся вблизи сельчан узнать, нет ли поблизости начальства и не подсматривает ли кто за ними. Когда они узнали, что нет, то подбежали друг к другу, обнялись, поцеловались и, отбежав назад, вновь заняли свои места».

В чем же видел Туманян источник взаимного недоверия, столкновений, вражды между народами, в частности между народами Кавказа? Они, по утверждению армянского писателя, жили бы спокойно и мирно, если бы господствовавшие классы не отравляли сознания масс. Туманян был глубоко убежден, что национализм не только антинародное явление, но что он вообще чужд широким массам. «Это и помогает им, — писал Туманян, — противостоять тем ядам, которые вспрыскивают в их измученный организм всевозможные правители и руководители. Я вам скажу больше. Не только! в наших двух народах силен и жив этот спасительный дух и эти чувства, но и вообще в народах. Возьмите татар и армян. Я могу вам рассказать такие трогательные эпизоды, характеризующие взаимоотношения татар и армян, поведать о таких сердечных проявлениях чувств с обеих сторон, что вы удивитесь. И это в то время, когда всячески поощряются и восхваляются злоба и резня, а добро преследуется и запрещается под угрозой смерти». И неудивительно, что в страшные дни господства на Кавказе буржуазно-националистических партий Туманяна посещали представители не только армянской и грузинской передовой интеллигенции, но и азербайджанской. Они советовались: как быть, что делать, чтобы добиться спокойной и мирной жизни.

Туманян подробно разъяснял, что причину разгула националистической реакции нужно искать в политике имущих классов и их партий, в политике самодержавия. «Устрашенная призраком революции, — писал он о событиях 1905 года, — российская бюрократия задумала жестокую игру, желая разъединить народы и тем отвлечь их внимание». Эти слова показывают, как глубоко и правильно понимал Туманян сущность происходящих в Закавказье событий.

В то время как в Грузии, Армении, Азербайджане хозяйничали буржуазно-националистические партии, когда подняли голову силы реакции, подстрекаемые и поддерживаемые английской интервенцией, Туманян указывал на единственно правильный путь — солидарность народов Кавказа с новой Россией в великой освободительной войне.

Когда вспыхнула заря Великой Октябрьской социалистической революции и русский народ поднялся на решительную битву за свободу, армянский поэт призывал все народы «крепко, в меру своих сил, помогать только что вставшему на ноги русскому богатырю».

После Октябрьской революции в идейном развитии Туманяна наступает новый этап, когда он освобождается от всяких колебаний, временных настроений, раз и навсегда все свои надежды и чаяния на

лучшее будущее, осуществление своих идеалов связывает с революцией, ее победоносным движением.

«Дружба между мной и большевиками от Москвы и до Еревана тесная, — писал Туманян в 1920 году после того, как Армения стала советской. — Я обратился с письмом в ревком и к Ленину, конечно, имея в виду общие интересы. С большинством членов ревкома я знаком лично, очень хорошие люди».

В 1919 году многонациональный Кавказ, следуя примеру великого русского народа, поднял знамя борьбы за власть Советов. Туманян горячо приветствует эту борьбу. В стихотворении «Поэтам Грузии» он предвещает рассвет новой жизни:

Над рубежом былых годин —
Заря грядущих дней.
Споем же вместе, как один,
Гимн ликования ей!

Да будет песня та светла,
И громок перелив, —
Да заглушает голос зла
Во всех углах земли.

И пусть, Кавказ, твои сыны
На голос наших лир
Справлять сойдутся с вышины
Многоязычный пир!

Эй, брат и друг, сестра и мать,
И с нами кяманча, —
Сзывайте всех — и стар, и млад,
Тот новый день встречать!

(Пер. М. Шагинян)

Туманян был активным и последовательным поборником идеи дружбы народов. В своей долголетней общественной деятельности он всеми силами и средствами стремился укрепить нормальные, дружественные отношения между народами Кавказа. «Есть одно великое дело, — писал

Туманян, — это хорошие отношения между народами».

Вопросу о дружбе и мире между народами Туманян посвятил много статей. В письме к одному из молодых поэтов Грузии Туманян писал: «Каждый из нас должен любить свободу своего соседа и трудиться во имя ее, ясно сознавая ту вечную истину, что счастье одного обуславливается счастьем другого».

В 1919 году Туманян задумал создать книгу, в которой были бы собраны факты, свидетельствующие о традиционном чувстве дружбы и любви между народами. На страницах русских и армянских газет в Тифлисе он напечатал объявление следующего содержания:

«И во время армяно-азербайджанских столкновений 1905–1906 гг., и во время последней большой войны было много случаев, когда армянин защищал азербайджанца, азербайджанец — армянина, показывая высокий образец гуманизма, даже иногда подвергая опасности свою жизнь.

Я собираю историю этих событий и этим письмом прошу всех армян, азербайджанцев и других, кому известны подобные факты, пусть потрудятся сообщить, что известно им, с указанием времени и места, подписать и направить мне по адресу: Тифлис, Вознесенская улица, 18, Ованесу Туманяну».

В марте 1919 года, в дни разгула меньшевистской реакции, литературная общественность Тифлиса отмечала пятидесятилетие со дня рождения Туманяна. Юбилей поэта не носил официальный характер. Народ чествовал своего любимого писателя, выражая протест против гнусной националистической политики меньшевиков.

В день юбилея, рано утром первым посетил Туманяна один из его близких друзей — Ширванзаде. Грустным и задумчивым встретил его поэт. Он был поглощен печальными думами о погибшем сыне. Обняв друга, со слезами на глазах Туманян сказал: «Ширван у тебя тоже отцовское горе, ты должен понять меня лучше, чем кто-либо другой...» Затем Туманян говорил о сыне, ставшем жертвой империалистической войны, говорил о том, что он готов лишиться всего, лишь бы вернули ему потерянного сына, которого он любил со всей силой своей нежной поэтической души.

Юбилейные торжества длились более месяца. Школьники с букетами цветов большими группами собирались на Вознесенской улице у дома поэта, шумно и горячо приветствовали его. Целый цикл литературных вечеров и докладов были посвящены творчеству Туманяна.

Вспоминая события 1919 года, известный грузинский писатель драматург Шалва Дадияни писал о Туманяне: «Он проявлял великую веру и непоколебимость души, когда дело касалось волнующих его жгучих

вопросов. Каковы же были эти вопросы? Поэзия и дружба народов. Сколько нежности, сколько любвеобильной сердечной боли было в его словах... История доказала, насколько правильно чувствовал и мыслил Туманян... Наша эпоха основала союз братства народов. Грузия и Армения также вошли в эту братскую семью».

Туманян смотрел на новую революционную Россию со светлой надеждой. «Только Россия нас спасет!» — писал он в ноябре 1920 года. Он верил в русский народ и особо подчеркивал его освободительную миссию в отношении малых угнетенных народов. Он знал цену «дружбы» империалистических государств Европы. В этом важном, решающем вопросе о будущих судьбах Армении Туманян продолжал славные традиции передовых деятелей армянской литературы.

Первыми армянскими деятелями, с огромной страстностью пропагандировавшими идею дружбы с великим русским народом, были Абовян, тесно связанный с передовой русской литературой и демократ-революционер Микаел Налбандян. Вслед за ними все прогрессивные писатели и общественные деятели Армении считали, что путь к счастливой жизни лежит через сближение и дружбу с великим русским народом. Эту истину понимал и Туманян, и он приветствовал новую Россию, в которой видел единственную верную защитницу интересов малых народов.

В первые годы революции, узнав, что в некоторых губерниях России свирепствует голод и что «есть в Европе люди, которые радуются по поводу этого величайшего бедствия, рассчитывая на то, что этим путем ослабнет советская власть в России», Туманян написал гневную статью «Страшнее голода», где ясно выразил мысль о том, что звериные нравы, алчность и ненасытность империалистических держав страшнее голода. Туманян без колебаний встал на сторону восставших народов революционной России.

В начале 1920 года Красная Армия освободила Северный Кавказ и Дагестан. В ночь с 27 на 28 апреля бакинский пролетариат, а вслед за ним и весь азербайджанский народ, подняли знамя борьбы против интервентов и их прислужников. На помощь к восставшим, по указанию В. И. Ленина и И. В. Сталина, пришла 11-я армия, возглавляемая товарищами Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кировым и А. И. Микояном. 28 апреля 1920 года Азербайджан был провозглашен Советской Социалистической Республикой.

Армения к этому времени в результате хозяйничанья дашнаков оказалась в крайне тяжелом положении. Своей преступной политикой дашнаки довели страну до крайней нищеты. Города были разорены,

деревни опустошены, повсюду царили разруха и голод. На улицах Еревана валялись трупы умерших от голода. Даже дашнакская газета вынуждена была признать: «Положение армянского народа никогда не было столь отчаянным и безвыходным, как сегодня. В Армении царит повальная смертность, голод охватил всю страну...»

С 1913 по 1920 Год население Армении сократилось более чем на триста тысяч человек. В мае 1920 года вспыхнуло восстание, однако дашнакскому правительству с помощью интервентов удалось его подавить и жестоко расправиться с инициаторами всенародного движения. Но дни господства дашнаков, предавших страну огню и мечу, были сочтены. На помощь Армении пришла великая Советская Россия, которая принесла армянскому народу спасение. 29 ноября 1920 года Армения стала Советской Республикой.

Несмотря на свою обреченность, дашнаки не успокаивались. В начале 1921 года произошла так называемая «февральская авантюра». В стране еще бушевала гражданская война. Вокруг Еревана шли бои, в городе свирепствовал дашнакский «Комитет спасения». И вот вдруг, в тишине холодного вечера, как рассказывает С. Зорьян, раздается звук колокольчиков и по главной улице несутся сани. В них сидит человек в мохнатой папахе, из-под которой виднеется «знакомый профиль с маленькой белой бородкой». Зорьян узнает Туманяна, но не верит своим глазам. Как он оказался здесь, как прорвался через линию фронта, через Делижанское ущелье? Позже выяснилось, что Туманян, по предложению Тифлисского Революционного Комитета, в частности товарища Орджоникидзе, и по своему собственному желанию, подвергая свою жизнь опасности, перешел линию огня, приехал в Ереван с целью убедить безумных авантюристов прекратить бессмысленное кровопролитие, сложить оружие и немедленно передать власть Революционному Комитету Армении.

Дашнаки не послушали Туманяна, но вскоре Красная Армия и армянский народ решительно и навсегда убрали всю эту нечисть и в Армении установлена власть Советов.

В декларации Революционного Комитета Армении от 29 ноября 1920 года говорилось: «Волею восставших трудовых масс Армении, возглавляемых коммунистической партией, мы объявляем Армению Социалистической Советской Республикой. Отныне красное знамя Советской Армении призвано оградить ее трудовой народ от векового ига угнетателей».

2 декабря 1920 года В. И. Ленин приветствовал «освобожденную от

гнета империализма трудовую Советскую Армению».

На великие исторические события в жизни армянского народа товарищ Сталин отозвался статьей на страницах «Правды». «Армения, — писал товарищ Сталин, — измученная и многострадальная, отданная милостью Антанты и дашнаков на голод, разорение и беженство, — эта обманутая всеми «друзьями» Армения ныне обрела своё избавление в том, что объявила себя советской страной...Только идея Советской власти принесла Армении мир и возможность национального обновления»^[55].

Туманян обратился с приветствием к Революционному Комитету Армении. Поэт всегда верил в возрождение своей страны. Еще в 1915 году он ощущал дыхание грядущих бурь и воспевал светлый час освобождения родины:

В одеждах пламенных придет заря грядущих дней,
И будут сонмы светлых душ — как блеск ее лучей.
И жизни радостной лучи улыбкой озарят
Верхи до неба вставших гор, священный Арарат...

Туманян стал свидетелем тех исторических дней, когда освобожденный русский народ протянул Армении братскую руку помощи, и она стала Советской Социалистической Республикой.

В середине января 1921 года поднялось на борьбу за власть Советов население районов, лежащих между Арменией и Грузией. Восстание вскоре охватило всю Грузию. На помощь народным массам двигалась 11-я армия. 25 апреля 1921 года, товарищ Орджоникидзе послал на имя В. И. Ленина и И. В. Сталина телеграмму: «Реет над Тифлисом красное Знамя Советской власти. Да здравствует Советская Грузия!». В жизни народов Закавказья началась новая эпоха мирного созидательного труда, строительства социализма.

После того как все Закавказье стало советским, Туманян с огромным энтузиазмом строил новые планы, мечтая об осуществлении многих своих замыслов. Только теперь была создана твердая основа для плодотворной общественной деятельности. Через несколько месяцев после того, как Грузия стала советской, летом 1921 года, по инициативе Туманяна в Тифлисе был организован Дом армянского искусства. В это время Туманян был уже тяжело болен.

14 июля его пригласили на вечер грузинской поэзии. В ответе на это приглашение больной поэт писал грузинским поэтам: «Всей душой желаю,

чтобы было дано вам видеть счастье Грузии и возможность воспевания ее светлых дней».

Когда участники вечера узнали, что Туманян болен и не может присутствовать в зале, кто-то грустно сказал: «Печально! Очень печально!», но затем кто-то еще сказал несколько горячих слов о Туманяне и раздались бурные, долго несмолкавшие аплодисменты в честь поэта.

Осенью, по приглашению правительства Советской Армении, с группой литераторов Туманян уехал в Ереван с горячим желанием принять непосредственное участие в строительстве новой жизни. По пути обратно в Тифлис последний раз поэт проезжал через Лорийское ущелье, освещенное прощальными лучами заходящего солнца. Тихо и задумчиво смотрел Туманян на знакомые, бесконечно дорогие сердцу картины, последний раз вдыхая освежающий воздух родного края. По возвращении в Тифлис, Туманян получил приглашение по делам Комитета помощи Армении, председателем которого состоял, уехать в Константинополь. Поэт вернулся из заграничной поездки совершенно разбитым и больным. Более двух лет он был прикован к постели. В это время он взялся за переработку некоторых своих произведений, его занимали и новые темы, наконец он мечтал вернуться к своей сказочной поэме «Тысячеголосый соловей». Однако тяжкая болезнь помешала осуществлению широких творческих замыслов.

После операции, в марте 1922 года, состояние Туманяна на некоторое время улучшилось, но ненадолго. Осенью ему стало хуже. В декабре, по решению правительства Советской Армении, он отправился за границу на лечение.

В один из холодных декабрьских дней, на вокзале московские друзья встретили тяжело больного поэта. При непосредственном содействии Народного Комиссариата просвещения была оказана Туманяну необходимая медицинская помощь. После предварительного тщательного обследования, Туманян был помещен в университетскую клинику, на Воронцовом поле. Он лежал в светлой просторной палате. Состояние его было весьма тяжелым. Авторитетный консилиум, в котором участвовали виднейшие врачи столицы, решил больного оставить в Москве. Были приложены все усилия, чтобы вернуть поэта к жизни, но было уже поздно... 23 марта 1923 года Туманян скончался.

13 апреля поезд с телом поэта прибыл в Тифлис. На вокзале его встречали представители общественности города, здесь были русские и армяне, грузины и азербайджанцы, — друзья пришли отдать последний долг любимому поэту.

В траурной процессии, — как пишет об этом в своих воспоминаниях Гарегин Левонян, — за гробом поэта шли Г. К. Орджоникидзе, А. Ф. Мясникян и многие другие, пришедшие отдать свой последний долг, склонить свою голову перед прахом народного певца.

Туманяна похоронили рядом с Агаяном, на Ходживанском кладбище.

Один из популярных поэтов современной Грузии Иосиф Гришашвили, который был в числе друзей Туманяна и которому принадлежат блестящие переводы его произведений на грузинский язык, свое стихотворение «На смерть Ованеса Туманяна» закончил словами:

...Ушел ты!.. За тобой уйдет бывшее наше...
Нет, вечно будет жить... нет, не уйдет оно!
И небо в облаках свежей заблещет, краше,
Твоей улыбкою навек озарено.

И солнце колосом преклонится к закату,
Раздвинет пред тобой завесу мир иной,
И встретят у ворот бессмертного собрата
Гомер, Фирдоуси и Руставели мой.

(Пер. П. Карабан)

...Сохранились беседы поэта, в последние месяцы его жизни, записанные дочерью. Ованес Туманян часто вспоминал Пушкина и говорил о том, что поэт может жить и творить только в своей стране. Он рассказывал о том, как на него подействовало описание похорон Пушкина: «Снежное поле, одинокие сани с гробом, — и ямщик не знает, кого везет, гонит лошадей...» Туманян мечтал скорее поправиться, чтобы всецело отдаться строительству новой жизни, новой культуры. «Мои лучшие дни теперь должны начаться», — говорил он. Последние слова поэта, сказанные им за четыре дня до смерти, были обращены к родине: «Я желал бы только одного, — чтобы начатое дело продолжали и довели до победного конца... Болезнь помешала. Многого не успел я сделать для нашего народа. Вы теперь продолжайте трудиться для счастья родины!».

Туманян — слава и гордость армянской литературы. В своих произведениях он показал ненависть трудовых масс к царям, тиранам, ко всем угнетателям народа. У армянского поэта была непоколебимая вера в народ, в его созидательную силу, в его способность отстоять правое дело борьбы за справедливые основы жизни.

Армянскую патриотическую и демократическую поэзию Туманян поднял на новую ступень. Следуя за Абовяном, он превратил литературу в общенациональное дело, борясь за то, чтобы писатели сознавали свое высокое назначение выразителей народных дум и чаяний.

Сила Туманяна в его народности, широте охвата и знании действительности. Он был всегда верен жизненной правде. Он умел из богатого устного творчества народа, выражаясь языком В. Г. Белинского, «извлечь дивную поэму, наполовину фантастическую, наполовину фактически-положительную, и в обоих случаях удивительно верную поэтической действительности».

Любимые герои Туманяна: деревенская девочка Маро, бедняк Амбо, мальчик Гикор, пахарь, крестьянская девушка Ануш, пастух Саро и многие другие — все они живые народные типы, среди которых возвышается борец за свободу и счастье родины, за торжество справедливости — могучий Давид Сасунский. Поэт воспел лучшие черты народного характера: любовь к вольной жизни, смелость и отвагу, искренние и сильные чувства, глубокую человечность.

Большинство героев Туманяна — жертвы старого мира. Они ищут выхода из окружающего их мрака, ищут счастья в условиях несправедливого социального строя и национального угнетения. Они гибнут в этой неравной борьбе.

В Октябрьской революции Туманян увидел осуществление своих демократических идеалов. Он горячо приветствовал новую Россию, которая навсегда покончила с миром рабства и указала угнетенным народам путь к освобождению. «Малые страны, — писал поэт в 1920 году, обращаясь в Революционный Комитет Армении, — это источник наживы для алчных, бесстыдных и могучих империалистических держав. Новая Россия выводит эти страны из рабского состояния, открывает новую эру в истории человечества...»

Туманян осознал всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции.

Освобожденный народ высоко чтит память поэта. Имя Туманяна дорого всем народам Советского Союза. Чувства людей страны социализма, их мысли о народном писателе Армении ярко выражены в

стихотворении «Памяти Ованеса Туманяна» грузинского поэта Александра Абашели:

Любимый Ованес! На нашей саламури^[56]
Написано твое волнующее имя.
Ты наших чувств воспел спокойствие и бури
И радовал нас песнями своими.

Когда б ты видеть мог, как бурно, непокорно
Взошли на братских, пышных наших нивах
Твоей поэзии посеянные зерна,
Крупницы чистых мыслей и порывов!

Когда душил нас старый мир проклятый
И горе мы тяжелое терпели,
Ты с нами был, чувств дружеских глашатай,
Любимый брат питомцев Руставели!

И образ ясный твой, надеждою овевая
И освещен твоей горячей верой,
Светил в пути, теплом нам сердце грея,
Всегда лучистый, ласковый без меры.

И ныне, словно свет, что сумрак рассекает,
Оно средь нас, любимое, родное,
Твое лицо — улыбкою сверкает,
Такое близкое, такое дорогое!

(Пер. Б. Серебряков)

Произведения Туманяна входят в художественную сокровищницу многонационального советского народа. Они получили всеобщее признание и достойную оценку лишь в наши дни. Крупнейший поэт Советской Украины Павло Тычина говорит: «Как высоки горы Армении, так же высок моральный облик Ованеса Туманяна. Как глубоки озера Армении, — так же глубоки мысли Ованеса Туманяна... Какая счастливая Армения, что родила истинного гуманиста! Какой счастливый народ, что воспитал такое сердце! И сердце, и волю, и мысль. Ованес Туманян одним

из первых приветствовал советскую власть.

И сегодня, в Сталинскую эпоху, советская власть еще выше поднимает наследство его. Пусть знает весь мир, что мы безгранично культурой могучи и богаты! Пусть звезды мировой поэзии смотрят в творческие воды армянского гения!»

Неувядаемая поэзия Туманяна продолжает и ныне служить советскому народу, его великому созидательному труду, его неуклонной борьбе за мир и дружбу народов.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ОВ. ТУМАНЯНА

1869, февраль (19 по нов. ст.). В деревне Дсех Дорийского района Армении родился Ованес Туманян.

1877–1879. Учился грамоте в школе дьячка Саака.

1879, сентябрь. Поступил в школу Т. Тер-Давтяна в Джалалоглы (ныне Степанаван).

1881, март. Написал первое стихотворение.

1883, лето. Не окончив школы Тер-Давтяна, вернулся в деревню.

1883, сентябрь. Поступил во второй класс Нерсисянского духовного училища в Тифлисе.

1886. По недостатку средств, не окончив курса, оставил училище. Написаны легенды «Пес и Кот» и «Злосчастные купцы».

1887, август. Поступил писарем в Тифлисскую духовную консисторию.

1887, лето. Написаны: поэма «Маро», легенда «Солнце и Луна», стихотворения «Песня пахаря» и «Старинное благословение».

1888. Женился на ученице Тифлисской женской гимназии Ольге Мачкалян.

1889. Написана поэма «Сако Дорийский». Начало знакомства и дружбы с Газаросом Агаяном.

1890, сентябрь. На страницах детского журнала «Агбюр» («Родник») появилось первое печатное произведение Туманяна — легенда «Солнце и Луна».

1890. Написаны отрывки из поэмы «Стоны» и первоначальный вариант лирической поэмы «Ануш».

1890, октябрь. В Москве издан первый сборник стихотворений и поэм Туманяна.

1891. Знакомится с издателем журнала «Мурч» («Молот») Ф. Вартазаряном, вскоре ставшим одним из его ближайших друзей.

1892, март. Оставляет службу в консистории.

1892. В Москве издается второй сборник стихотворений и поэм Туманяна.

1894, лето. Совершает путешествие в Лорийский и Борчалинский районы. Ближе знакомится с положением крестьянства. Изучает фольклор. Пишет статью «В Борчалу».

1894, октябрь 8. Переводит стихотворение Некрасова «Внимая ужасам войны...»

1894–1896. Работа над историческими драмами из прошлого Армении.

1895. Переводит отрывки из первой песни «Чайльд-Гарольда» и стихотворение «Инесе» Байрона.

1895. Пишет рассказ «Гикор».

1895, лето. Начинает собирать варианты народной сказки «Тысячеголосый соловей».

1895, лето. Переводит поэму Лермонтова «Мцыри».

1896. В Тифлисе изданы отдельными книжками «Сако Лорийский и перевод «Мцыри».

1896. Переводит «Шильонский узник» Байрона.

1898. Пишет легенды «Проклятая невестка» и «Погос и Петрос».

1898. Умер отец Туманяна тер-Татевос.

1899, сентябрь 26. Переводит стихотворение Кольцова «Раздумье селянина».

1899. Переводит «Песнь о вещем Олеге» и «Утопленник» Пушкина.

1901. Пишет сатирическую поэму «Поэт и муза».

1902, июль — август. Вместе с Агаяном проводит лето в Белом Ключе, недалеко от Тифлиса.

1902, сентябрь — декабрь. В Абастумани заканчивает поэму «Давид Сасунский». Пишет поэму «Взятие крепости Тмук», легенду «Парвана». Перерабатывает первоначальный текст поэмы «Ануш».

1903, апрель. По предложению Ст. Шаумяна переводит для первомайской революционной листовки отрывок из оды Пушкина «Вольность».

1903, октябрь. В Тифлисе издается однотомник произведений.

1904, лето. С увлечением читает статьи Белинского.

1904. Отдельным изданием выходит в Тифлисе поэма «Давид Сасунский».

1905, сентябрь. В Тифлисе под редакцией Ст. Лисицына выходит первый номер детского журнала «Аскер» («Колосья»), в котором Туманян принимал деятельное участие.

1905. Пишет сказку в стихах «Братец-барашек».

1905–1906. Объезжает с белым флагом деревни Борчалинского, Газахского и Лорийского уездов, убеждая армян и азербайджанцев не

поддаваться провокации и сохранять между собою мирные, добрососедские отношения.

1906. Переводит «Валашскую легенду» М. Горького.

1907. Переводит первую главу «Песни о Гайавате» Лонгфелло.

1907, июль 18. Выступает с публичным докладом на тему: «Жизнь и литература».

1907. В Тифлисе отдельным изданием выходит рассказ «Гикор».

1907. Вместе с Ст. Лисицяном начинает издавать учебник «Лусабер» («Светоч»).

1907. Пишет стихи для детей: «На рассвете», «Утро», «Птичка», «Туча и гора», «Зеленый братец», «Плуг», «Жаворонок» и др. Сказки: «Бесхвостая лиса», «Козленок», «Лжец» и др.

1908, лето. Совершает путешествие по Военно-Грузинской дороге.

1908. Вместе с Агаяном и Папазяном издает хрестоматию «Армянские писатели» в двух томах.

1908. Пишет стихотворения для детей. «Осень», «Первый снег», «Жалоба котенка», «Март», и др., сказки: «Храбрый Назар», «Хозяин и работник», «Конец зла», «Говорящая рыба». Переводит русскую былинку «Илья Муромец».

1908. Встреча с композитором Комитасом. Начало работы Комитаса над оперой «Ануш».

1908. В Баку издан сборник стихотворений Туманяна.

1908–1915. Отдельными книжками, с иллюстрациями Г. Ерипяна, изданы сказки и легенды для детей. («Братец-барашек», «Пес и Кот», «Злосчастные купцы» и др., всего около 15 выпусков).

1908, декабрь, 24. Арестован и посажен в Метехскую крепость.

1909, февраль. В тюрьме пишет стихотворение «Перевал» и сатирическую сказку в стихах «Капля меда».

1909, июнь, 13. Освобожден из тюрьмы.

1909. Пишет рассказ «Олень», переводит стихотворение Пушкина «Зимний вечер».

1909, август 5. В газете «Мшак» («Труженик») напечатана полемическая статья «Окололитературные ничтожества в роли критиков».

1910, ноябрь, 9. Написана статья «Памяти Л. Н. Толстого».

1911, июнь 21. Умер учитель и друг Туманяна Газарос Агаян.

1911, ноябрь 7. Арестован и после месячного пребывания в Метехской крепости отправлен в Петербург.

1911, декабрь—1912, март. Находится в доме предварительного заключения, камера № 121.

- 1912, март. Освобожден из тюрьмы. Встреча с В. Г. Короленко.
- 1912, апрель. Возвращение в Тифлис. Создание Кавказского Товарищества армянских писателей. Избран председателем правления Товарищества.
- 1913, май 25. Пишет статью «О характере песен Саят-Нова».
1913. Переводит русскую былинку «Святогор».
- 1914, май. Речь на торжественном открытии памятника Саят-Нова.
- 1914, октябрь 2. Пишет статью «Великий приемный сын Кавказа» (К 100-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова).
- 1914–1915. Две поездки в действующую армию.
- 1915–1916. Переводы из сербского эпоса.
- 1916, январь 13. Речь на вечере встречи с В. Я. Брюсовым.
- 1916, март 31. Пишет статью «Памяти Налбандяна».
- 1916, июль 26. Пишет статью «Два слова о сербском народном эпосе».
1916. В Тифлисе издаются отдельной книжкой его переводы русских сказок («Василиса Прекрасная» и «Аленький цветочек»).
1916. Принимает деятельное участие в работе музыкального, драматического, исторического, этнографического обществ и Союза художников.
- 1916, ноябрь 23. Публичный доклад на тему «Проблемы армянского литературного языка».
- 1916–1922. Пишет «Четверостишия» («Рубаи»),
- 1917, март 7. Пишет статью «Освобождение богатыря» (о февральской революции в России).
- 1917, июнь. Открывает организационное собрание общества «Айкарян».
- 1917–1918. Возглавляет «Объединение Патриотических Союзов», «Общество помощи пострадавшим от войны», «Общество помощи беженцам» и др.
- 1919, февраль. Литературная общественность Тифлиса отмечает 50-летие со дня рождения Туманяна.
1920. Пишет статью «Светлые страницы» (о дружбе народов Кавказа), статьи об армянском эпосе.
- 1920, декабрь 18. Пишет письмо в Революционный Комитет Армении о значении Великой Октябрьской социалистической революции для жизни и культуры народов бывшей царской России.
- 1921, осень. Из Тифлиса приезжает в Армению с горячим желанием принять участие в строительстве молодой республики.
- 1921–1922. Болезнь Туманяна.

1922, осень. Больного Туманяна перевозят в Москву.

1923, март 23. Смерть Туманяна.

15 апреля. Туманян похоронен в Тифлисе на бывшем Ходживанском кладбище, рядом с могилой Агаяна.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТУМАНЯНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Первый русский перевод из Туманяна появился в 1893 г. на страницах журнала «Семья» (№ 55, стр. 2). Здесь была напечатана легенда «Ахтамар» в переводе К. Д. Бальмонта. Через год было предпринято в Москве издание второго тома сборника «Армянские беллетристы», в котором были представлены в русских переводах также «молодые поэты», среди них и Туманян.

Книга была напечатана и представлена в Московский цензурный комитет, который наложил арест на издание. Цензура нашла в сборнике «влияние русских шестидесятников», «тенденциозность». По докладу министра внутренних дел Дурново, по постановлению Комитета министров от 25 апреля 1894 г., книга в количестве 1115 экземпляров была запрещена и уничтожена «сожжением при Суцевском полицейском доме». Один из уцелевших экземпляров хранится в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде. Во второй том «Армянских беллетристов» вошли «Ахтамар» и два лирических стихотворения Туманяна: «Когда в последний миг...» и «С горных высей стремится ручей...»

В начале 900-х годов переводы из Туманяна время от времени появлялись на страницах журналов: «Кавказский вестник», «Вестник иностранной литературы», «Русская мысль», «Детское чтение», «Южные записки». Затем Туманян печатался на русском языке в изданных в Москве специальных сборниках: «Современные армянские поэты» (М. 1903), «Современная армянская литература» (М. 1906), «Армянская муза» (1907), «Кавказский Альманах» (1914), «Сборник армянской литературы» под редакцией М. Горького (1916). В годы первой империалистической войны переводы из Туманяна печатались также в «Армянском Вестнике».

Наиболее серьезная попытка ознакомить русское общество с произведениями, в частности поэзией, крупнейшего представителя новой армянской литературы до 1917 г. была сделана в сборнике «Поэзия Армении» под редакцией В. Я. Брюсова.

Пропаганда богатого художественного наследия Туманяна развернулась лишь в советские годы. Немало сделано в этом направлении. Достаточно сказать, что в течение десяти лет (1937–1945) были изданы четыре сборника избранных произведений Туманяна в русских переводах. В 1950 году вышел под редакцией Мариэтты Шагинян новый однотомник Туманяна на русском языке, превосходящий по своему объему все предыдущие издания.

Сказку Туманяна в стихах «Собака и кот», в переводе С. Я. Маршака, Детиздат выпустил в 1939 году тиражом 100 000 экз. В 1950 году была издана в Москве на русском языке другая сказка Туманяна «Хозяин и работник» для младшего школьного возраста тиражом 200 000 экз.

ОСНОВНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТУМАНЯНА, ИЗДАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I. Избранное. Стихи и проза, Перевод с армянского «Заря Востока», Тбилиси, 1937, 187 стр.

II. Избранные произведения, М., Гослитиздат. 1937, 255 стр.

III. Избранное, Под редакцией С. Шервинского, Армгиз, Ереван, 1941, 359 стр. (В конце книги имеется указатель «Ованес Туманян в русских переводах».)

IV. Избранное, Перевод с армянского под редакцией С. Шервинского, рисунки В. Бехтеева, Детиздат, М.—Л., 1945, 110 стр.

V. Избранные произведения. Перевод с армянского, составление и редакция С. Хитаровой, М., Гослитиздат, 1946, 414 стр.

VI. Избранные сочинения. Под редакцией Мариэтты Шагинян. Армгиз. Ереван — Москва. 1950, 541 стр.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ТУМАНЯНЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ованес Туманян (биографический этюд). Ереван, Армгиз, 1939, 24 стр.

Ованес Туманян — поэт-просветитель. Смена. 1949, № 4.

Аршаруни А. Эпос армянского народа (О поэме Туманяна «Давид Сасунский»), Искусство кино, 1939, № 10, стр. 43.

Ахумянт. Ованес Туманян. К 30-летию со дня смерти. Комс. правда,

1953, 11/IV, № 86 (8566).

Брюсов В. Вступительный очерк к сб. «Поэзия Армении», М., 1916, 69–70 стр. (Общая характеристика и оценка творчества Туманяна.)

Неопубликованные письма Валерия Брюсова к Ованесу Туманяну, Октябрь, 1937, № 10, стр. 169–170.

Варт Р. «Давид Сасунский» Ов. Туманяна, «Детская литература», 1939, № 12, 29–31 стр.

Григорьян К. Н. Павло Тычина и Ованес Туманян. Изв. Ак. наук Арм. ССР. Общественные науки. Вып. 11–12, Ереван, 1946, стр. 125–131.

Григорьян К. Н. Туманян в русских переводах, «Советская книга», 1952, № 4, стр. 100–105.

Григорьян Р. Г. Великий армянский поэт, «Лит. газета», 1939, 10/V, № 20 (799), 6 стр.

Державин Вл. Предисловие к переводу поэмы «Ануш». «Молодая Гвардия», 1939, № 6, 35–36 стр.

Дживилегов А. К. Ованес Туманян, «Лит. газета», 1948, 31/III, № 26.

Зарьян Н. Великий поэт армянского народа, «Известия ЦИК СССР», 1948, 25/III, № 69.

Инджикян А. Ованес Туманян, В кн. Ованес Туманян, Избранное, Ереван, Армгиз, 1941.

Кочар Р. Народный поэт Армении, «Огонек», 1948, № 12, стр. 14.

Мкрян М., Вступительная статья. Ованес Туманян. Избранные сочинения, под ред. Мариэтты Шагинян. Армгиз. Ереван — Москва, 1950, стр. 7—15.

Торджян Х. Ов. Туманян и армянская музыка, «Советская музыка», 1939, № 8, 23–28 стр.

Туманян Н. Ованес Туманян (биографический очерк),

В кн. Туманян Ов., Избранные произведения, М., 1946, стр. 9—20.

Тычина П. Г. Ованес Туманян. В кн. Павло Тычина, В армии великого стратега, Статьи и выступления, Перевод с украинского. «Радянский письменник», Киев, 1951, стр. 34–38.

Хачатрянц Я. С. Ованес Туманян, «Литература и искусство», 1944, 19/II, № 8 (112), 1 стр.

Хитарова С. Ованес Туманян (к 70-летию со дня рождения поэта), Кр. Новь, 1939, № 2, стр. 245–250.

Хитарова С. Ованес Туманян, В кн. Ов. Туманян Избранные произведения, М., 1946, стр. 3–8.

Шервинский С. Ованес Туманян, В кн. Ов. Туманян, Избранное М.—Л., 1945, стр. 3—10.

---

notes

Примечания

1

С 1935 г. переименован в Кировабад (Азербайджанская ССР).

Кызилбаши — турецкое слово. В прямом переводе «красноголовые». Так называли в Армении турецких и персидских воинов, носивших красные фески.

Эчмиадзин — древний армянский монастырь, основанный в 303 году.
Находится в 18 километрах от Еревана.

Тэр — владыка, отец, форма обращения к священнику.

Чонгур — народный музыкальный инструмент.

«Кёр-оглы и «Асли Кярам» — популярные на Кавказе народные музыкальные драмы.

Тирацу — дьячок. Джан — милый, дорогой.

Варжапет — учитель.

Джалалоглы — город в Армянской ССР, ныне Степанаван. Расположен в Лорийской долине на реке Дзорагет, недалеко от железнодорожной станции Колагеран.

Уста — мастер.

Кинто — так называли в старом Тифлисе веселых гуляк из беднейших слоев населения, а также мелких торговцев в разнос.

Ныне — район Грузинской ССР. Центр — г. Люксембург.

Масис — Арарат.

Тонко раскатанный деревенский хлеб.

Базаз — купец, владелец мануфактурной лавки.

Милый, любимый, дорогой — нежное ласкательное обращение.

Апи — отец, нани — мать,

Ханум — госпожа.

Ага — господин, барин.

«Дайте землю из вашего очага» — в переносном смысле означает: «вашу дочку просим». (Прим. Ов. Туманяна),

Дэвы — злые духи.

Абастумани, Боржоми, Бакуриани — курорты Грузинской ССР.

Джавахк — старинное название Ахалкалакского и Богдановского районов Грузинской ССР.

Руины крепости Тмук находятся в Богдановском районе Грузинской ССР.

Ишхан — князь.

Яйла — кочевье,

Джан-гюлум — нежная роза. Так называются хоровые народные песни, которые исполняются в весенний праздник цветов. Песни сопровождаются гаданьем. После каждого четверостишья (напоминающего по своему характеру русские частушки) повторяется припев «Джан-гюлум».

Речь идет о дореволюционной Армении. Статья Брюсова написана в 1916 году.

Дервиш — странствующий нищий.

Чатиндяг — гора в Лорийском районе Армянской ССР.

Баяти — протяжная печальная песня.

Саз — народный музыкальный инструмент.

Ныне гор, Ленинакан, Армянской ССР,

Сохранились черновики первых четырех строф второй части поэмы (около 80 строк).

Мсыр — название египетско-сионйского халифата (XII–XIII вв.).
Мсра-Мелик — правитель Мсыра.

Сасун — область в Западной Армении. «Город Сасун» в эпическом памятнике — собирательное название области.

Лидр — мера веса, приблизительно 5 кг.

В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 3, стр. 521.

В. М. Молотов. Статьи и речи, Партиздат, 1937, стр. 211.

И. В. Сталин. Сочинения, т. 1, стр. 82.

Там же, т. 1, стр. 85–86.

М. Горький. Ранняя революционная публицистика, Госполитиздат, Москва, 1938, стр. 117.

Амо, Ано, Мосо — уменьшительные формы армянских мужских имен.

В подлиннике «мадзун» — кислое молоко, род простокваши.

Арэг на армянском языке означает солнце.

Ваагн — древнеармянский языческий бог солнца и грозы.

История ВКП(б), Краткий курс, 1938, стр. 155.

Город в Азербайджанской ССР, где родился Цатурия.

Джан — слово, означающее и душу и тело, вообще нечто самое дорогое, милое, любимое (примеч. В. Я. Брюсова).

Пинджан — сосуд, фиал.

И. В. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 51.

И. В. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 51–52.

И. В. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 254–255.

И. В. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 25–26.

И. В. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 413.

Саламури — свирели

---

comments

Комментарии

Армяне принадлежат к числу древнейших народов мира. Исторический путь армянского народа прослеживается на протяжении более двух с половиной тысяч лет. Известно, что в отдаленнейшие времена армяне общались с мидянами, древними персами, лидийцами, понтийцами и другими народами Азии. О высокой культуре древней Армении свидетельствуют дошедшие до нас более двадцати тысяч старинных армянских рукописей, богатая историческая литература V–X вв., такие замечательные памятники архитектуры, как Гарнийский храм, построенный в I веке н. э., храмы Звартноц, Рипсимэ, Гаянэ (VII век), Ахтамар (X век), Пркич, Санаин, Ахпат, Гегарт (XIII век) и многие другие. О развитии политической, экономической и культурной жизни говорят и развалины древних городов, столиц Армении: Тигранакерта, Арташата, Ани, Двина. См.: 1) История армянского народа, ч. I под редакцией Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна. Айпетрат. Ереван, 1951, 2) З. Т. Григорян, Вековая борьба армянского народа за свою независимость и свободу. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в г. Ереване. Издательство «Правда», Москва, 1946, 3) Член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, проф. А. К. Дживелегов. Армения и Турция. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 20 февраля 1946 года в Лекционном зале в Москве. Издательство «Правда», Москва, 1946.

Мадатов Валериан Григорьевич (1782–1829) — генерал-лейтенант русской армии, армянин по национальности. Отличился в войне против Турции. Участник Отечественной войны 1812–1814 гг. В 1813 году был ранен под Лейпцигом.

С 1818 г. принимал участие в военных действиях на Кавказе. Под его командованием одержан ряд побед в войне против Турции и Персии (1826–1828).

В 1948 г. исполнилось 225 лет со дня массового вступления армян и грузин в русскую армию. В 1723 г. около 700 армян и грузин вошли в ряды русской армии, составив несколько рот и эскадронов. Первые армяне генералы в русской армии появились в тридцатых годах XVIII века. 9 декабря 1734 г., по представлению генерала Левашова, армяне Лазарь Христофоров и Иван Юз-Баша «были пожалованы» генерал-майорскими чинами. (Собр. актов, относящихся к обзору истории армянского народа. М., 1832, ч. II, стр. 295–296). Особенно ярко сказалось участие армян в Отечественной войне 1812–1814 гг. Славные традиции вековой дружбы между великим русским и армянским народами с особой силой сказались в дни Отечественной войны Советского Союза, когда сыны Армении сражались вместе с другими братскими народами за свободу и честь единой социалистической Родины.

Абовян Хачатур (1805–1848) — основоположник новой» армянской литературы. См. *Х. Абовян. Раны Армении*. Пер. С. Шервинекого, Армгиз, Ереван — Москва, 1948; *Хачатур Абовян. Избранное*, Перевод с армянского. Гослитиздат, М., 1948; *Хачатур Абовян. Стихотворения*. Пер. С. Шервинекого, Армгиз, Ереван, 1948.

О географическом положении Армении, о ее естественных богатствах и экономическом развитии см. в книге Мариетты Шагинян, Путешествие по советской Армении, Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1951. Книга удостоена Сталинской премии.

Биографические сведения почерпнуты из произведений Туманяна, из воспоминаний его современников: Ширванзаде, Ав. Исаакяна, Ст. Зорьяна, И. Гришашвили, Г. Левоняна и др., а также из записок и бесед Ов. Туманяна, опубликованных в биографическом этюде и статьях Н. Туманян.

Раффи (Акоп Мелик-Акопян, 1835–1888) — писатель, публицист. На русском языке см. «Самуэл». Исторический роман, Перевод с армянского А. Тер-Карпетова и И. В. Ереванцян, М., Гослитиздат, 1946. «Золотой петушок», Ереван, Армгиз, 1948.

Нерсисянское духовное училище, открытое в Тифлисе в 1824 году; после Лазаревского института восточных языков в Москве второе по своему культурному значению армянское учебное заведение на территории дореволюционной России. В нем учились Х. Абовян и С. Назарян.

Сундукян Габриэл (1825–1912) — основоположник армянской реалистической драматургии, автор известной комедии «Пэпо». На русском языке см. Габриэл Сундукян. Пьесы, Перевод с армянского под ред. С. Хитаровой, «Искусство», М.-Л., 1949.

Дзеренц (Овсеп Шишманян, 1822–1888) — писатель, автор исторических романов: «Муки IX века», «Торос — сын Левона», «Теодорос Рштуни».

Исаакян Аветик (1875) — народный поэт Армении. Яркий представитель армянской классической поэзии нового периода, действительный член Академии наук Армянской ССР. Первый сборник стихов Исаакяна «Песни и раны» вышел в 1898 году, второй — в 1903 году. Стихи и песни Исаакяна отражали горести и страдания широчайших масс армянского народа. Этим объясняется огромный резонанс первых сборников и популярность многих его песен, о которых В. Я. Брюсов справедливо говорил, что «поэт так близок к складу народной лирики, что иные стихотворения кажутся созданиями безыменных певцов, новой серией народных песен». Лучшие переводы принадлежат А. А. Блоку, который в 1916 году писал: «Поэт Исаакян — первоклассный, может быть такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет». В годы Великой Отечественной войны Исаакян создал новый цикл патриотических стихотворений. В 1945 году Исаакяну была присуждена Сталинская премия первой степени за стихотворения: «Моей родине», «Великому Сталину», «Бранный клич», «Сердце мое на вершинах гор», «Наша борьба», «Вечной памяти С. Г. Загияна». На русском языке см. Аветик Исаакян, Избранные произведения, Авторизованные переводы с арм., М., Гослитиздат, 1952'; Знамя надежды, Рассказы, Перевод с армянского Я. С. Хачатрянца, М., «Правда», 1948; Избранное, Перевод с армянского, Ереван, Айпетрат, 1952.

Агаян Газарос (1840–1911) — писатель, публицист, педагог, общественный деятель. На русском языке см. Газарос Агаян, Избранное, Ереван, Армгиз, 1941.

Ширванзаде (Александр Мовсисян, 1858–1935) — один из выдающихся мастеров армянской реалистической прозы. Автор романа «Хаос», драмы «Из-за чести» и многих других произведений. Ширванзаде показал распад буржуазного общества, «власть денег», разрушение моральных и нравственных основ буржуазной семьи. Долгое время жил за границей, в 1926 г. вернулся в Советскую Армению. В 1934 г. на первом съезде советских писателей Ширванзаде говорил: «Мне 76 лет, но я никогда не чувствовал себя таким свободным и таким счастливым, как в последние восемь лет, которые я провел в Советском Союзе. И мне хочется последние свои силы отдать Советской стране». На русском языке см. А. Ширванзаде, Избранное, Перевод с армянского Я. Хачатрянца. Гослитиздат, М., 1949; А. Ширванзаде, Избранное, Перевод с армянского, М., Гослитиздат, 1952.

Демирчян Дереник (1877) — один из старейших и крупнейших писателей Советской Армении. В послеоктябрьский период написал цикл рассказов, комедию «Храбрый Назар», драму «Страна родная» и исторический роман «Вардананк». На русском языке см. Дереник Демирчян. Избранное (повести и рассказы), Пер. В. Баласана, Ереван, Армгиз, 1950; Дереник Демирчян. Храбрый Назар, Восточная сказка в 4 д. с прологом, Перевод с армянского Я. Хачатрянца. М.-Л., «Искусство», 1940.

Манвелян Левон (1864–1919) — поэт, драматург. Стихи его в русских переводах см. Антология армянской поэзии, М., 1940, стр. 421–422.

Абегян Манук (1865–1944) — ученый, филолог. Заслуженный деятель науки, действительный член Академии наук Армянской ССР, профессор Ереванского университета. Автор многочисленных трудов, посвященных вопросам изучения армянского фольклора, армянского языка, двухтомного труда истории древнеармянской литературы.

Налбандян Микаел (1829–1866) — революционный деятель, писатель, публицист. Яркий представитель армянской революционной демократии, убежденный последователь великих русских революционных демократов Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Налбандян мечтал по примеру герценовского «Колокола» основать свободный орган армянской революционной мысли. Сохранились интересные воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой о встречах Налбандяна с Герценом в Лондоне. В середине 1862 года Герцен и Огарев писали в Россию: «Налбандян — золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости... Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его».

В начале 1862 года Налбандян из заграницы вернулся в Россию и вскоре приехал в Нахичевань. Там он был арестован и направлен в Петербург, где был заключен в Петропавловскую крепость по обвинению в связи с «лондонскими пропагандистами». 27 апреля 1862 года по приговору Сената Налбандян за связь с «лондонскими пропагандистами», за «распространение запрещенных их лондонских изданий», за «стремление распространить на юге России между армянами противоправительственное движение» в последней стадии туберкулеза был сослан в г. Камышин, где и умер 31 марта 1866 г. На русском языке см. Микаел Налбандян. Избранные сочинения, Армгиз, Ереван, 1941.

Шаумян Степан (1878–1918) — верный сын коммунистической партии, выдающийся ученик и соратник Ленина и Сталина, один из виднейших руководителей революционного движения в Закавказье. Погиб в 1918 г., расстрелянный английскими интервентами и эсерами в числе 26 бакинских комиссаров. См.: С. Шаумян. Литературно-критические статьи, Гослитиздат, 1952; М. Д. Багиров. Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана, Госполитиздат, М., 1949; «Степан Шаумян», изд. Азербайджанского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП (б), Баку, 1948.

Грабар — древнеармянский язык. Грабар господствовал в армянской литературе вплоть до первой половины XIX века, когда после упорной борьбы его место занял ашхарабар, армянский простонародный язык, ставший основой языка новой армянской литературы.

Назарян Степанос (1812–1879) — публицист, журналист и литератор. Основатель журнала «Северное сияние». В течение многих лет Назарян был профессором Лазаревского института восточных языков в Москве.

Лазаревский институт восточных языков основан в Москве в 1815 году Иоакимом Лазаревичем Лазаревым (1743–1825). При институте была организована типография, имевшая шрифты 12 восточных и европейских языков. Институт ставил перед собой задачу создания условий, способствующих «развитию наук между обитающими в России армянами». Лазаревский институт стал центром русской школы армяноведения. Из его стен вышел ряд крупных ученых-исследователей, филологов-арменистов.

Журнал «Юсисапайл» («Северное сияние», 1858–1864) — издавался в Москве на армянском языке Степаносом Назаряном.

Патканян Рафаэл (1830–1892) — поэт, прозаик, педагог. Образцы его поэзии см. в Антологии армянской поэзии, М., Гослитиздат. 1940, стр. 377–379.

Шахазиз Смбат (1841–1907) — поэт. Отрывки из его поэмы «Скорбь Лео́на» и образцы его лирики в русских переводах см. в Антологии армянской поэзии, М., Гослитиздат, 1940, стр. 367–373.

Прошян Перч (1837–1907) — один из зачинателей армянской реалистической прозы. Автор романов из деревенской жизни. На русском языке см. Перч Прошян. Из-за хлеба, Роман, Пер. Анны Иоаннисиян, Гослитиздат, М, 1950.

Цатурян Александр (1865–1917) — поэт. На русском языке см. Цатурян Александр. Избранное, Перевод с армянского Е. Полонской. Ереван. Армгиз, 1940.

Акопян Акоп (1866–1937) — основоположник армянской пролетарской поэзии. С 1904 г. — член большевистской фракции РСДРП. Вел широкую партийно-пропагандистскую работу. Первый сборник его стихотворений вышел в 1899 г., второй — в 1906 г., третий — в 1910 г. После революции начинается новый этап кипучей общественно-литературной деятельности Акопяна. За эти годы он создал ряд новых произведений, в которых воспел героику социалистического преобразования страны. В 1923 г. Акопяну было присвоено звание народного поэта Армении и Грузии. На русском языке см. Акоп Акопян. Избранное, Перевод с армянского, М., Гослитиздат, 1951.

Мурацан (Григор Тер-Ованисян, 1854–1908) — писатель. На русском языке см. Мурацан. «Георг Марзпетуни» (исторический роман), Гослитиздат, М., 1945; Мурацан. «Апостол», «Ноев ворон» (повести). Ереван, Армгиз, 1950.

Вартазарян Филиппос (1858–1935) — один из ближайших друзей Туманяна, литератор.

Ованисян Ованес (Иоаннес Иоаннисян, 1864–1929) — один из крупнейших представителей армянской поэзии нового периода. С его именем связано начало расцвета лирики. Ованисян обогатил поэзию народно-демократическими мотивами и положил основу новой реалистической школы. На русском языке см. Иоаннес Иоаннисян. Избранное, Перевод с армянского, Гослитиздат, М., 1949.

Мартуни (Мясникян Александр Федорович, 1886–1925) — старый большевик, революционный деятель, публицист, литератор, автор ряда критических этюдов.

Саят-Нова (1712–1795) — армянский поэт лирик XVIII в. Русский перевод его песен см.: Саят-Нова. Песни, Перевод с армянского и грузинского В. Брюсова, Ю. Верховского и др., М., Гослитиздат, 1939. Саят-Нова. Сборник армянских, грузинских и азербайджанских песен (к 150-летию со дня смерти ашуга). Еревангиз, Арм. ССР, 1945.

Дживани (Левонян Серовбэ, 1846–1909) — известный армянский народный певец-поэт. Образцы его песен в русских переводах см. в Антологии армянской поэзии, стр. 350–356.

Миракян Ваач (1875–1942) — поэт. Отрывок из его поэмы «Охота на Лалваре» в русском переводе см. Антология армянской поэзии, М., 1940, стр. 423–425.

Интерес к Пушкину в армянской литературе возник еще при жизни поэта. Первым переводчиком произведений Пушкина на армянский язык был ученый филолог Н. О. Эмин (1815–1890). Его ученики по Лазаревскому институту восточных языков армянские поэты: Рафаэл Патканян, Смбат Шахазиз, Георг Додохян (1830–1908) первым знакомством с лучшими произведениями русской поэзии были обязаны своему учителю. Н. О. Эмин во время лекций любил читать Пушкина и Лермонтова, прививая своим слушателям любовь к русской поэзии.

В дни юбилея впервые отдельной книжкой была издана на армянском языке — биография Пушкина, составленная Степаном Лисицяном (Тифлис, 1899).

Джавахеци (Газарос Тер-Григорьян, 1874–1937) — писатель, автор рассказов из жизни дореволюционной армянской деревни. Старший брат поэта В. Терьяна.

Терьян Ваан (Ваган Сукиасович Тер-Григорьян, 1885–1920) — поэт. Его творчество открыло новую страницу истории поэзии Армении. Терьян был и выдающимся общественно-политическим деятелем. Он восторженно встретил Октябрьскую революцию, вступил в коммунистическую партию и стал активным общественно-политическим деятелем молодого социалистического государства. На третьем и четвертом Всероссийских съездах Советов Терьян был избран членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, работал в Народном Комиссариате по делам национальностей. На русском языке см. Ваган Териан (Ваан Терьян). Стихи, М., Гослитиздат, 1950; Ваан Терьян. Избранное, Ереван, Айпетрат, 1952.

До сих пор, к сожалению, нет удачных переводов таких значительных произведений Туманяна, как «Парвана» и «Взятие крепости Тмук». Пересказ вызван желанием как можно правильнее передать содержание поэмы.

Надир-шах (1688–1747) — персидский царь, ранее атаман разбойничьей шайки. Поступил в услужение к персидскому шаху Тахмэзу и приобрел большое влияние при дворе. В 1736 г., свергнув с престола Тахмаз-шаха, объявил шахом его восьмимесячного сына Абаса III, а затем сам захватил престол. При Надир-шахе в результате захватнических войн Персия расширила свои границы.

В рассказе Туманяна «Постройка железной дороги» пастух говорит; «Поднимаюсь на горы, гляжу на ущелья, вижу, как скалы взрывают, — сердце сжимается; точно дитя у человека вражеские руки терзают, а человек не может помочь..» Ованес Туманян. Избранные сочинения, Ереван — Москва, 1950, стр. 319.

И. Ф. и А. А. Тхоржевские печатали свои переводы под псевдонимом «Иван-да-Марья».

Поэма «Ануш» имеется в двух русских переводах. Старый перевод выполнен Вяч. Ивановым для сборника «Поэзия Армении» под ред. В. Я. Брюсова (М., 1916, стр. 334–359). Новый перевод, по которому цитируется поэма в настоящей книге (за исключением песни Ануш: «Сказывают: ива девушкой была...») принадлежит Вл. Державину (Антология армянской поэзии, стр. 457–480). Этот перевод по близости к оригиналу стоит неизмеримо выше, чем старый. В то время как Державин в передаче оригинала стремится к максимальной точности, Вяч. Иванов исказил текст Туманяна, хотя много и настойчиво работал над переводом «Ануш». Когда Брюсов прочитал Туманяну перевод Вяч. Иванова, армянский поэт сказал: «Да, я узнаю свою Ануш, только она превратилась в блондинку». Державин подошел к своей задаче иначе, чем старый переводчик: «Я старался, — пишет Державин, — сохранить мелодический рисунок, дать понятие о ритмах и звуках поэмы. Главное внимание я устремил на то, чтобы ни одна капля содержания не потерялась при переливании стихов из формы армянского языка в форму русского. За что же я полюбил Туманяна? Почему я захотел перевести его лучшую, труднейшую вещь? За что любит Туманяна народ? Прочитайте поэму, и вы сами увидите — за что; увидите, что, узнав поэта, нельзя его не полюбить».

Комитас (Согомонян, Согомон Геворкович, 1869–1936) — композитор, крупнейший исследователь и толкователь армянской народной песни. Его творчество органически связано с богатой традицией армянской народной мелодии. Произведения Комитаса отличаются простотой и ясностью звуков, элегичностью и нежным лиризмом. См... Комитас. Песни, Музгиз, М — Л., 1939.

Тигранян Армен (1879–1950) — автор первой армянской национальной оперы «Ануш», заслуженный деятель искусств Армянской и Грузинской ССР. В годы Великой Отечественной войны написал героическую оперу «Давид-бек» по мотивам одноименного романа Раффи.

Папанов Керовнэ Петрович (1833–1889) — арменист-филолог. В 1885 г. первым из армянских ученых избран членом-корреспондентом Академии наук в Петербурге.

Халатянц Григорий Абрамович (1858–1916) — профессор армянской словесности Лазаревского института восточных языков, автор исследований по истории древнеармянской литературы.

Сводный текст армянского героического эпоса «Давид Сасунский»,
издан на русском языке Академией наук СССР, в 1939 г.

Кецховели Ладო (1874–1903) — ближайший соратник И. В. Сталина, выдающийся организатор ленинско-искровской революционной социал-демократии в Грузии. См. Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, 7-е издание, Госполитиздат, М., 1948.

Газета «Брдзола» («Борьба») — начала выходить в Тифлисе с сентября 1901 г. по инициативе товарища Сталина и Кецховели. Первая нелегальная грузинская социал-демократическая газета, последовательно проводившая идеи ленинской «Искры». См.: Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, М., 1947, стр. 14–17.

Дашнакцутюн — армянская буржуазно-националистическая контрреволюционная партия, враждебная интересам армянского народа. Возникла в Закавказье в 1890 году. Подобно грузинским меньшевикам, изгнанные после революции дашнаки стали врагами Советской Армении, агентами международного империализма.

Муссават — азербайджанская буржуазно-националистическая контрреволюционная партия. Возникла в 1911 г. в Баку. В 1918 году она явилась главной контрреволюционной силой в Азербайджане. Вела активную борьбу против рабоче-крестьянского движения и против Советской власти.

Зорьян Степан (1890) — один из выдающихся мастеров армянской прозы. Первоклассный переводчик. В частности, ему принадлежат лучшие переводы на армянский язык произведений Л. Н. Толстого. На русском языке см. «Яблоневый сад», Повести и рассказы, Пер. с арм. Я. С. Хачатрянца, «Сов. Писатель», М., 1948; «История одной жизни», Авториз. пер. с арм. Сако Сукиасяна, Гослитиздат, М., 1949; «Царь Пап», Исторический роман, Пер. с арм. Анны Ионнисиан. «Сов. Писатель», М., 1946; Повести и рассказы. Авториз. пер. с арм., М., «Сов. Писатель», 1952.

Гришашвили Иосиф (род, 1889) — один из популярных поэтов современной Грузии. Лауреат Сталинской премии. Действительный член Академии наук Грузинской ССР. За прекрасные переводы из армянской поэзии, в частности из произведений Туманяна, ему присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Армянской ССР. Стихотворение И. Гришашвили «Другу Грузии. На смерть Ованеса Туманяна» в русском переводе см. И. Гришашв. Избранные стихи, Пер. с груз., М., Гослитиздат, 1951, стр. 68.

Тадевосян Егише (1870–1936) — известный армянский художник, по преимуществу пейзажист. Работал и в области портретной живописи. Его кисти принадлежит портрет Ованеса Туманяна.

Левонян Гарегин Дживанович (1872–1947) — сын известного поэта-ашуга Дживани (1846–1903), Заслуженный деятель искусств Армянской ССР: филолог, искусствовед, автор исследований по истории ашугского искусства, армянского книгопечатания и древнего театра.

Манандян Акон (1873–1951) — историк. Действительный член Академии наук СССР и Академии наук Армянской ССР. Автор исследований по истории Армении.

Башинджагян Георг (1857–1925) — известный армянский художник. Основоположник пейзажного жанра в армянской живописи. Выступал также в качестве беллетриста.

Терлемезян Фанос (1865–1941) — Народный художник Армянской ССР. Пейзажист. Писал и портреты, из которых по своим художественным достоинствам выделяются «Дорийский пастух» и портрет композитора Комитаса.

Лисицян Степан (1865–1947) — педагог, литератор, этнограф.

Папазян Вртанес (1866–1920) — новеллист, драматург, литератор.

Тычина Павло Григорьевич (род. 1891) — выдающийся украинский советский поэт. Действительный член Академии наук Украинской ССР. В печати давно известны его переводы из Ованеса Ованисяна, с которым он находился в близких, дружеских отношениях, Акопа Акопяна. П. Г. Тычине принадлежит ряд прекрасных переводов из Туманяна на украинский язык, в том числе и детских стихотворений армянского поэта. Тычина посвятил ему стихотворение «Детство Ованеса», написанное с чувством глубокой симпатии к Туманяну. Русский перевод этого стихотворения см. Павло Тычина. Избранные произведения, Пер. с украинского, Гос. изд-во художеств, лит. УССР, Киев, 1951, стр. 144–146,

Возникновение армянской письменности относится к самому началу пятого века. Армянский алфавит был изобретен писателями-просветителями Месропом Маштоцом и Сааком Партевом. См. Манук Абсгян. История древнеармянской литературы, Изд. Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1948, т. 1, стр. 64–82.

Первая армянская печатная книга появилась через 60–65 лет после изобретения книгопечатания. Армянин, именовавший себя Акопом Мегапартом, заказал армянские буквы и в 1512 г. напечатал книгу под названием «Парзатумар» («Святцы»), См. проф. Гарегин Левонян. Краткий очерк развития армянского книгопечатания (в кн. «Выставка армянской печатной книги. Путеводитель», Изд. Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров Армянской ССР, Ереван, 1946).

Месроп Маштоц (361–440) — выдающийся просветитель, основатель армянской письменности. Вместе с Сааком Партевом (389–438) в начале V века создал армянский алфавит.

Хоренаци Мовсес или Хоренский Моисей — писатель V века. Назван «отцом» армянской истории. Автор книги «История Армении», переведенной на русский и на западноевропейские языки.

Нарекаци Григор (Нарекский, 951—1003) — поэт. Один из крупнейших деятелей средневековой армянской культуры, творчество которого имело громадное значение в развитии армянской поэзии. Образцы его лирики в русских переводах см. в Антологии армянской поэзии, М., Гослитиздат, 1940, стр. 231–233.

Шнорали Нерсес (Нерсес Благодатный, ум. в 1172) — писатель и поэт, автор поэмы «Элегия на взятие Эдессы» в русском переводе см. в Антологии армянской поэзии, стр. 234–239.

Кучак Наанет (XVI в.) — крупнейший представитель средневековой армянской лирической поэзии. Русский перевод см. в Антологии армянской поэзии, стр. 284–289.

Махмуд-шах (971—1030) — иранский шах из династии Газневидов, для которого Фирдоуси написал свою знаменитую книгу «Шах-Намэ».

Тамара (1184–1213) — царица Грузии. При ее дворе жил грузинский поэт Шота Руставели, автор бессмертной поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Русский перевод см. Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре, Поэма в стихах, Пер. с груз. Ш. Нуцубидзе, М., Гослитиздат, 1950.

Адамян Петрос (1849–1891) — знаменитый армянский трагик. С огромным успехом выступал в Москве, Петербурге и больших городах Закавказья. Адамян впервые в истории армянского театра играл Арбенина в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» и роль Жадова в комедии Островского «Доходное место». Более всего прославился исполнением роли Гамлета.

Меликян Романов (1883–1935) — композитор, педагог и общественный деятель. В 1921 году основал в Ереване музыкальную студию, на базе которой впоследствии была организована государственная консерватория.

Спендиаров Александр Афанасьевич (1871–1928) — композитор. Автор симфонической картины «Три пальмы», «Крымских эскизов» и «Ереванских этюдов». Ученик Римского-Корсакова, Спендиаров был воспитан на образцах русской классической музыки. См. о нем: А. Шавердян. А. А. Спендиаров, Жизнь и творчество. Краткий очерк, Музгиз, М., 1939.

Ашуг Азири (1871–1922) — один из видных продолжателей традиционной ашугской школы Саят-Нова. Искусный исполнитель народных песен.

Ачарян Грация (род. 1875) — языковед. Действительный член Академии наук Армянской ССР, профессор Ереванского университета. Автор семитомного этимологического словаря армянского языка и пятитомного словаря армянских собственных имен. Кроме того, его перу принадлежат многочисленные исследования по древнему и современному армянскому языку. В 1952 году вышел первый том его «Полной грамматики армянского языка в сравнении с 562 языками» (изд. Акад. наук Армянской ССР, Ереван).

Заветное желание Туманяна об организации университета и центра армянской научной мысли осуществилось лишь в наши дни. Университет был открыт в Ереване, сейчас же после установления Советской власти в Армении, а Академия наук Армянской ССР была учреждена 29 ноября 1943 г. в дни Великой Отечественной войны. Академия наук Армянской ССР объединяет четыре отделения: а) общественных наук, б) биологических наук, в) сельскохозяйственных наук, г) физико-математических, естественных и технических наук с 16 научно-исследовательскими институтами. В состав Академии входят: один почетный член, 26 действительных членов и 17 членов-корреспондентов.

Президентом Академии наук Армянской ССР является известный советский ученый — астрофизик В. А. Амбарцумян.